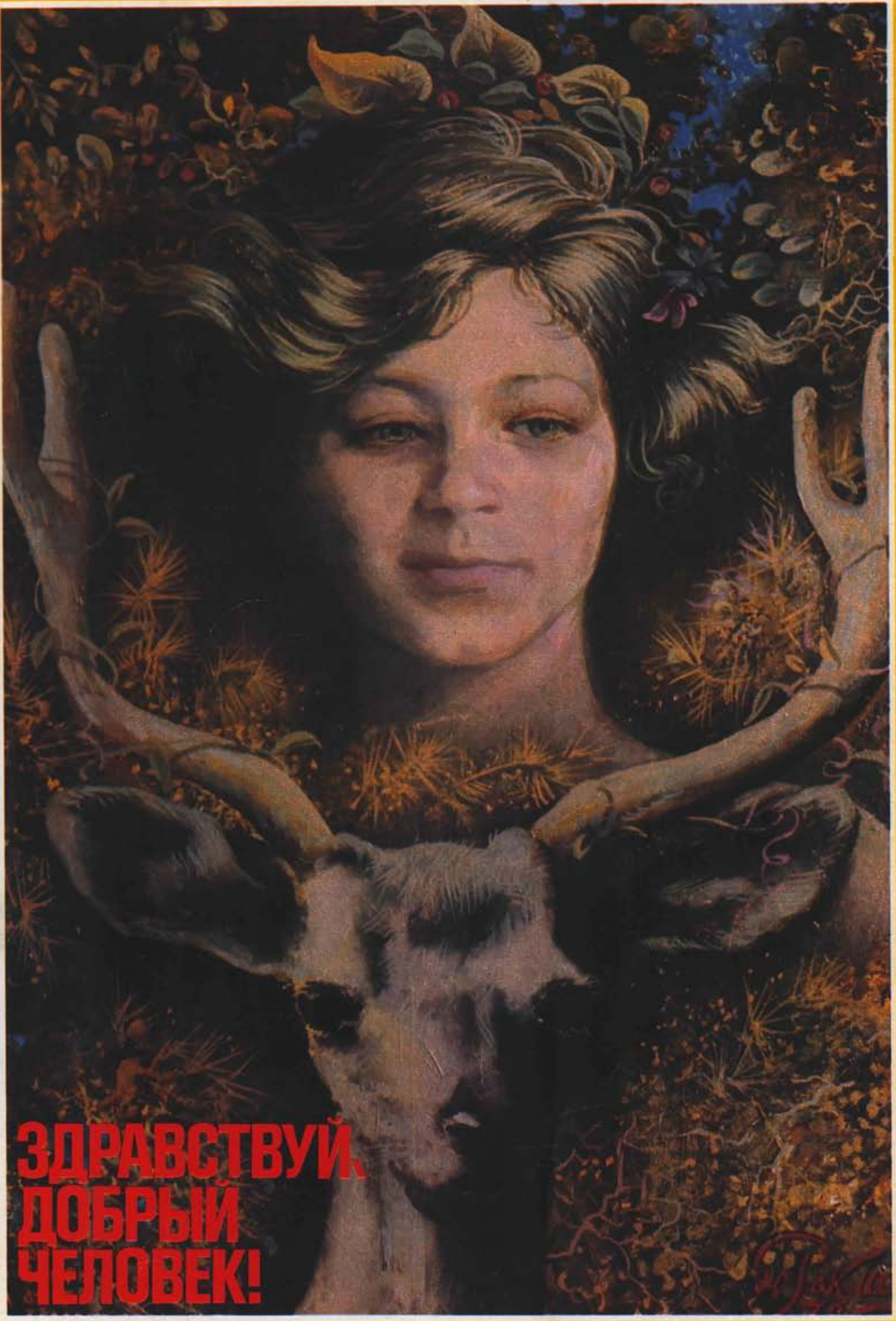

ОМЕТЬ

ISSN 0131—6656

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1983

**ЗДРАВСТВУЙ,
ДОБРЫЙ
ЧЕЛОВЕК!**

Алексей ВОРОБЬЕВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Лишь к вечеру густая, изнуряющая жара отпускала город. Ребята возвращались с завода медленно, потихоньку остывая от горячего дня, и легкий ветер трепал расстегнутые рабочие куртки.

Помывшись, они собирались в большой комнате, которую прозвали в стройотряде красным уголком. В углу у стены стояло ведро с компотом из диких абрикосов, что сварил еще днем, выкроив полчаса, неугомонный комиссар. Зачерпывали стаканами прямо из ведра, пили, довольно жмурясь, и рассказывались вокруг стола. Разговор предстоял непростой.

Разговор о том, что мастера на стройке, постоянно перебрасывая бойцов с объекта на объект, лишь создают проблемы, мешают быстро освоиться на работе. Что пора, наверное, командиру отряда толково объяснить им, что стоит больше доверять студентам, ведь трудятся они на совесть и только «за спасибо». Об уважении к личности! О том, как обойтись без материальных стимулов...

...Пять лет назад в одной из комсомольских групп Таганрогского радиотехнического института обсуждали ленинскую работу «Великий почин». Собрание уже шло к концу, когда кто-то из ребят, усмехнувшись, заметил:

— Слова-то говорим правильные, а нет, чтобы самим попробовать. По-коммунистически поработать, бесплатно. Хотя бы в том же стройотряде!

Так было принято решение организовать студенческий стройотряд безвозмездного труда. Большая часть группы, ветераны институтского отряда «Березка», тут же записались добровольцами.

И в 1979 году родился стройотряд имени Аркадия Гайдара, первый в Ростовской области отряд безвозмездного труда. Имя выбрали не случайно: семьдесят девятый был объявлен Международным годом ребенка, и известный детский писатель был зачислен бойцом в отряд, стал для студентов символом доброго и бескорыстного отношения к детворе.

Пять лет, пять разных отрядов. Сложилась свои традиции. Первая и главная — трудиться честно. Не уступать линейным отрядам ни в объемах работ, ни в производительности. И все, что заработали, отдавать детям.

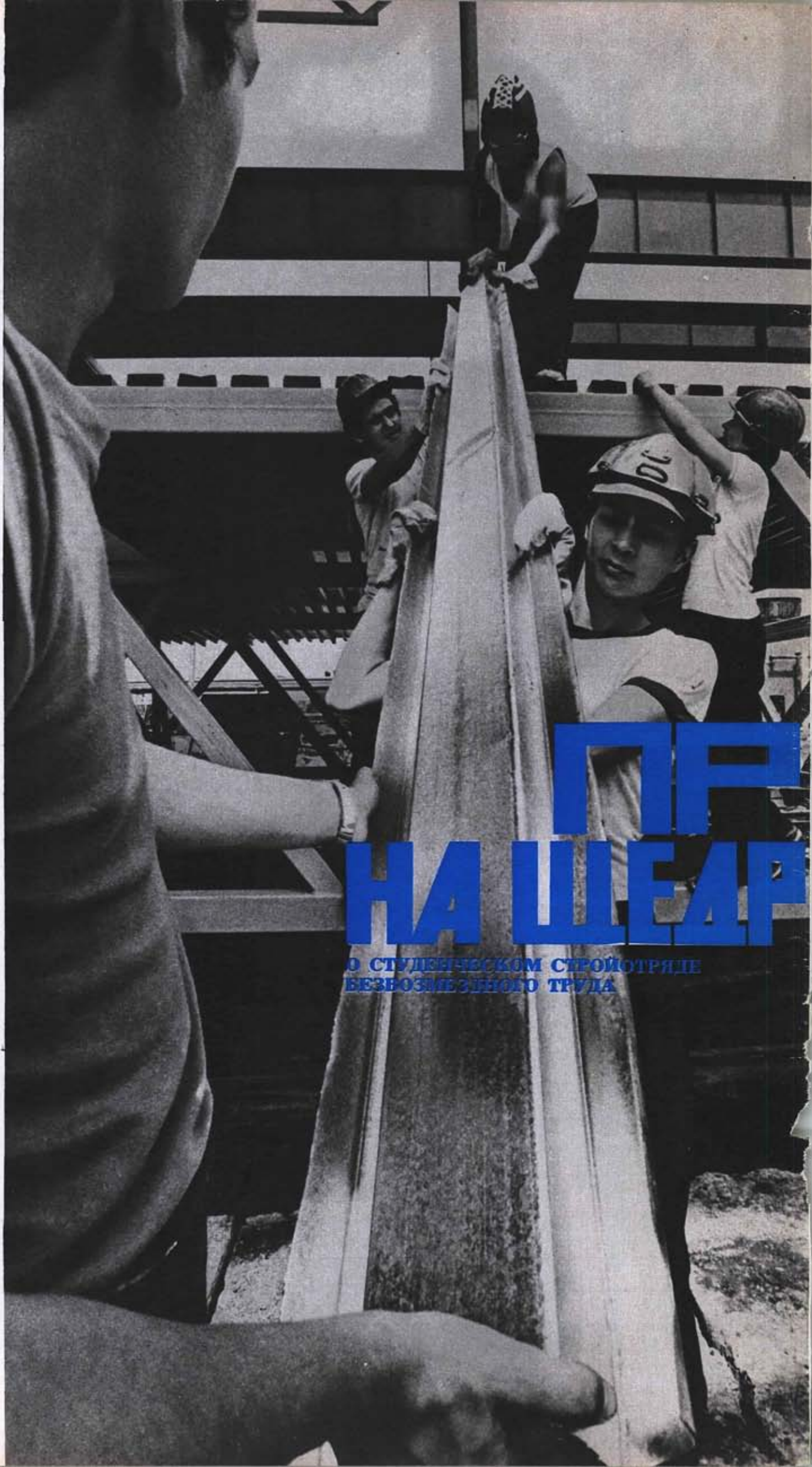
Одни отряды подарили детским домам автобусы, перечислив все заработанное на лицевой счет предприятия-изготовителя. Другие выбрали более простой и короткий путь: за наличные деньги приобретали в магазинах книги, телевизоры, моторные лодки. Даже настоящую парусную яхту купили для ребят через «комиссионку». В нынешнем году деньги поступают на счет Ростовского обкома комсомола, а оттуда — на строительство Мясниковского детского дома. Именно в этот фонд отчисляют сейчас заработанные средства отряды, которые называют себя коммунистическими.

...Весной было подано более семидесяти заявлений. Жене Шержукову, командиру нового отряда имени Аркадия Гайдара, требовалось отобрать тридцать пять человек. Проблема выбора людей упиралась в другую — понять, что вело их в отряд?

К примеру, Толик Трухан. В отряд пошел, узнав, что гайдаровцам дают общежитие. Так прямо и заявил командиру.

— Если за общежитием явился, ничего у нас не выйдет, — отрезал ему Жена. — Подумай.

Толик подумал. И пришел снова. Об-

ПР НА ШЕДР

О СТУДЕНЧЕСКОМ СТРОЙОТЯДЕ
БЕЗВОЗМЕЗДНОГО ТРУДА

АВТО ОСТЬ

**ЕЩЕ ОДИН ПОДАРОК
СТУДЕНТОВ—
АВТОБУС.**

**ЮБИЛЕЙНОЕ ДЛЯ
СТРОЙОТЯДОВ
ЛЕТО СТУДЕНТЫ
ТАГАНРОГСКОГО
РАДИОТЕХНИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА
ОТМЕТИЛИ
УДАРНЫМ
БЕЗВОЗМЕЗДНЫМ
ТРУДОМ.**

РЕБЯТА ИЗ ДЕТСКОГО ДОМА МЕЧТАЮТ, КАК И ИХ ШЕФЫ, СТАТЬ РАДИОТЕХНИКАМИ.

щежитие оказалось для него лишь поводом, легким соблазном, за которым крылся глубокий и прочный интерес. Интерес к бескорыстной, свободной от выгод работе. Попробовать себя в таком деле—это словно подняться на заснеженную вершину горы. И дух захватывает, и страшно немного, и радостно.

Поэтому можно считать, что первые сомнения и мелкие выгоды победило в них... любопытство. Его и искал Женья в ребятах. Любопытство и те чистые кристаллы душевной щедрости, которые, разрастаясь, со временем делают из юноши настоящего человека.

А потом комиссар Дудка убедил Женью, что без Лены Жидковой им просто не обойтись. Без ее резких суждений и презрения к трудностям. Без ее гитары и песен.

Но перед тем, как сформировать отряд окончательно, ребят проверяли в деле. Скажем, директор детского дома № 7 Рита Константиновна Логвиненко попросила помочь посадить сто кустов роз. На другой день гайдаровцы были в детском доме.

Рите Константиновне понравилось, как они вошли. Еще на улице подхватили детдомовских мальчишек, заспорили о чем-то, яростно жестикулируя. И лишь потом, уже решив какие-то свои проблемы, представились директору. Сразу с порога заявили, что уже знают, чем будут заниматься.

Обычно шефы являлись не так. После

**У ГАЙДАРОВЦЕВ ХОРОШЕЕ
НАСТРОЕНИЕ.**

**КАЖДЫЙ МАЛЬЧИШКА МЕЧТАЕТ
ПРОЙТИ ПО РЕКЕ НА ЯХТЕ, ПОДА-
РЕННОЙ СТУДЕНТАМИ.**

чинной беседы с директором торжественно следовали в класс и ласково вопрошали мальчишек и девчонок, какой шефской помощи те ждут. Потом шефы составляли длинные списки мероприятий, утверждали их у Логвиненко и... пропадали. А через некоторое время приходили новые.

Ребята из стройотряда имени Гайдара оказались другими. Они пришли не с пустыми руками.

Два друга, Саша Ластовский и Сергей Иванова, еще с детства увлеклись радио. Они организовали в детском доме радиокружок. Отремонтировали помещение, достали аппаратуру. У старого радиолобителя отыскали исправную радиостанцию. Того уже соблазнили другие, предлагали деньги, но, узнав, куда пойдет его станция, отдал с радостью. Толик Трухан договорился с детской студией при Доме культуры: организовал автобус. Кстати, тот самый автобус «Гайдаровец», что подарили детским домам Таганрога ребята из прежних стройотрядов. Юные артисты кукольного театра ездили по детским домам и играли для детей спектакли.

Лавина идей катилась все дальше, разрастаясь на глазах. Вот уже неисправимый фантазер Саша Новиков предлагает лично обучить главному всех малышей в Таганроге, а кто-то обдумывает еще более значительный проект. Заставлять никого не приходилось. Прави-

ло в отряде такое: сначала придумай дело, потом узнай, какая помощь нужна деловому, договорись о сроках, организуй ребят. То есть подыщи добровольцев. И работай.

Ребята не знали, что командир дотошно отмечает в дневнике, что и кем сделано в отряде. Чтобы из лучших потом составить окончательный список. Но даже если бы и знали, что здесь плохого? Ведь на финише этого соревнования победителей ждали не лавровые венки, а лишь право на трудную бесплатную работу.

...Постукивая мастерком по тяжелым с непривычки кирпичам, Лена Жидкова старательно скрывала от ребят усталость и настойчиво возвращалась мыслями к песне. Пообещала ведь сочинить, теперь не отступишь. Фразы выхледили пока скучные, казалось, уже слышанные. А им нужна была именно своя, только своя песня.

Ребята улыбались:
— Старайся, Ленка! Месяца два кирпичи поворочаешь — обязательно получится!

Она согласно кивала, вытирала рукавом лицо и наклонялась за новой порцией раствора...

По мнению секретаря парткома Таганрогского комбайнового завода, где трудятся гайдаровцы, Анатолия Николаевича Иванова, отряд — просто подарок судьбы. Завод перестраивается, готовится к выпуску нового роторного комбайна большой мощности. Роль этой машины в выполнении Продовольственной программы велика. Но и нынешние комбайны «Колос» идут на поля прямо с железнодорожных платформ.

Мы с Ивановым идем по стройке. Парторг размышляет:

— Парни фундаменты под автоматические линии заливают. Но и человеку крепкий фундамент нужен... Стройотрядовцы заставляют многих наших заводских задумываться о чести рабочей. Стало быть, не только строить помогают — людей воспитывать своим примером...

Бригада Андрея Степченко вела кирпичную кладку в пятьдесят седьмом цехе. Парни старались не смотреть в

дальний угол пролета, где человек во семь заводских играл в домино. Давно уже миновал обеденный перерыв, да и смена близилась к концу, а они все щелкали костяшками, изредка лишь косились на гайдаровцев: «Все работают? Это ж надо!»

Кто-то из ребят хмурится, хочет подойти к игрокам, высказать то, что думает, но бригадир останавливает:

— Не обращаем внимания. Работать надо...

И даже как будто весело подхватывает очередной кирпич. Растет кладка, строго выверенная по шнуру, и все чаще требуют каменщики раствора.

— Работаем, — добавляет Андрей, то ли подбадривая, то ли утверждая.

Ребята действуют все быстрее, и горе-игроки, наконец, не выдерживают соседства, поднимаются, собирают костяшки, и, хмуро глядя под ноги, удаляются. Задело все-таки!

Сложными порой путями утверждает себя нравственность. Не всегда прямая эта дорога и у ребят из коммунистического отряда имени Гайдара. От простого любопытства первых дней, от желания проверить свои силы, через испытания конкретными делами шли они к праву воспитывать других.

Не только в заработанных средствах и даже не в формировании личности бойцов заключена, наверное, суть коммунистических отрядов. Ведь тот, кто взялся с душой за такое дело, уже личность. Суть, очевидно, в силе примера, в нравственном влиянии на окружающих.

...Уже ночь за окнами, усталые ребята разошлись по комнатам, а Лена Жидкова все еще сидит в красном уголке. Вдруг ей кажется, что она слышит слова. Ну-ка, еще раз: «...Нам не нужен покой, нам не нужен уют...» Она берет гитару и начинает наигрывать тихонько, чтоб не разбудить товарищей: «...Нам не нужен покой, нам не нужен уют... Разве счастье в спокойствии сытом?..» Да, именно это она искала. Лена еще долго сидит у окна с гитарой, рассвет незаметно входит в комнату, и так же незаметно, строка за строкой, складывается песня.

**Школа —
ПТУ —
Завод**

НЕ ОШИБИТЬСЯ В НАЧАЛЕ

Работать, наверное, можно и без призвания. Выполнять заученные операции — что еще требуется? Но мне жаль того человека, который всю жизнь занимается делом не по душе — без интереса, без удовольствия, радости.

Очень часто сделать верный выбор школьнику мешает простая неосведомленность о конкретных рабочих профессиях.

Десять лет работаю мастером производственного обучения. Убедился, что именно ПТУ должно быть главным, самым активным звеном в системе профориентации.

Уверен, профориентация не может быть кратковременной кампанией — эту работу необходимо вести непрерывно, круглый год (кстати, когда дело обстоит именно так, нет проблем и с набором). Что для этого нужно? В первую очередь тесная связь с органами народного образования, профсоюзными и комсомольскими организациями базовых предприятий, постоянная работа среди школьников.

Школьники — частые гости в нашем училище. Они знают и наш сегодняшний день и нашу историю — как руками учащихся, мастеров и преподавателей восстанавливалось полуразрушенное в годы войны здание училища, как строились мастерские, учебный корпус, как оборудовались кабинеты. Экскурсоводы по училищу — наши ученики. Они и с историей познакомят, и по выставке

технического творчества проведут, и кинофильм об училище покажут.

Очень важны контакты с учителями школ. В нашем ГПТУ проводилась встреча преподавателей школ Харькова. Здесь они получили широкую информацию о системе профтехобразования, правилах приема, обучения, о том, как правильно вести профориентацию. Много нового узнали они и о профессии электромонтажника. Такие встречи, можно сказать, — профориентация среди самих учителей.

Дети, что бы там ни говорили, все же часто прислушиваются к родительским советам. Поэтому и родителей стараемся сделать нашими союзниками. Надолго запомнился, например, вечер во Дворце культуры велозавода имени Петровского. Здесь собрались более трехсот родителей и учеников 83-й школы. Для них организовали выставку технического творчества, рассказали о профессиях, которые дают наши училища, о перспективах профтехобразования.

Для нас главное не в том, чтобы любимыми путями завлечь молодежь. Мы стремимся, чтобы приток молодежи происходил не просто за счет рекламы, а за счет хорошо поставленного учебного, воспитательного процесса. Ибо в конечном счете от этого зависит авторитет училища.

Леонид УШМАНОВ,
мастер производственного обучения
ГПТУ-3, Харьков

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1352) СЕНТЯБРЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«Добрый зверь.
Добрый человек».

Картина
художника
Юрия РАКШИ

- 1** «ПРАВО НА ЩЕДРОСТЬ». Фоторепортаж Алексея ВОРОБЬЕВА и Сергея ПЕТРУХИНА о студенческом стройотряде безвозмездного труда.
- 3** Стихи Татьяны СМЕРТИНОЙ, Миколы ЛУКИВА, Владислава ШОШИНА.
- 4** Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук. «ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ДЕТСТВО?» О некоторых вопросах духовного и гражданского становления молодых.
- 7** Николай МОЙКИН. «239-й» ПРЕДСТАЕТ ПЕРЕД СУДОМ».
- 9** Рассказ Леонида БЕЖИНА «Я ВАС ЛЮБЛЮ...».
- 12** ТАШКЕНТУ — 2000 ЛЕТ. «ЕСТЬ НА ВОСТОКЕ ДОБРЫЙ ГОРОД». Фотоочерк Генриха ГУРКОВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 18** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 19** ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ — ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ. «ТРЕЩИНА».
- 20** «ИСКУССТВУ ПОДВЛАСТНО...». Страницы из дневников художника Юрия РАКШИ.
- 24** ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН. «СИЛА ДЛЯ ДЕЛА».
- 25** Владимир ДЕСЯТЕРИК. «ЗАРНИЦЫ».
- 26** АТЕИСТИЧЕСКИЕ УРОКИ. «ВСЕЛЕННАЯ, ЧЕЛОВЕК, РЕЛИГИЯ».
- 28** Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

В зимнем поле

Я иду далеко,
До деревни Ваничи.
Снегу здесь глубоко,
Но, дорогу знаючи,
Не собьешься ввек,
Коли трезв, как снег.
Инеем овиты,
Вежи гнут дугу,
Валенок подшитый
Вязнет по челку.
Поля покрывало
Кроет!
Мает дрожь.
Словно я пропала
Разом, ни за грош!
Крупен снегопад,
Вьет, подол круча.
В Вятке говорят:
«Лико, валичка!»
Не присесть, ни лечь...
Где ты, матка-печь?
Но под вьюгу эту
Чудится мне лето:
Рожь со всех сторон,
Зерна выплывут—
Чуть тронь!
Разыгралась гармонь...

Ой, по бел откос
Вижу—катит воз,
Густо инеем оброс.

На высоком сене
Старый конюх Сеня:
«Сядь-ко, подвезу!»
Еду на возу.
Ух, тепло в тулупе—
Холод не отлупит!
Щурится старик:
«Девка, не горюй!»
И грозит шутник:
«Плата—поцелуй».
«Ну уж!—улыбаюсь.—
Брагой рассчитаюсь».
«А ты шла, ревела?»
«Что ты! Песни пела».
«Видал—убивалась...»
«Да с Москвой
прощалась—
Кончен институт,
И теперь я тут,
На высоком сене
Под тулупом Сени...»
И хохочем вволю!
Конь идет играючи.
Едем мы по полю
До деревни Ваничи.
Непогоду прошла,
Ожила душа.
Закопалась в воз я,
Вперед—белó!
В снежные полозья
Солнце натекло.

Березу босую
Средь майской ночи
В Вятку обрыв
Сбросить в ярости хочет!
Чуть вскрикнув, она,
И бела и нежна,
Все летит, как княжна
С темных рук атамана
В тихой шали тумана...
Все летит и никак
Сквозь годов полусны
Даже долгой косой
Не коснется волны...

Как буйно пламя трепетало
В печи огромной, золотой...
Горшки от жадности лизало,
Гневилось под кочергой.
Тогда жива была и бабка,
И я была совсем юна,
В алгебраической тетрадке
Решала что-то дотемна.
Тогда хотелось быть артисткой,
И акробаткой, и звездой...
А бабка суежилась близко
И удивлялась: «Бог с тобой!»
К ухвату льнула крепко сажа,
Румянилась бездумно каша,
Огонь в окошке отражался
И языками в ночь вливался,
И, словно надсмехаясь в мрак,
Часы качались: «Так-так-так...»

Была бы снова, бабка, ты!
И ничего бы мне не надо.
Сожгла я в печке те мечты
И пепел бросила на гряды.
Кладу поленья ровно так,
Сквозь занавески синий мрак
Мне чудится над голбецом
Твое родимое лицо.
И тайный зов не утихает,
И фартук ладен мне простой,
Легки ухваты, печь пылает,
И пшенки дух парит густой.
И, рассекая тихий мрак,
Часы всё то же: «Так-так-так...»

Белка

Убита белка!
На снегу
Она распластана лежала,
Как будто все еще бежала,
Да вдруг застыла на бегу.
И мальчик полотна белей
Коленами уткнулся в снег,
Глядит не поднимая век,
Не смея прикоснуться к ней.
И лес, как омут тишины,
И бусы глаз ее черны,
Бери же, мальчик,— все твое!
Но кинуто на снег ружье,
И тает сизоватый дым
Над снегом твердым и седым.
И пес на радостях отчаян,
Чего ж охотник так печален?
Его никто не обвинит,
Что выстрел меток был и лих,
Но он сидит суров и тих,
Лишь рядом белый куст дрожит.

Микола ЛУКИВ

У синего неба и синего моря
Собрались все звезды
И встали в дозоре.
И скорбью горят,
Наливаются горем...
Здесь павшие стали
И небом и морем.
Кто— в год сорок первый,
Кто— в год сорок пятый...
У них на могилах
Не высечешь даты.
Водою соленой навеки укрыты,
Безоблачной синью
Их души увиты.
И звезд караул—
Дань любви и почета
Ребятам-пилотам,
Ребятам Морфлота.

Космонавт с отцом отаву косит,
С хлопцами купается в ставке,
Ест уху в чумазом казанке
И еще не думает про космос.

У костра, дымящегося чуть,
Слушает кузнечиков несмелых...
Космос, видно, не простое дело—
Приземлиться надо, отдохнуть.

Музыка

Бывает миг, когда ни брат, ни друг
И ни любовь тебе не помогают.
Твой дух и разум затмевая вдруг,
Сомнения мечту одолевают.

Бывает так... И, может быть, вот тут,
Когда лицо в ладонях, сердце сковано,
Тебе на помощь, как друзья, идут
Тревожный Бах с неистовым Бетховеном.

Старинный вальс

Падают листья, падают,
Золотом в мир струясь.
Кто там, кого там радует?—
Давность. Пластинка. Вальс.

Льются минуты, кружатся.
Сколько веков до нас?...
Где-то волшебным кружевом
Предкам звучал тот вальс.

Руки, глаза, движения...
Век разделяет нас.
Грезой, мечтой, волнением
Соединяет вальс.

Перевела с украинского
Ирэна СЕРГЕЕВА.

Владислав ШОШИН

Якко Ругоеву

Сошли с вершин карельских
белы снега,
Планета повернулась на оси.
Лети, мой голубь, к берегу Онеги,
Привет мой задушевный принеси.

Пусть белой ночью
вспомнит о встрече
Двух языков, что братски обнялись,
Пусть друга поэтические речи
Уносит ветер вдохновенья ввысь.

Под высью той—
прибоя рокот свежий
И синь лесов, что обновляет кровь.
Под высью той—седины Заонежья
И Костомукши праздничная новь.

Мир завоеван был в бою упорном,
Его печать—преображенья знак.
Достойны песни все в краю озерном,
И песню друг подьемлет,
словно флаг.

Он сердцем чист и кантеле владеет,
Он жизни юной славит торжество.
Так пусть поэт с Онегой молодеет
И не скупится Сампо для него!

Нежное имя—как проблеск рассвета,
Имя—олицетворенье поэта,
Звездочка с неба в ладони упала—
Янка Купала, Янка Купала!
Вижу я искры купальской той ночи,
Что просветлили поэтовы очи,
Чтобы в права свои

правда вступала,—
Янка Купала, Янка Купала!
Шла ницета за голодной сохой,
Но поднималась заря над ольхою,
Белой сиренью

весна закипала.
Янка Купала, Янка Купала!
Было забыто глухое Полесье,
Было забыто его поднебесье,
Но и в Полесье

весна наступала—
Янка Купала, Янка Купала!
Славил ты братство друзей
не напрасно,
Небо сегодня над Родиной ясно,
Песня о братстве

ей в сердце запала—
Янка Купала, Янка Купала!
В братстве народов тебя вспоминаем,
Словно легенду, рожденную маем,
Искру любви,
что в ночи не пропала,—
Янка Купала, Янка Купала!

— С кем говорил ты?

— С Батыраем,
Ловил восторга чистый вздох.
Поэты, мы не умираем,
Мы не слова перебираем,
Владеем ритмами эпох.

— С кем говорил ты?
— К Сулейману
В Ашага-стал тропа вела.
Поэт залечит песней рану,
Чтоб вновь подобной океану
Простая жизнь моя была.

— С кем говорил ты?

— У Гамзата
Я придержал в Цада коня.
С тех пор душа моя крылата,
Весна ли в этом виновата,
Поэт ли, встретивший меня?

Батырай,
Сулейман Стальский,
Гамзат Цадаса—
известные поэты
народов Дагестана.

Рисунки
Александра
ГРИШИНА

Молодежь, как и люди других возрастов, бывает разная. Подавляющее большинство нынешних молодых людей — это активные участники коммунистического строительства, достойные наследники и продолжатели дела отцов. Но именно на таком общем фоне особенно режут глаза факты иждивенчества, трудовой и общественной пассивности, недисциплинированности, свойственные какой-то части молодежи. Не может не вызывать беспокойства и опасный грибок мещанства, проникающий в молодежную среду. С такими явлениями, с такими настроениями нужно решительно бороться.

Из выступления
Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Президиума
Верховного Совета СССР
Ю. В. АНДРОПОВА
на встрече в ЦК КПСС
с ветеранами партии.

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ 90

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ГРАЖДАНСКОГО И ДУХОВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

По роду своей научной работы я многие годы занимаюсь молодежными социальными проблемами. Поэтому я в какой-то мере знаком с проблемами, о которых говорится в приведенной выше цитате. Да, к сожалению, некоторая часть молодежи выделяется очень запоздалым социальным взрослением, нравственной незрелостью, инфантилизмом, то есть сохранением в своем духовном облике черт, присущих детям. Какова эта часть — сколько-нибудь точно сказать трудно. Совершенно несомненно, что она составляет незначительное меньшинство молодежи, но ясно и то, что

эта доля растет. Есть, следовательно, определенные недостатки в процессе социализации современной советской молодежи. О природе этих недостатков мне и хотелось бы здесь поговорить.

Но сначала определим сам термин **социализация**. Это, говоря языком социальной психологии, процесс, в результате которого человек научается эффективно участвовать в социальных группах. Это процесс освоения необходимых во взрослой жизни понятий, навыков, ценностей и т. д., выработка способности исполнять различные социальные роли, принимать на себя ответственность за себя и за других, владеть собой...

В обыденной речи нормально социализированного человека часто называют человеком **самостоятельным**; взрослый же человек с выраженными чертами социальной незрелости — по контрасту — называется **несамостоятельным**. Или, на научном языке, **инфантильным**, то есть обладающим свойствами детского

возраста (от латинского «инфантилис» — младенческий, детский).

Что такое инфантильный человек? Позвольте показать это на нескольких примерах из наиболее знакомой мне области жизни.

Вот тридцатилетний мужчина спрашивает у редакции журнала: надо ли ему жениться?

Вот двадцатилетняя девушка желает посоветоваться с редакцией по такому вопросу: надо ли ей ожидать целый год своего жениха; одни, видите ли, говорят, что они «красивая пара», а другие — что «дура будешь, если будешь ждать, жизнь одна, надо ею пользоваться, да и будет ли сам он год ждать...» (сама девушка представляется как член заводского комитета комсомола из большого города).

Вот двадцатипятилетний начинающий муж с полной убежденностью пишет, что при вручении молодежникам свидетельства о браке в загсе надо одновременно вручать им и ордер на отдельную квартиру...

**МОЛОДОСТЬ — ЭТО ВОЗРАСТ, КОГДА
ЧЕЛОВЕК НАЧИНАЕТ СЕРЬЕЗНО
ЗАДУМЫВАТЬСЯ О СВОЕМ БУДУЩЕМ.**

Бывают в жизни ситуации, которые никто за тебя решить не может. Именно таковы они в двух первых примерах. Как поется в песенке из старого кинофильма: «...и это серьезное дело нельзя поручать никому». Нормально социализированный человек это понимает, и даже как-то стыдится выносить такие вопросы на всеобщее обозрение и чье-то решение.

Последний же случай такой, при котором в народе спрашивают: «С Луны свалился, что ли?» Если у этого человека жилищные трудности, то уж он не может не знать, каковы у нас пока жилищные очереди.

И еще один пример. Как-то мне рассказали о трагическом случае — семнадцатилетний мальчик повесился, потому что не было у него джинсов, как у всех других ребят из его компании.

Формирование и развитие личности происходит под воздействием многих факторов. Главным агентом социализации большинства людей — родительская семья, значение которой особенно велико в ранние периоды развития личности. Велико также, несомненно, и воздействие на личность школы (точнее, совокупности всех учебных заведений, через которые проходит человек). Наконец, в сравнительно поздние годы исключительно велико значение **самовоспитания**.

Науке давно и хорошо известно, что человек становится человеком только среди подобных себе. Лишенный общения с людьми, младенец не приобретает человеческих качеств. Известны случаи, когда детей находили в волчьей стае. Оказывалось, что человеческий детеныш приобретал некоторые свойства «приемных родителей» (необыкновенно развитое зрение и обоняние, способность выть и т. д.), но не приобретал качеств человеческих, более того — лишался возможности их приобрести и в дальнейшем, в частности овладеть членораздельной речью.

Уже из этого ясно, что невозможно переоценить роль родительской семьи в становлении человека как существа социального. Родители создают детей не только физиологически, но и социально. Именно в родительской семье у человека вырабатываются некоторые первоначальные социальные качества, с которыми он выходит в широкий мир. Поэтому давайте взглянем на то, что происходит в современной семье, чем отличается она от семьи прошлого, семьи «традиционной», какие происходят здесь изменения и как могут они сказываться на ребенке.

Мы переживаем в последние десятилетия «семейную» революцию. Происходит переход от одного типа семьи к другому. Он очень хорошо виден, если сравнить типичную семью в одних и тех же местах сейчас и лет пятьдесят назад или семьи разных мест (скажем, Центральной России и Узбекистана) в настоящее время. От чего и к чему происходит переход?

От семьи патриархальной, с резко выраженным, непререкаемым главенством старшего в семье мужчины — к семье с примерным равенством мужа и жены.

От семьи, в которой четко были определены функции супругов (муж — работник, добытчик, корми-

правило, достаточно эффективная, хорошо подготовливающая новых членов общества ко взрослой жизни, к выполнению многосложных обязанностей зрелого члена общества. Детальные описания таких систем можно найти в работах этнографов. Но если коренным образом меняется главный агент первичной социализации — семья, то, естественно, должен сильно измениться и сам процесс социализации.

В старой, традиционной семье ребенок был, как правило, окружен многочисленными родственниками, с каждым из которых у него устанавливались определенные взаимоотношения. Родители, особенно отец, были для детей непререкаемым авторитетом, а позднее — и образцом. Старшие братья были защитниками, а сестры — нянками; младшие соответственно подзащитными. Дядюшки и тетушки готовы были заменить родителей, если ребенок почему-либо их лишился. Рядом с семьей жили, как правило, близкородственные семьи, то есть существовали своего рода родственные кланы, с членами которых у детей были тоже достаточно тесные связи.

Возьмем картину нынешнюю. В больших городах произошел переход к одно-двухдетной семье. В таком случае примерно треть всех детей — единственные; у двух других третей нет или старших, или младших братьев и сестер. Таким образом, дети лишены возможности «проигрывать» очень важные социальные роли «защитников» и «подзащитных», наставников и направляемых, объектов любви и заботы близких к себе по положению в обществе людей.

Далее, в нынешней системе воспитания существенную роль стали играть детские дошкольные учреждения. Однако там дети попадают в однообразную среду. У них нет тесного и постоянного общения со старшими и младшими, им не за кем «тянуться» и некому подавать пример.

Далее, в традиционной семье дети, как правило, воспитывались в теснейшем общении с природой (заметьте, что подавляющее большинство семей были крестьянскими) — полем, лугом, лесом, рекой или прудом, с домашней живностью и т. д. Современный городской ребенок всего этого, как правило, лишен, природа остается ему неизвестной и чуждой, в лесу для него растут просто «деревья», а на лугу «трава» вместо десятков и сотен конкретных, узнаваемых деревьев и трав.

Наконец, в прежней семье ребенок с малых лет был включен в круг взрослых интересов; при нем и с его участием обсуждались виды на урожай и запасы хлеба, сельскохозяйственные работы, покупки и продажи и т. д. и т. п. Наконец, по мере возможности ребенок сам участвовал непосредственно в хозяйственных делах семьи: гонял лошадь в ночное, пас скотину, чуть позднее — бороновал пашню, возил на поле навоз и прочее. А девочка с ранних лет помогала матери по хозяйству, нянчила своих младших братьев и сестер.

Конечно, в селе традиционная система воспитания в известной мере сохранилась до сих пор. И сельские подростки, а тем более юноши и девушки, оставляют впечатление несравненно более зрелых житейски людей в сравнении со своими городскими сверстниками. Инфантилизм как социальное явление деревне в общем-то чужд; это явление сугубо городское.

Разумеется, современные дети получили очень много такого, что традиционной крестьянской семье было недоступно: высокий уровень материального благосостояния, широчайшие возможности образования и т. д. Все это, конечно, замечательно. Однако новизна и непривычность такого положения, особенно в сочетании с воспоминаниями родителей о собственном детстве, пришедшемся на трудные военные и послевоенные годы, может привести к довольно таки неожиданным для родителей результатам. «Пусть дети имеют все, чего мы сами были лишены», — думают и говорят папы и мамы и заваливают детей всевозможными игрушками, одевают «как куколку», перекармливают и изнеживают. Человек с ранних лет привыкает все получать «по потребности», без каких-либо собственных усилий. Вырабатываются определенные житейские установки, ярко потребительские ориентации, особенно если и родители заражены вирусом приобретательства.

Как утверждают специалисты-демографы, для современных родителей характерны «детоцентристские» ориентации, то есть жизнь ради детей. При этом собственно демографические установки хорошо выражаются пословицей: «лучше меньше, да лучше». Лучше пусть меньше будет детей, но они получат «все», что можно от родительской семьи получить: блага, удовольствия и наслаждения, хорошее образование, замечательную профессию (интересную, непильную и денежную) и многое другое. Некоторые родители видят в ребенке возможность осуществить собственные несбывшиеся мечты и с раннего возраста начинают готовить его для карьеры, к которой у него нет пока никакого интереса. Отсюда стремление обязательно поместить детей в разного рода спецшколы и спецклассы, пригласившие частных учителей для занятий иностранными языками и т. д. Родители проявляют исключительно высокую активность, стре-

мясь реализовать в детях свое представление о должном образовании и воспитании. Дети в таких семьях получают, конечно, определенные преимущества перед другими, но, говорят социальные психологи, «стоит им потерпеть неудачу, они начинают мучиться угрызениями совести и убеждаются, что они ничемны». В таких случаях обычно сильно выражены эгоцентрические импульсы единственных детей не получают отпора, а, наоборот, поощряются. Когда ребенок очень избалован, он считает само собой разумеющимся, что все на свете существует ради него одного. Тем большее бывает столкновение с суровой действительностью, которая в конечном счете все ставит на свои места. Но позиция родителей, пытающихся всеми правдами и, увы, неправдами «протолкнуть» своих детей в обход «очереди», оказывает разлагающее влияние и на общество в целом.

Новую систему первичной социализации в семейных условиях сама жизнь эмпирически, опытным путем, выработать еще не успела. Тут должна была бы помочь педагогическая наука, однако она, насколько мне известно, сделать этого пока не сумела. Читателю, конечно, приходилось слышать о семье Никитиных из подмосковного города Болшева (см. «Смена» №№ 7, 12, 1979 г.). Супруги Никитины разработали замечательную систему всестороннего раннего развития детей и показали ее эффективность на собственных детях. Есть много восторженных отзывов крупнейших специалистов — от физиологов до педагогов — об этой системе. Однако «официальная» педагогическая наука об этой системе молчит.

Несомненно, что процесс социализации детей сильно зависит от родителей. По одному из исследований эстонских социологов были выделены «нормальные» по успеваемости и две группы отстающих школьников. Разница в семейных условиях нормальных и наиболее отстающих детей была такой:

	у нормальных	у отстающих
Ссоры среди родителей	22	47
Родители не интересуются детьми	4	38
Родители не предъявляют требований	5	37
Распад семьи	15	33
Безнадзорность детей	3	36
Безразличие к детям	5	18
Избалованность детей	7	17
Родители-алкоголики	6	19

Как видим, зависимость школьных успехов (а это один из лучших показателей социализации) от родителей очень велика. Думаю, что молодые родители должны хорошо это усвоить и учитывать в своем семейном и внесемейном поведении. У подавляющего большинства отстающих были родители, у которых либо не сложились, либо плохо складываются супружеские отношения (80 процентов), а многие другие признаки тесно связаны именно с этим. (Таблица из книги В. Канторовича «Глазами литератора». М., 1970.)

В целом возможности современной семьи в воспитании своих детей в значительной мере уменьшились. В особенно же трудное положение попадают дети из неполных семей: рожденные матерями без мужей или живущие с одним из родителей после распада супружеской пары (из-за смерти одного супруга или развода). Подлинным бичом для процесса социализации детей стал развод. Как, видимо, знает читатель, число разводов составляет у нас в последнее время одну треть от числа браков в том же году. Среди разводящихся большинство имеет ребенка, некоторые — двух и более детей. При нынешнем числе разводов ежегодно получается более миллиона полусирот, которые живут обычно с матерями; большинство разведенных женщин в повторные браки не вступает, так что дети из распавшихся семей не имеют и отцов, которые в известной мере могли бы заменить в процессе воспитания отцов.

Вот почему в процессе социализации подрастающего поколения в громадной степени возрастает значение общественного воспитания, школы особенно.

Справляется ли наша общеобразовательная школа с воспитанием подрастающих поколений?

Достижения нашей школы общеизвестны. Поскольку, однако, речь у нас идет об инфантилизме, будем говорить не о достижениях, а об упущениях.

Мне представляется, что с точки зрения социализации наша школа имеет два главных, коренных недостатка. Это отсутствие связи школьного обучения и воспитания с производительным трудом учащихся и отрицательное отношение к особенностям, инициативе, нестандартности учеников.

Начну с последнего.

Однажды я узнал, что школьнику снизили оценку за контрольную по математике из-за того, что одну из задач он решил не так, как другие, причем более экономным путем и просто изящно. Тогда это показало мне странным исключением. Как мог, я постарался утешить расстроенного школьника, напирая на

ТВО?

ВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ

лец; жена — домохозяйка и воспитательница), к семье, где функции супругов «смазаны» (жена — такая же добычица и кормилица, как и муж).

От семьи большой, неразделенной, многопоколенной, часто с разного рода дальними родственниками и свойственниками, — к семье нуклеарной, то есть состоящей только из родителей с их детьми.

Наконец, от семьи, в которой детей было столько, сколько «бог послал», — к семье, где детей столько, сколько пожелали сами родители; другими словами, это переход от семьи многодетной к малодетной.

Кроме того, семья перестала быть производительной ячейкой, оставаясь ячейкой потребительной.

Вот эти кардинальные изменения должны были, несомненно, существенно сказаться на процессе социализации детей в рамках семьи.

У каждого народа была хорошо, детально разработанная система воспитания детей. Система, разумеется, эмпирическая (не обоснованная научно), но, как

то, что у учительницы таких, как он, сорок, что она устаёт, и т. д. Но потом я узнал, что явление это довольно-таки обычное — отрицательное отношение к особенностям, необычности, нестандартности. В этом, кстати, одна из причин того, что в школе нередко плохо учатся не только неспособные, но и просто «нестандартные». Вот очень убедительный, на мой взгляд, пример. Педагогическая кафедра Тартуского университета обследовала судьбу двадцати пяти худших выпускников местных школ. Средний балл в аттестате был равен 3,1, а «формуляры были испещрены всевозможными взысканиями». Четырнадцать из них успешно закончили вузы. Более того, восемь (то есть целая треть!) стали преподавателями высшей школы или учеными.

Выдающийся наш исследователь, организатор науки и педагог М. А. Лаврентьев, один из организаторов Новосибирского университета, работающего в теснейшем контакте с академическими НИИ и Новосибирской физматшколой, не уставал повторять: надо внимательнейшим образом относиться к особенностям ученика. Приведу из его специальной статьи «Как учить, кого учить, чему учить» небольшой пример. Учителем М. А. Лаврентьева был академик Н. Н. Лузин, получивший по математике в гимназии сплошные двойки. Учитель сказал родителям, что их сын в математике бездарен и едва ли сможет учиться в гимназии. Родители наняли репетитора, который заметил, что, не умея решать простые задачи, мальчик иногда решает задачи очень трудные. Ему удалось заинтересовать мальчика математикой; впоследствии из него вышел «ученый с мировым именем, не только много сделавший для математики, но и создавший крупнейшую советскую математическую школу, воспитанники которой заняли ведущее положение в советской и мировой математике».

Кому не известно, с каким нетерпением ждут первого сентября будущие первоклашки! И кто не знает, с какой неохотой идут в школу многие старшеклассники! Лишь бы дотянуть до выпуска. И не столько они желают дотянуть, сколько их.

Жизнь школьника не сводится, разумеется, к одной только учебе. Но и во внешкольной работе с ним немало делается для пресечения инициативы. Вот мое личное наблюдение.

Много лет в июле хожу я в один и тот же подмосковный лес за земляничкой. На одном краю этого леса расположен дом отдыха, на другом — пионерский лагерь. Однажды я с удивлением установил, что больше всего ягоды вблизи пионерского лагеря. Так это меня удивило, что даже зашел в лагерь и поинтересовался этим феноменом. Мне объяснили, что детей в лес не пускают, а в жаркие дни водят их строем купаться на пруд, отрядами поочередно, и позволяя находиться в воде не больше пятнадцати минут, под строжайшим контролем пионервожатых.

Бедные дети!
Учение и производительный труд. Поистине камень преткновения для нашей школы. Назвав школу политехнической, ее фактически не сделали ни поли-, ни монотехнической. То в школе пытались давать профессиональную подготовку, хотя по полученным в ней профессиям почти никто не работал. То вводили в школе уроки труда, а в дополнение — межшкольные комбинаты труда и профессиональной ориентации, где фактически все же не было ни того, ни другого. В педагогической печати расшаркивались перед именем и опытом Макаренко, но школа этот опыт не использовала. Школу обязали заниматься профессиональной ориентацией, но учителя сами не знали мира профессий — а какая же может быть профессиональная ориентация, если неизвестны требования профессии к выбирающему ее человеку!

Фактический престиж профессий пришел в полное противоречие с потребностями народного хозяйства. Самым высоким престижем пользовались профессии редкие и редчайшие, особенно экзотические. Миллионы людей хотели бы стать актерами, летчиками и даже космонавтами, хотя последних требовалось, вероятно, несколько десятков. Зато было очень мало охотников стать рабочими многих самых массовых профессий. На самом низу престижной лестницы стоят многие профессии сферы обслуживания, и лишь чуть выше их — профессии сельского хозяйства. В некоторых местах Нечерноземья сельские девушки упорно не хотят работать, скажем, свинарками, доярками или телятницами, а поскольку более престижных мест не оказывается, массами уходят в города. В некоторых областях, например, Вологодской, в селе возникла острейшая «проблема невест» — молодым сельским мужчинам не на ком жениться. Дело тут, конечно, не только в школе, но и в ней тоже. Она не справляется не только с профессиональной ориентацией, но и с ориентацией социальной, то есть с выработкой у своих питомцев определенного отношения к главным социальным ценностям, в частности к труду вообще, труду физическому и умственному, городскому и сельскому образу жизни, к жизни в городе и селе, к семье и т. д. В отличие от профессиональной ориентации, которую школа в ее нынешнем виде вести не может, ориентация социаль-

ная — кровное дело общеобразовательной школы, и никто ее здесь не заменит.

На июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов высказал мысль о том, что «возникает необходимость серьезно подумать о реформе нашей школы, включая и систему профессионально-технического обучения». Представляется, что одной из главных целей перестройки школы должно быть повышение ее роли во всем процессе социализации подрастающих поколений.

Семья и школа в значительной мере одинаково — и одинаково неправильно — относятся к воспитанию подрастающего человека. Они стараются максимально освободить его от собственных решений, нравственных усилий, физического труда, хотя сами решить за него то, что ради социального взросления должен был бы решать сам человек. Школьное обучение практически целиком словесно. В результате выпускники школы кое-что знают, но крайне мало умеют. Да и знания нередко весьма сомнительны и крайне непрочно. Летом 1983 года в одном московском вузе на отделении статистики при вступительных собеседованиях абитуриентам задавали вопрос: какова численность населения Советского Союза? Ответы получали такие: двадцать миллионов человек; около миллиарда; немного больше, чем в Китае; восемь миллионов; больше миллиона человек и т. д. Цифры, близкие к действительности, назывались сравнительно редко; их помнили по учебнику обществоведения, изучавшемуся в десятом классе. А ведь всего два года назад абитуриенты подробно изучали экономическую географию СССР, в курсе которой населению отведено немало места. И, заметьте, это ведь отвечали будущие статистики, люди, которые, по их словам, рассчитанным на приемную комиссию, **любят работать с цифрами.**

Трудно определить, что знают наши выпускники средней школы по физике и химии, но вот то, что практически все они — за исключением обучавшихся в спецшколах и с репетиторами — не знают иностранного языка, общеизвестно. Да и знание родного языка часто весьма относительно — это особенно хорошо видно на вступительных экзаменах в те вузы, которые отказались от сочинений, а проводят диктанты и изложения (при которых нельзя списать).

В последние годы во многих сельских средних школах организовано обучение специалистам трактористов и шоферов. Учатся ребята с увлечением. Но вот допустить их к работе на тракторе можно только с 17 лет, на автомашине — с 18-ти. Так велит закон. Принимался он, конечно, из самых лучших соображений. Но прекрасными намерениями вымощена, как давно известно, только дорога в ад. Вместо того, чтобы совершенствовать машины, уменьшая, в частности, вибрацию, вредную для организма, пошли по пути отлучения юношей от труда. Труд должен радовать, а результатами его нужно гордиться — вот тогда это будет истинное трудовое воспитание. Но гордиться трудом на прополке, скажем, морковки, семнадцатилетнему юноше едва ли возможно.

Некоторые вузы, в свою очередь, вносят солидный вклад в инфантилизацию молодежи. Так, в ряде московских институтов стали проводить родительские собрания, а когда родители на них не являлись, студентов обязывали писать объяснительные записки. 18-летних молодых людей насильно ставят в положение малых детей.

Если говорить несколько обобщенно, то главный недостаток воспитания молодежи, тяжело сказывающийся на ее социализации, — это хроническая недогрузка растущего и развивающегося человека, постоянный «щадящий» режим, тепличные условия. Возможности юного человека используются крайне недостаточно, особенно человека выше средних способностей. Наука и опыт говорят, что ребенок может значительно больше, чем от него хотят получить; в результате ребенок адаптируется к сниженным требованиям, способности не столько развиваются, сколько гасятся. В школе сплошь и рядом особое внимание уделяется отстающим, а недоиспользованные возможности хорошо успевающих мало кого волнуют. Упомянувшиеся уже супруги Никитины разработали интереснейшую гипотезу НУВЭРС — неуклонного угасания возможности эффективного развития с возрастом, которая мне, как и многим другим, представляется весьма разумной и доказательной.

Нельзя научить человека плавать, не пуская его в воду. Чтобы вырос тяжелоатлет, недостаточно, чтобы он хорошо питался, надо, чтобы он поднимал штангу. Невозможно стать быстроногим бегуном без постоянных тренировок в беге.

Все это весьма тривиальные истины. Но ведь точно так же нельзя воспитать нормально социализированного, духовно зрелого, ответственного человека без соответствующих духовных нагрузок, без собственного решения важных для него задач, без сознательного выбора из разных вариантов, без усилий по достижению желаемого.

Выбрать свой путь после средней школы, избрать специальность в соответствии со своими желаниями и возможностями, добиться высокой квалификации и

т. д. — все это куда как серьезные испытания, если не плыть по воле волн или не пользоваться «блатом». Впрочем, никакой «блат» не даст знаний и умений. Многие, к сожалению, всю ответственность за собственные трудности, беды, собственную незрелость рады целиком переложить на других. Да, семья и школа во многом повинны. Но ведь и сам ты что-то значишь, и нет на свете никого, кому ты был бы так близок, как сам себе. Многие «делают себя сами». Но не инфантилики — эти себя сделать не смогли.

Если маленький человек практически ничего не может решить за себя («родителей не выбирают», а потом решают именно родители), то по мере взросления все большую долю важных с точки зрения социализации вопросов он решает сам. И будущность его (судьба, если хотите) в громадной степени зависит именно от его решений. Возраст 17—25 — это, по удачному выражению выдающегося советского социолога В. Шубкина, «судьбоносные годы». Это годы самых важных для судьбы человека решений, время выборов. Человек в это время выбирает и приобретает профессию, выбирает супруга, место жительства, место работы... Разумеется, поступки человека в известной мере предопределены его прошлым, но ничего фатального в этой зависимости нет. Человек в наших условиях может в значительной мере строить себя и свою судьбу сознательно. В конечном счете **главное воспитание — это самовоспитание.** Нетрудно, однако, заметить, что воспитывать других мы любим почему-то больше, чем себя. Между тем без серьезного самовоспитания все остальное будет не в прок: никто не может насильно построить тебя самого, если ты этого не желаешь. Чего можно добиться, скажем, без достаточно развитой воли, без самодисциплины, без настойчивости и последовательности? Насколько я могу судить, все крупные исследователи, например, обладали этими качествами в очень высокой степени. Любая самая творческая работа складывается главным образом из неинтересных, банальных, шаблонных операций, от которых неизбежно устаешь, но без воли и самодисциплины достичь чего-либо существенного невозможно.

Воспитывать нужно, естественно, не только такие «операционные» качества, но и многие другие, характерные для высокообразованного общественного индивида: совесть, гуманность, деликатность, честность и многое другое. У нас есть просто поразительные образцы самовоспитания. Замечательны, например, страстные нравственные поиски и великие достижения Л. Н. Толстого. И очень жаль, что об этой стороне великой жизни почти ничего не знает школьник, «проходящий» Толстого. Или пример А. П. Чехова, одного из самых изящных, человеческих и общечеловеческих писателей мира, который, по его собственным словам, выдавливал из себя по каплям раба.

Но дело ведь не только в «высоких материях». Сплошь и рядом можно столкнуться с дремучим неуважением к другим людям. Вот, скажем, входит в автобус молодой человек с включенным на полную громкость магнитофоном. По-видимому, мысль, что не все могут восхищаться тем, что восхищает его, еще не посещала его голову. Вот под окном многолюдного дома за полночь настойчиво сигналит кому-то шофер. Вот веселая компания устраивает в пригородном лесу пикник, после чего (для чего?) разбивает опустошенные бутылки. Продолжать этот печальный перечень можно долго.

Поневоле возникает мысль о необходимости в школе хотя бы краткого курса этики.

Многие проблемы возникают в связи с тем, что человек социализируется в одной среде, а жить ему приходится в другой. Для нашего общества характерна очень высокая социальная мобильность. Наш городской рабочий класс очень быстро, за несколько десятилетий, сформировался в основном из бывших сельских жителей, почти вся интеллигенция вышла из рабочих и крестьян.

Но, скажем, сельский и городской образы жизни до сих пор очень различны. Один пример. В деревне домашним трудом занимаются почти исключительно женщины. И сельские люди — и женщины и мужчины — принимают это как должное. Но современная городская женщина требует равенства между супругами и в домашнем хозяйстве. Этого требует, собственно, ее объективное положение на производстве и в обществе. Когда сельский юноша переселяется в город и женится на горожанке, он неизбежно должен принять новые, городские нормы поведения вообще, в семейном быту в частности. Иначе возможность сохранения такого брака весьма сомнительна.

Перемена среды, места и образа жизни требует социализации, то есть повторной, дополнительной социализации, существенного изменения личности. Это длительный и трудный процесс.

Думаю, что процессы социализации молодежи в нашем обществе заслуживают специальных фундаментальных исследований. Наше общество имеет все необходимое для существенного совершенствования процесса социализации, для уменьшения в нашем обществе числа инфантиликов, для полноценного, полнокровного и своевременного развития молодых людей.

января 1983 года в столице Боливии местными властями был арестован гражданин этого южноамериканского государства Клаус Альтман. Задержанному бизнесмену было предъявлено обвинение в мошенничестве и присвоении 10 тысяч долларов, принадлежащих горно-рудной компании «Комибол». Спустя примерно две недели во дворе тюрьмы Ла-Паса, куда поместили проворовавшегося дельца, состоялся необычный спектакль. Два охранника-здоровяка в сопровождении нескольких десятков солдат и полицейских выволокли из дверей тюремного здания внушительных размеров мешок и поспешно втолкнули его в светло-голубой автомобиль, который тотчас умчался на большой скорости в неизвестном направлении. После двухчасового «антракта» из тех же дверей был изъят второй такой же мешок, который с такой же поспешностью увезла куда-то другая светло-голубая машина.

На следующий день о тайном спектакле в боливийской столице знал весь мир. В первом мешке, вывощенном из тюремных застенков, находилось чучело, во втором был спря- тан заключенный Клаус Альтман.

Он же Клаус Барбье — палач-эсэсовец, виновный в гибели тысяч людей во время второй мировой войны. В

ных дворах детей. Многие пленные были замучены. В истязаниях и пытках борцов Сопротивления участвовал и сам гауптштурмфюрер. По словам уцелевших очевидцев, он отрубал узникам головы топором. Бывший участник антифашистского движения Раймон Обрак, которого Барбье пытал в течение семи дней, констатирует: «Этот человек испытывал наслаждение, когда мучил и убивал людей». На руках другого антифашиста, доктора Дёгужона, умер шестнадцатилетний юноша — через два-три часа после того, как ему раскроил череп шеф гестапо. Морис Буде вспоминает, что гауптштурмфюрер во время допросов «приводил свои жертвы в сознание пинками в живот и пах... Он веселился, глядя на наши мучения, и старался продлить их».

Среди десятков детей, которых он отправил в «поездах смерти» в концлагерь Освенцим, были три брата Банги — Жак (тринадцать лет), Ришар (шесть) и Жан-Клод (пять лет). После пыток в застенках Монлюка был отправлен на смерть в Бухенвальд молодой поэт-коммунист Жак Лоран, которого Поль Элюар называл надеждой французской поэзии.

В июне 1943 года подручным Барбье удалось схватить в пригороде Лиона одного из руководителей французского Сопротивления Жана Мулена. Национальный герой Франции был подвергнут жесточайшим пыткам, в которых участвовал и сам начальник гестапо.

По словам бывшего переводчика Барбье в Лионе К. Фукса, ныне

„239-й“ ПЕРЕД СУДОМ

Николай МОЙКИН

«ЛИОНСКИЙ МЯСНИК»
КЛАУС БАРБЬЕ НА БОРТУ
САМОЛЕТА ФРАНЦУЗСКИХ ВВС,
ПЕРЕСЕКАЮЩЕГО АТЛАНТИКУ.
ВПЕРЕДИ — СУД. НО СКОЛЬКО ЕЩЕ
НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ
РАЗГУЛИВАЮТ
НА СВОБОДЕ.

безопасности, в другую тюрьму Лиона — Сен-Жозеф, где его круглосуточно охраняют 25 полицейских. Понадобится не менее года, чтобы обработать и подготовить все необходимые документы и свидетельства очевидцев, после чего палач предстанет перед судом.

Как же могло случиться, что нацистский палач, «мясник», проклинаемый миллионами людей, заклеенный международными юридическими органами как опасный военный преступник, заочно приговоренный к смерти, оказался после войны на свободе и преспокойно жил и даже, как выясняется, процветал почти сорок лет, пока его, наконец, не арестовали в Ла-Пасе? Ведь это был не «человек-невидимка» из фантастического романа Уэллса. Преступления, подобные тем, что совершил тридцатилетний в ту пору Барбье, не могли зарости травой забвения. Человека, руки которого обгарили кровью тысяч невинных жертв, правосудие могло бы давно настичь в любой стране, в любом уголке земного шара, где бы он ни укрывался. Но оно не настигало его четыре десятилетия. Почему? Ответ один: ему помогали укрываться от правосудия те, кому он был нужен, кто был заинтересован в его услугах.

После выдачи Альтмана Барбье правительству Франции на страницы мировой печати хлынул поток сообщений, статей, воспоминаний, документов, имеющих отношение к делу этого военного преступника. В нескончаемом потоке материалов о Барбье прослеживается четкая мысль: «239-го» заслонили от Нюрнбергского и всех последующих судебных процессов секретные службы Соединенных Штатов Америки.

Гауптштурмфюрера СС Клауса Барбье назначили на пост шефа гестапо французского города Лиона в ноябре 1942 года. Лион тогда был центром антифашистского движения во Франции. «Я приехал в Лион, чтобы ликвидировать французское Сопротивление, иными словами, я приехал туда убивать», — цинично заявил палач много лет спустя своему «доверенному лицу и биографу» канадцу Роберту Уилсону. По приказу Барбье эсэсовцы поджигали дома, убивали на месте всех подозрительных, расстреливали в школь-

гражданина Швейцарии, его шеф «убил Жана Мулена собственными руками». Уже много лет спустя, после войны, «лионский мясник», будучи преуспевающим «боливийским коммерсантом», снова приехал во Францию. Приехал как уважаемый турист. В Париже он посетил Пантеон и возложил цветы на могилу... Жана Мулена! Потом, в 1980 году, беседа с корреспондентом западногерманского журнала «Штерн», палач скажет: «Во время войны мы были с ним врагами, но я его уважал».

Еще в 1944 году Барбье вошел в контакт с руководителем европейского бюро Управления стратегических служб США (УСС), предшественника нынешнего Центрального разведывательного управления (ЦРУ), Алленом Даллесом. В портфеле лионского палача были досье на прогрессивных деятелей Франции, много других документов, представлявших собой ценный источник информации для американских разведслужб. В Вашингтоне видели, что конец войны не за горами, и понимали, что пора начать рекогносцировку сил послевоенного мира. А Даллес в 1943 году на тайной встрече с эмиссаром СС говорил, что «следующая мировая война, само собой разумеется, разразится» между США и СССР. Рассматривая финал второй мировой войны как прелюдию к третьей, силы реакции в Соединенных Штатах стали подыскивать тысячи «нужных людей с нужным опытом» для использования их против своего главного послевоенного врага — коммунизма, СССР.

Поэтому один из активнейших участников «крестового похода» против французского Сопротивления, Барбье, имевший к тому же опыт «работы» в частях СС на советско-германском фронте, заинтересовал руководителей американской разведки. Перед самым концом войны Барбье «сдался в плен» командованию 36-й американской пехотной дивизии, а несколько месяцев спустя прошел первое «боевое крещение»: в числе трех тысяч свежезавербованных агентов он был заброшен в советскую оккупационную зону на территории Германии, где должен был организовывать диверсии, устанавливать связи и т. п. Одновременно Барбье поставлял американцам информацию о Франции и ряде стран Восточной Европы.

Работая «против французских и русских», агент УСС Барбье получал от своих новых хозяев по 1700

списке военных преступников, составленном союзниками по антигитлеровской коалиции сразу после войны, Барбье значился под номером 239.

В аэропорту Ла-Паса, куда 69-летний Барбье, проживавший в Боливии под фамилией Альтман, был доставлен в светло-голубом автомобиле боливийской полиции 4 февраля, нацисту сообщили, что его переправляют через Перу в Западную Германию. При этих словах, сказанных чиновником из министерства внутренних дел Боливии, испуганное лицо преступника просветлело: в ФРГ у него были друзья, единомышленники. Но самолет боливийских ВВС взял курс не на запад, к Перу, а к столице Французской Гвианы, что на северо-востоке Южной Америки. После посадки в Кайенне к Барбье подошли офицеры французских сил безопасности и перевели его в самолет ВВС Франции. Лицо коммерсанта-эсэсовца опять стало мрачным, серым, глаза потухли. Он постарел, казалось, лет на десять. Палач знал, что Франция дважды приговаривала его заочно к смертной казни. На борту ДС-8, взявшего курс к Европе, его сопровождал отряд французских полицейских, специализирующихся по борьбе с террористами. Самолет пересек Атлантический океан и 5 февраля произвел посадку близ города Оранжа, в долине Роны, на юге Франции.

Операция по задержанию и выдаче фашистского палача французским властям была осуществлена по договоренности между правительствами Франции и Боливии.

Из Оранжа Барбье перевезли в город Лион и заключили там в тюрьму Монлюк — ту самую, где в 1942—1944 годах он, будучи шефом местного отделения гестапо, пытал, истязал и расстреливал борцов французского Сопротивления и подписывал приказы об отправке в лагерь смерти на территории Германии сотен женщин и детей. 6 февраля прокурор Лиона Кристиан Рисс обвинил Клауса Барбье-Альтмана в «преступлениях против человечества, убийствах, пытках, незаконных арестах и похищениях людей». «Лионский мясник», как называли Барбье в годы войны, виновен в уничтожении 4342 человек, в депортации 7591 еврея в концлагерь и арестах 14311 человек. В расправах над многими жертвами он участвовал лично.

12 февраля Барбье перевели, из соображений

долларов в месяц — немалая сумма по тому времени. Деньги бывшему эсэсовцу передавал его непосредственный шеф Эрхард Дабрингхауз. В 1948 году он был гражданским сотрудником американской армейской контрразведки на территории оккупированной Германии, а теперь, в связи с делом Барбье, «всплыл» как профессор Уэйнского университета в городе Детройте. Бывший шпион узнал своего бывшего подчиненного в феврале 1983 года, когда по телевидению США был показан очередной репортаж о Барбье из Парижа. Столкнувшись впервые с Барбье «по работе» 35 лет назад и узнав, что он был офицером СС, Э. Дабрингхауз соответственно проинформировал свое вышестоящее начальство. Однако начальство, поведаль он корреспонденту американского журнала «Тайм», приказало «на время забыть» про эту деталь в биографии подчиненного. «Когда на нам больше не будет нужен, мы изменим с ним наши отношения», — было сказано тогда Э. Дабрингхаузу.

Дважды в 1945 году, 31 августа и 12 сентября, военный трибунал Лиона выдавал ордера на арест Барбье. Дважды эти ордера были просто проигнорированы американскими оккупационными властями в Германии. В мае и июле 1948 года французская сторона потребовала от «союзников» сообщить местонахождение Барбье. Американцы отказались сделать это.

29 июля 1949 года французская служба по розыску военных преступников направила во французский штаб в Баден-Бадене письмо, в котором обращалось внимание на то, что «К. Барбье пользуется защитой американских оккупационных властей и вряд ли они обеспечат необходимое расследование...»

По свидетельству французского адвоката и «охотника» за нацистскими преступниками Сержа Кларсфельда, в первые послевоенные годы США двадцать раз отклоняли требование Франции о выдаче Барбье.

Американские власти продолжали покровительствовать преступнику-гитлеровцу даже после того, как военный трибунал Лиона, проведя тщательное расследование, дважды — в апреле 1952 года и в ноябре 1954-го — заочно приговорил его к смертной казни. 7 ноября 1963 года в секретном докладе, направленном в Париж начальником военной разведки группы французских войск в Западной Германии А. Батто, указывалось, что К. Барбье, находящийся в Боливии, имеет там занятия, являющиеся «профессиональным прикрытием его подлинной деятельности в интересах американской и западногерманской разведслужб».

В Боливию Барбье попал в 1951 году. Накануне отъезда в Южную Америку он получил от американских оккупационных властей в Мюнхене транзитную карточку за номером 0121454 на имя Клауса Альтмана, которая обеспечила ему беспрепятственный проезд по территории Европы. На основании этого фальшивого удостоверения представители международного Красного Креста, полагая, что его владелец является перемещенным лицом, выдали ему необходимые документы для поездки в Южную Америку. Приехав в итальянский порт Геную и дождавшись там боливийской визы, Барбье-Альтман сел вместе с семьей на теплоход «Коррентес» и отплыл в Аргентину, откуда потом перебрался в Боливию.

Перебравшись в Боливию, Барбье мечтал навсегда оставить за кормой свое кровавое прошлое. Он надеялся, что на краю света от него, наконец, отстанут «неугомонные галлы» и о нем забудут Европа и мир. Бывший шеф гестапо Лиона поначалу устроился управляющим скромного лесопильного завода в захолустной провинции. Спустя несколько лет Барбье — уже владелец деревообделочной фабрики, он специализируется на торговле хинным деревом. А еще через некоторое время фашист становится президентом организованной им же судовой компании «Трансмариитима боливияна». За небольшой срок Барбье делает карьеру на коммерческом поприще, которой могли бы позавидовать многие бизнесмены. Какие скрытые пружины вытолкнули наверх Барбье-коммерсанта? Дотации ЦРУ или ключи к тем колоссальным сокровищам (валютным запасам и драгоценностям), которые гитлеровцы награбили в Европе и в конце войны якобы вывезли в Южную Америку (операция «Огненная Земля»)? Бывший сотрудник американской разведки Ладислас Фараго утверждает, что тайными «казначейми» этих эсэсовских богатств являются Барбье и его давний друг Фриц Швенд, который в войну руководил изготовлением фальшивых банкнот для нужд СС, а после войны, войдя в доверие к ЦРУ, добился не меньших успехов в коммерции — и тоже в Южной Америке.

Впрочем, Барбье был в Боливии не просто коммерсантом. В течение четверти века, начиная с 1957 года, когда он получил боливийское гражданство, бывший офицер СС слыл «серым кардиналом» всех фашистских режимов этой латиноамериканской страны. «Человека, которого мы называем у себя дома «лионским палачом», — писал французский еженедельник «Ви уриер», — боливийцы могли бы с полным основанием называть «палачом Ла-Паса». В годы диктатуры

генерала Уго Бансера (1971—1978), в один из наиболее тяжелых периодов в истории боливийского народа, «коммерсант» Барбье использовался властями в качестве консультанта по полицейским делам. По словам боливийского дипломата Эмилио Санчеса, «лионский мясник» занимался натаскиванием боливийских специалистов по допросам и пыткам «партизан» — или, попросту, борцов за свободу и демократию, прогрессивно настроенных граждан.

По мнению ряда наблюдателей, пост «полицейского консультанта» был предложен Барбье по подсказке ЦРУ. Обращает на себя внимание и тот факт, что бывший шеф гестапо был переброшен из Европы в Латинскую Америку именно в тот период, когда на континенте начинала подниматься волна национально-освободительных движений и антиамериканских настроений. Опыт палача, стремившегося потопить в крови сопротивление гитлеровскому фашизму в Европе, был весьма кстати для подавления тех, кто боролся против национальной олигархии и американского империализма в традиционной «вотчине США» к югу от Рио-Гранде.

В 1967 году именно в Боливии погиб легендарный Эрнесто Че Гевара. Доказано, что к убийству этого отважного революционера, борца за свободу народов Латинской Америки приложило руку ЦРУ. Быть может, не без участия Барбье...

Используя свое положение коммерсанта, Барбье доставал для репрессивных режимов Боливии оружие. Установлено, например, что именно через него была осуществлена закупка в Европе 100 новейших танков типа «Кирасир» заводов «Штейр». Доставку военного снаряжения из Старого Света в Боливию обеспечивала компания «Трансмариитима боливияна», принадлежавшая тому же Барбье.

«Лионский мясник» стал «духовным вождем» немецкой колонии в Боливии. В 70-е годы эта колония держала в своих руках около 60 процентов богатств страны. Она манипулировала деятельностью военизированных группировок, создававшихся под личным руководством Барбье по образу и подобию СС. Именно с помощью этой колонии и этих группировок был подготовлен в 1971 году государственный переворот, в результате которого к власти пришел близкий друг Барбье — боливийский фашист Бансер.

Тесные отношения сложились у бывшего гауптштурмфюрера и с последующими правителями Боливии — президентом Гарсиа Месой и министром внутренних дел Арсе Гомесом, захватившими власть в 1980 году. И тот и другой были связаны с Пентагоном: генерал Гарсиа Меса прошел обучение в военной школе США в зоне Панамского канала, а полковник Арсе Гомес «нюхал порох» в составе войск США во время войны во Вьетнаме. Очередной фашистский режим Боливии, как и многие предыдущие, активно использовал опыт палача и истязателя Барбье. Итальянская газета «Корьере делла сера» писала в те дни: «Министр внутренних дел Арсе Гомес тщательно планирует репрессии и пытки, так что никому не известно, сколько в этой стране погибших, заключенных или пропавших без вести».

«Деловые» нити из осиного гнезда, свитого недобитыми гитлеровцами в Боливии, тянулись не только в Соединенные Штаты, но и через Атлантический океан — в Европу. Шефом одной из своих военизированных группировок, претенциозно названной «Женихи смерти», Барбье назначил бывшего гестаповца, агента западногерманской разведслужбы БНД Иоахима Фибелькорна, через которого поддерживал многосторонние связи с коричневыми единомышленниками в ФРГ. В группировку «Женихов смерти» входили также итальянские неонацисты Пьер Пальья и Стефано Делле Кьяйе. Как потом выяснилось, и И. Фибелькорн и С. Делле Кьяйе были замешаны в ряде террористических операций, проведенных в Западной Европе, в том числе в той, что была совершена в августе 1980 года на вокзале итальянского города Болонья. Тогда от взрыва бомбы погибло 85 человек...

Лишь немногие посвященные знали, что за подобными актами международного терроризма, учинявшиеся за тысячи километров от Боливии, стоит зловецкая фигура «серого кардинала», «полицейского консультанта» Барбье. Живя по подложному паспорту и имея надежное «профессиональное прикрытие» со стороны ЦРУ и БНД, этот фашист настолько уверовал в свою недоступность для закона, что на одном приеме безбоязненно поприветствовал посла ФРГ в Ла-Пасе нацистским салютом...

Но ничто не вечно. Настал конец и беззаботной жизни «лионского мясника», обосновавшегося в Боливии. Это случилось 10 октября 1982 года, когда к власти в стране впервые за многие годы пришло демократическое правительство. Новый президент Эрнан Силес Суасо решил избавить Боливию от репутации страны, превратившейся в «прибежище для военных преступников и европейских правозащитников». С этой целью был разработан ряд эффективных мер. Одной из них и явилась выдача французским властям кровавого палача Лиона.

Когда Барбье привезли из Боливии в Лион, одна 82-летняя французская женщина, прошедшая через ад в застенках Монлюка в годы гитлеровской оккупации, сказала о «лионском мяснике» так: «Даже смерть для этого человека была бы слишком мягким наказанием». После второй мировой войны, унесшей 50 миллионов человеческих жизней (в том числе 20 миллионов жизней советских граждан), по разным углам земного шара разбежались, согласно данным английского журнала «Экономист», примерно 150 тысяч нацистов, подпадающих под категорию восточных преступников. Злодеяния и послевоенная судьба многих из них схожи со злодеяниями и судьбой Клауса Барбье.

Наиболее отпетые гитлеровцы после падения Берлина нашли убежище в США. По разным источникам, их там насчитывается сейчас от трех до пяти тысяч. Они виновны в гибели приблизительно двух миллионов человек на территории СССР, Польши, Венгрии, Болгарии, Югославии, Румынии, ГДР, Италии, Дании, Голландии, Франции и Бельгии. Но, несмотря на тяжкую вину, подавляющее большинство из них до сих пор не только не предстало перед судом и не понесло никакого наказания, но продолжает жить на свободе, пользуясь, как пользовался до 1983 года Барбье, «профессиональным прикрытием», покровительством американских властей и прежде всего ЦРУ.

В книге «Тайна «Белоруси», написанной бывшим сотрудником министерства юстиции США Джоном Лофтоном и вышедшей в свет в 1982 году, указывается, что сразу после войны так называемый отдел «координации политики» американского госдепартамента взял себе в услужение по меньшей мере четыре тысячи нацистских преступников, которых стали готовить к активному использованию в «необъявленной войне» против Советского Союза и других социалистических государств. В начале 50-х годов ЦРУ тратило на долю этого отдела «более половины своего бюджета». Впоследствии отдел целиком вошел в структуру штаб-квартиры шпионского ведомства в Лэнгли и стал частью его нынешнего оперативного управления. В середине 50-х годов Совет национальной безопасности США поручил ЦРУ и лично шефу нового отдела осуществление сверхсекретной операции по инспирированию «Волнений и бунтов» в СССР и других странах Восточной Европы, в частности в Польше...

Еще во время войны и позднее, в послевоенные годы, был принят целый ряд важных международных документов, в которых выдвигаются требования о наказании нацистских военных преступников и полном исключении фашизма из жизни человеческого общества. 30 октября 1943 года три союзные державы антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритания — подписали Московскую декларацию об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. В ней говорится, что лица, «которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни... будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран», и что три союзные державы «навсегда найдут их даже на краю света и передадут в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие».

Обязанность всех государств преследовать и предавать правосудию преступников минувшей войны была зафиксирована также в «Декларации о поражении Германии» от 5 июня 1945 года, в Потсдамских соглашениях, в Международном соглашении о составе военных преступлений от 8 августа 1945 года. Когда определенные круги в ряде стран Запада стали пытаться, в нарушение этих документов, обелить военных преступников с помощью оговорок о «сроках давности» совершенных ими злодеяний, Генеральная Ассамблея ООН 26 ноября 1968 года приняла Конвенцию о неприменении сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества.

Вошедший в историю международный судебный процесс в Нюрнберге длился 11 месяцев. В ходе процесса главный обвинитель от США Роберт Джексон произнес такие, увы, оказавшиеся пророческими, слова: «Настоящее судебное разбирательство приобретает особое значение потому, что обвиняемые нами заключенные представляют в своем лице зловецкие силы, которые будут таиться в мире еще долго после того, как тела этих людей превратятся в прах».

После Нюрнбергского процесса минуло почти четыре десятилетия. За это время перед судами разных государств предстали многие из уцелевших гитлеровцев, другие уже «превратились в прах». Но многие и многие нацистские преступники еще живы. Не ушли из жизни и те зловецкие силы, которые укрывают их от правосудия.

Но над этими зловецкими силами, предавшими память миллионов павших в борьбе с фашистской чумой, тоже идет суд — суд истории. Его приговор неотвратим.

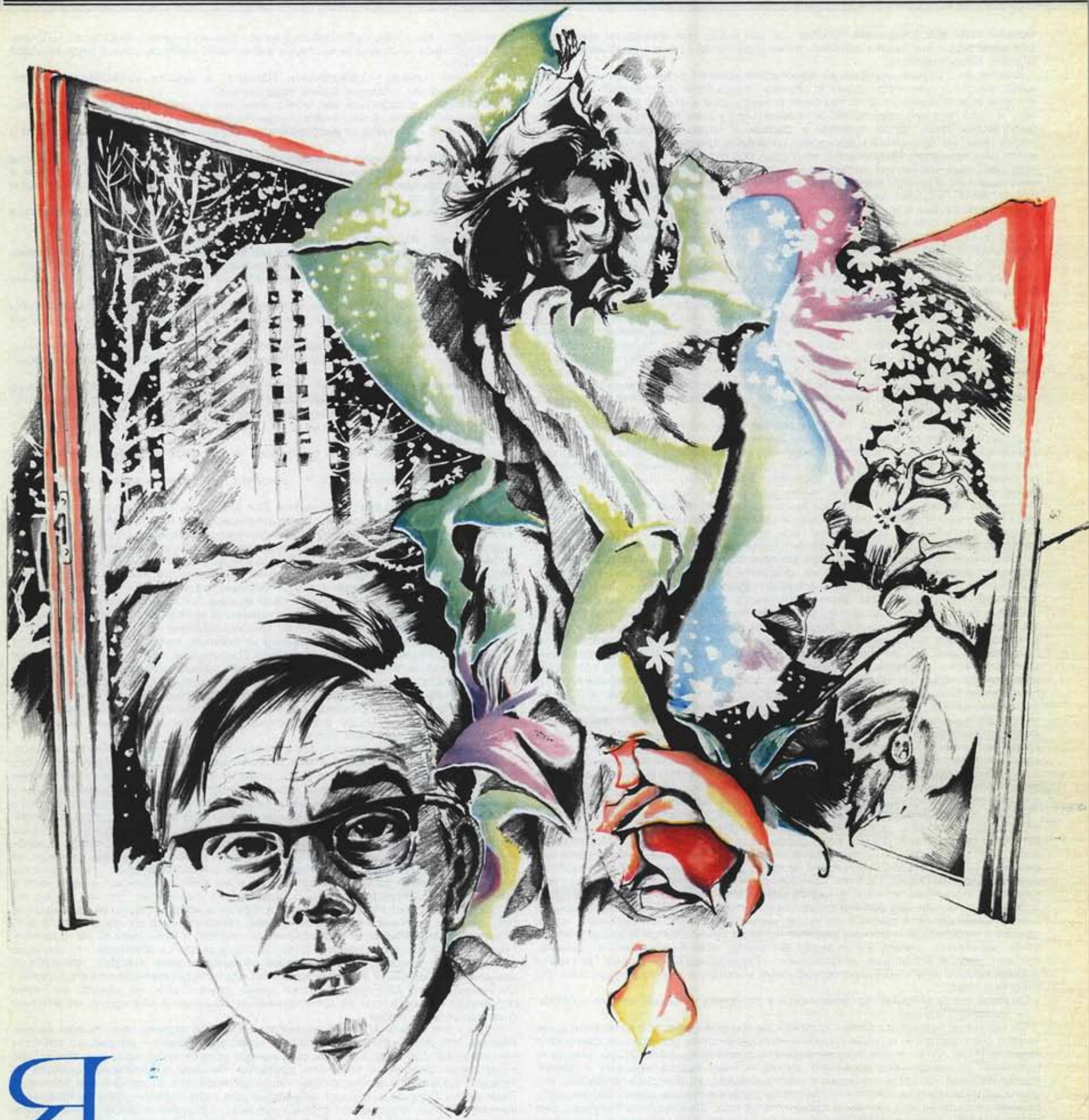

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА.

Я ВАС ЛЮБЛЮ.

Леонид БЕЖИН
РАССКАЗ

II

Петухов был сам виноват: не оделся как следует, а мороз выдался декабрьский, нешуточный, минус двадцать, и он в своем тоненьком демисезонном пальто, карузике с мушкой и узконосых полуботинках совершенно замерз. Семейная прогулка, к которой готовились всю неделю, разумеется, сорвалась, и эта неудача была приплюсована к другим случаям фатального невезения, преследовавшего Петуховых последнее время. Начать с того, что в новом кооперативном доме, куда они переехали недавно, им досталась квартира с номером 1313 — самая последняя на самом последнем этаже. Наверное, у строителей, проводивших отделочные работы, и у комиссии, принимавшей дом, до нее просто не дошли руки (или, точнее, ноги), поэтому обои отставали, паркет коробился, потолки текли и батареи почти не грели. Петуховы мерзли, спали под двумя одеялами и

меняли тази под трещинами потолка. Целый месяц они приводили квартиру в божекий вид, и все шишки сыпались не на строителей и приемную комиссию, а на бедного главу семейства.

Именно он, Петухов, вытянул на жеребьевке конверт с роковым номером, хотя жена, вместе с ним подошедшая к столику, показывала на соседний конверт, в котором (как выяснилось впоследствии) лежал седьмой этаж с видом на Москву-реку и село Коломенское, памятник древнего зодчества. Из петуховских же окон были видны лишь голый пустырь и свалка, и чтобы полюбоваться древним зодчеством, им приходилось несколько остановок трястись в автобусе. Жена не могла простить этого Петухову и с некоторых пор стала считать его виноватым во всех семейных несчастьях, называть неудачником, покрикивать и жаловаться на него подругам, а дочери шептались о том, что мама папу больше не любит. Вот и сейчас жена Петухова, имевшая обыкновение в минуты особого недовольства мужем выражаться в ироничном сказочном духе, сказала:

— Что же ты, свет мой, оделся не по сезону! Смотри, посинел весь! Возвращайся-ка, добрый молодец, домой, а то отпайвай тебя потом чаем с малиной! Возвращайся, возвращайся! Заодно и картошку к обеду почиши!

Тогда-то и выяснилась первая странная подробность этого воскресного дня: Петухов прекрасно помнил, что перед выходом он выглянул в окно и на термометре было плюс семь. Поэтому он и достал с вешалки демисезонное пальто, удивляясь тому, как причудливо меняется погода и какие ошибки допускают синоптики. Он даже собрался предупредить жену, чтобы она не слишком кутала девочек, но почему-то (вторая странная подробность!) об этом забыл, сам завязал девочкам шерстяные шарфы, а жене подал шубу, очень тяжелую и теплую, сшитую из обрезков козьего меха. Подал и не проронил ни слова — как будто так надо. Жена же не обратила никакого внимания на его пальто, словно он был поджарым студентиком, привыкшим по морозу бегать в деми, закаленным моржом, каждое утро купающимся в проруби, или индийским йогом, способным энергией собственного тела растопить гималайский лед.

Когда они вышли из дома, Петухов долгое время не замечал, что мерзнет, и радовался вместе со всеми спящему солнцу, дымившемуся в ветках заиндеветых деревьев, крестикам вороньих следов на снегу бульвара, матовой белизне льда на Москве-реке, но едва они приблизились к Коломенскому (девочки просили показать им знаменитые восьмисотлетние дубы), Петухов почувствовал озноб, стал ежиться от холода и тереть уши. Тогда и жена, посмотрев на него, ужаснулась: мочки ушей у Петухова были совершенно белыми, щеки посинели и лишь на кончике носа осталось крошечное красное пятнышко. Семейству пришлось разделиться: женщины продолжили свой маршрут, а Петухов понуро повернул назад, продолжая тереть уши и стараясь уразуметь, как же приключился с ним этот необъяснимый казус. Наверное, термометр просто сломался или он по рассеянности перепутал деления. Ведь не могло же произойти такого, чтобы у него на балконе была весна, а вокруг стояла самая настоящая декабрьская зима! Значит, сломался термометр. Или он перепутал деления. Сломался или перепутал — одно из двух.

Между тем странности продолжались, и чем ближе к дому оказывался Петухов, тем теплее ему становилось. Он даже подумал, а не догнать ли жену с дочерьми, и оглянулся назад в надежде издалека их увидеть, но в лицо ему дохнуло такой свирепой стужей, что он тотчас же отказался от этой мысли. Видно, неведомый источник тепла, согретый Петухова, находился именно дома, хотя остальные прохожие, которых он обгонял, прятали в воротники носы и прикрывали лица перчатками. В подъезде Петухову стало настолько жарко, что он размотал шарф и растегнул пальто. «Зима это или не зима?!» — спросил он сам себя, но, заметив под лестницей хоккейные ворота, спрятанные сюда мальчишками на то время, пока из-за сильных морозов они не гоняли шайбу, сам себе ответил: «Зима!» Да, именно, самая настоящая, декабрьская! На ворсе ковра, который сосед поднимал в лифте, сверкали намерзшие льдинки, и почтальонша, разославшая телеграммы, согрелась чаем из термоса. Почему же тогда из двери Петухова тянуло весенним жаром и сквоззю дерматиновую обивку проникали странные звуки, напоминавшие журчание ручья у обочины тротуара, стук капель по жестяному карнизу и соловьиный свист?!

«Радио, что ли, не выключил?» — подумал Петухов, отпирая дверь, но оказалось, что радио выключено, а странные звуки сами рождаются в воздухе вместе с запахами талого снега, мокрой коры деревьев и сырого асфальта. «Может быть, жена азрозоль купила?» — стал приходить к Петухову, но в это время его ослепило сияние, вспыхнувшее словно весеннее солнце в зеркале, которое выносят из мебельного магазина. Петухов зажмурился и снова открыл глаза, увидел всю комнату в тюльпанах и розах, а над балконом висел цветущий яблоневый сад с дорожками, усыпанными белыми лепестками. Петухов потрянул головой, сбрасывая с себя наваждение, и ринулся на кухню чистить картошку. Он вспомнил, что и раньше у него бывали подобные видения, но тогда это происходило во сне, а утром почти забывалось, теперь же он видел все наяву, ясно и отчетливо, и казалось, протяни руку, и коснешься, дотронешься. «Галлюцинация!» — решил Петухов и выронил наполовину очищенную картофелину, упавшую на пол и закатившуюся под кухонный стол.

Он нагнулся за упавшей картофелиной и в это время услышал, как его позвали: — Товарищ Петухов!

Он медленно поднялся с колен, отложил картофелину вместе с воткнутой в нее ножом, снял фартук и, готовый к любым неожиданностям, решительно двинулся в комнату. И вот тут-то, ступая босыми ногами по дорожке яблоневое сада, откуда-то издали, из прозрачного весеннего облака, к нему вышла женщина в легких, развевающихся на ветру одеждах, с распущенными золотистыми волосами и с цветущей веткой в руке. Она проникла сквозь двойные стекла, сразу очистившись от инея, встала на подоконник и прыгнула на пол. Улыбнувшись Петухову, она протянула ему цветущую ветку (так обычно гости дарят цветы хозяевам), поправила волосы и села на диван. Петухов заметил, что диван при этом даже не примялся от тяжести. Не веря своим глазам, он осторожно коснулся плеча женщины и ощутил вдруг, что она бесплотна. Ветка, которую держал Петухов, тоже не имела веса и не падала, если он выпускал ее из рук.

— Кто вы? — спросил Петухов, с удивлением слыша свой голос, обращенный к бесплотной тени.

— Весна, — ответила женщина, вытягивая перед собой уставшие и перепачканные весенней грязью ноги.

— Весна?! — переспросил Петухов, стараясь показать, что он скорее не расслышал слова женщины, чем усомнился в них. — Но насколько я понимаю, весна — это одно из времен года, а вовсе не человек с руками и ногами. У вас же есть и руки, и ноги, и такие красивые волосы...

— Тогда считайте, что я аллегория весны, — поспешно поправила женщина,

словно заботясь о том, чтобы собеседник не изменил мнения о ее волосах. — Помните, на картинах итальянских мастеров весна часто изображалась в виде молодой женщины?

— Помню, помню, — обрадовался Петухов, в юности увлекавшийся живописью. — Чему же я обязан вашим посещением?

Он старался выразиться как можно изящнее, в духе итальянской учтивости.

— Ничему. Просто я вас люблю, — призналась она.

— Любите?! — Петухов от растерянности выпустил из рук ветку, и она повисла в воздухе.

— Да, люблю, — женщина виновато вздохнула. — Я впервые увидела вас, когда вы ремонтировали балкон, затем отводили девочек в школу, затем стояли в очереди за помидорами, затем спешили на работу... вы были такой озабоченный и даже ни разу на меня не посмотрели.

— Я чувствовал, что мне жарко, но думал, это от спешки, — стал оправдываться Петухов.

— Нет, нет, это была я, — заверила его женщина.

— Теперь я понимаю. — Петухов задумался, стараясь представить, каким заманчивым и усталым он выглядел в глазах весны. — Знаете, очень много всяких дел... Действительно, некогда поднять голову и посмотреть в небо. Особенно в будние дни.

— Я не обижаюсь. Меня многие не замечают. Но однажды мне захотелось, чтобы вы меня все-таки заметили, вот я и пришла. Это не слишком навязчиво с моей стороны?

Женщина слегка привстала, как бы обещая уйти, если она оказалась некстати.

— Что вы, что вы! Я так рад! — Петухов замялся. — Только вы не ошиблись?

— В чем?

— Вы любите именно меня? Может быть, вы случайно перепутали номер квартиры? К примеру, рядом с нами живет мастер спорта, горнолыжник, удивительно красивый мужчина. Или оперный бас из квартиры 1307, его даже на улицах узнают. Или директор овощной базы из 1205-й. Он, правда, уже в летах, но зато у него такие возможности!

— Я никогда и ни в чем не ошибаюсь, — остановила его женщина. — Я люблю именно вас.

— Но за что же меня любить?! — вскричал Петухов и умоляюще посмотрел на гостью.

Петухов привык любить безответно. Вся его жизнь складывалась так, что он любил, порою пылко и страстно, а вот ответной любви не получал, и не только от женщин, но и от самых разнообразных предметов. В юности он увидел однажды художника, писавшего маслом замоскворецкий дворик с решетками палисадных, деревянными сараями и маковой церкви, выглядывающей из-за железных крыш, и Петухова настолько поразило его умение перенести на холст и превратить в картину самые привычные глазу и скучные вещи, что он страстно увлекся живописью, стал пропадать в Пушкинском музее и Третьяковке, записался в класс рисования при Доме культуры, а по воскресеньям уезжал на этюды с мольбертом, сделанным из старой шахматной доски. Он самозабвенно любил и этот мольберт, и запахи масляных красок, выдавливаемых из тюбиков, любил мраморную прохладу Пушкинского музея и причудливый теремок Третьяковки, но чем упорнее склонялся он над картоном в безудержном стремлении превратить его в картину, тем беспомощнее была его живопись, словно бы не отвечавшая взаимностью на любовь. Преподаватель класса рисования, неохотно поправлявший рисунки Петухова, затем и вовсе перестал их поправлять, как бы не желая тратить время на отвергнутого музеем ученика, и Петухов оставался один на один с гипсовыми головами и натюрмортом из восковых яблок.

Позтому вскоре он покинул класс рисования и поступил учиться на товароведа. Эта профессия не вызвала в нем особой любви, но давалась ему легко, без лишнего напряжения, и, может быть, поэтому Петухов превратился во вполне солидного специалиста и поступил работать в крупный столичный универсам, где у него были свое местечко, отгороженное шкафами от соседей, отдельная вешалка и полка в общем холодильнике. За этими шкафами Петухов и сидел с утра до вечера, погруженный в бумаги или раскладывая перед собой образцы товаров, и лишь изредка вспоминались ему теперь Третьяковка, самодельный мольберт и запах масляных красок. Ему казалось, что с безответной любовью покоченно навсегда, но на одном из совещаний работников торговли он познакомился с молодой женщиной, которая работала продавщицей в магазине «Надежда» и сама носила имя Надежда. Петухова настолько удивило это совпадение, что он тотчас же влюбился, пригласил Надежду в театр, а через три недели сделал ей официальное предложение, явившись с зимними розами, завернутыми в хрустящий пергамент, бутылкой шампанского и торжественным спичем, отпечатанным на машинке. Надежда благосклонно приняла розы, выслушала спич и ответила, что согласна выйти за него замуж и, хотя не уверена до конца в своих чувствах, надеется со временем его полюбить. И вот Петухов стал ждать, когда же Надежда его полюбит. Он понимал, что для этого ей тоже нужно удивиться, но удивить ее ничем особенным не мог и, считая себя человеком обычным и заурядным, мучительно сомневался в ее любви.

Когда у них родились девочки-одногодки, Петухов перенес свою любовь на них, надеясь, что дети — самые благодарные существа на свете — наконец-то отплатят ему ответной любовью. Молодой отец каждое утро бегал на молочную кухню, сам купал своих девочек в ванночке, присыпал тальком подопревшие складки на тельцах, одевал и выносил гулять, громыхая коляской по деревянной лестнице. Ради детей Петухов совершил небывалый для себя подвиг — добился квартиры, именно добился, потренировал, стукнул кулаком, и грузовик с брезентовым верхом увез их из Замоскворечья в Теплый Стан, а затем Петуховы поднатужились и одолели кооператив в Коломенском. Петухов ждал, что теперь-то его будут любить, но почему-то они гораздо чаще ссорились с детьми, чем наслаждались взаимной лаской и нежностью. Петухов отчитывал их за плохие отметки, за разбросанные по комнатам вещи, за невымытую посуду, а девочки показывали ему язык, отмахивались и затыкали уши. Постепенно он смирился с тем, что его любовь безответна (подвиги больше не совершал, и жена все чаще переходила с ним на иронично сказочный тон, означавший высшую степень раздражения и недовольства), и вот впервые за свою жизнь Петухов услышал, что его любят, и услышал это не от обычной женщины, а от самой весны, неведомыми путями проникшей к нему в комнату.

— Я люблю вас просто за то, что вы — это вы, — сказала гостья, застенчиво улыбаясь в ответ на его умоляющий взгляд. — И не надо больше об этом. Мне стыдно, ведь я вам сама во всем призналась... Лучше покажите, как вы живете.

Она обвела взглядом комнату, стараясь не замечать разбросанных всюду детских вещей.

— Извините, у нас беспорядок. — Петухов заслонил собою наиболее компрометирующие участки комнаты. — А живем мы в общем-то обыкновенно, как все. Это у нас гостиная, хотя гостей мы редко принимаем и гораздо чаще сидим вечерами одни. Это обеденный стол, хотя обедаем мы всегда на кухне. Это наш лучший сервиз, из которого мы еще ни разу не ели и который бережем для торжественных случаев.

— А это? — Гостя показала на фотографии, висевшие над столом.

— ...моя жена, Надежда Петровна, — Петухов засомневался, рассказывать ли дальше о своей жене или ограничиться этой краткой информацией. — Вы знаете, у нас очень сложные отношения. Не то чтобы сложные, а... — Петухов все еще не решался на полную откровенность. — Одним словом, жена меня совсем не любит, — прошептал Петухов, чувствуя, что этим признанием он упрощает свои отношения с гостей. — Да, да, да! Я давно подозревал, но сейчас окончательно убедился! Не любит! Иначе не называла бы меня «свет мой, добрый молодец» и так далее! Чем я заслужил! Стараюсь, по магазинам бегаю, в очередях стою... — Петухов словно бы с состраданием всматривался в себя такого, каким он выглядел в собственном описании. — И дочки тоже... Такие были послушные, ласковые, тихие, когда в Замоскворечье жили, в деревянном домике, а стоило сюда перебраться, и недавно слышу от них: «Кенты, поканали на хату». Совсем ведь еще школьницы, и где понахватались!

— А что такое кенты? — спросила гостя.

— От слова «кент», сигареты такие... В переводе означает «парни», «ребята». Короче, городской подростковый сленг, — объяснил Петухов.

— Спасибо, — поблагодарила она. — А ваши фотографии здесь есть?

— Мои? Признаться, я редко фотографируюсь. И в зеркало почти не смотрюсь. Мне кажется, я такой неинтересный... Эти очки, залысины, маленькая головка... — Петухов со страхом ждал, что его самокритичность разочарует женщину.

— Что вы, у вас классический профиль! — возразила она. — Однажды я была влюблена в римского полководца, вы очень на него похожи!

— В самом деле? — Петухов был приятно удивлен. — И в каких же сражениях он участвовал?

— Он был одним из последних защитников Рима. Сражался с варварами.

— Между прочим, в детстве я очень любил командовать и играть в войну, — вспомнил Петухов.

— Вот видите!

— А еще я любил после сильного летнего дождя бегать по лужам! — с воодушевлением признался он. — Мы тогда жили в деревне, и вот пройдет гроза, сильная, свежая, и мы, мальчишки...

— Летнего? — разочарованно переспросила женщина. — Значит, лето вы любите больше, чем весну?

— Нет, нет, и весеннего тоже! — с опозданием поправился Петухов, но тотчас почувствовал неловкость и замолк.

— Не огорчайтесь, — успокоила она. — Я вас не ревную. Ну, рассказывайте...

— ...и мы, мальчишки, босиком выбегали на улицу, — стал нехотя продолжать Петухов, но через минуту снова замолчал. — Вечно я так, не умею я с женщинами, не получается быть внимательным, чутким, предупредительным, отсюда и все мои беды... Вот и вас невзначай обидел. Не хотел, а обидел. Разве не глупо!

— Напротив, вы очень чуткий и внимательный, — запротестовала гостя. — Просто я вас... действительно немного приревновала. Простите, мы, женщины, все такие... Вы же все прекрасно умеете, уверяю вас. Однажды во времена средневековья я была влюблена в рыцаря, и ваши манеры напоминают мне...

— Хватит! — не выдержал Петухов. — Сначала римский полководец, теперь рыцарь! Скольких же вы любили!

Гостя испуганно оборвала себя на полуслове.

— Извините, я не должна была... Когда существуешь здесь, на земле, уже целую вечность, то невольно ищешь любви к кому угодно. Представляете, еще до того, как появились люди, я влюблялась в динозавров, ящеров, крокодилов... Помню, один динозавр...

— Хватит же наконец! — угрожающе насунил Петухов.

— Значит, вы тоже ревнуете? — лукаво поинтересовалась женщина.

Петухов спохватился.

— Совсем нет! Почему вы решили?

— А я вижу, и не пытайтесь этого скрыть. Вы ревнуете, как все мужчины.

Женщина весело взглянула на Петухова, и в ее зеленых глазах вспыхнуло его отражение, закружилась и рассыпалась искрами.

— Да, ревную, — вздохнул Петухов, — хотя мы встретились всего лишь час назад. Вас невозможно не ревновать. Вы такая красивая...

— В этом году не слишком. Вот в позапрошлом — другое дело. Тогда я действительно была хороша, — женщина раскинула тонкие руки по спинке дивана. — Помните, какая была весна в позапрошлом году?

— Конечно, помню. Уже в феврале все таяло, припекало, капало с крыш... — Петухов осмелел, сестра рядом с женщиной. — Но вы и сейчас... вы... вы... необыкновенная, — сказал он, жадно отыскивая в ее глазах свое отражение.

— И вы не боитесь мне об этом говорить? — простодушно удивилась женщина.

— Не боюсь, — твердо ответил Петухов.

— Почему это вы так осмелели?

Ее веселый взгляд словно поддразнивал его.

— Потому что вы олицетворяете собой вечную красоту, — Петухов смущенно зажал ладони между коленями.

— Вы хотите сказать, что вечная красота бесплотна и поэтому безопасна? О, вы ошибаетесь!

Женщина вплотную придвинулась к Петухову.

— Нет, нет, я хочу сказать... — начал Петухов, но голова у него закружилась, перед глазами все поплыло и в ушах повис странный счастливый звон. — Я люблю вас. — в изнеможении выдохнул он и услышал свой голос словно не из себя, а откуда-то сверху, снизу, со стороны и увидел себя — отсюда же — необыкновенно прекрасным, могущественным и добрым, не Петуховым, а ангелом.

— Поцелуйте меня, — попросила весна. — Только не губами, а сердцем. Сможете?

— Смогу, — сказал Петухов, ощущая, как его сердце раскрывается, набухает подобно ручью под зачерствевшей ледяной коркой и, готовое вот-вот разорваться, сливается с сердцем весны.

— Да, именно так, именно так! Я в вас не ошиблась, — она протянула к нему свои невесомые тонкие руки и положила на плечи. — Хотите, мы улетим сейчас и всегда будем вместе?

— Куда? — спросил Петухов звенящим счастливым голосом.

— Здесь, на земле, весна наступает лишь на несколько месяцев, но я знаю такую планету, где весна никогда не кончается. Там нет ни времени, ни пространства. Ни страданий, ни боли, — одно лучистое сияние. Хотите стать лучистым сиянием?

Руки весны сплелись на шее у Петухова.

— А как же семья? Жена, девочки? — спросил он словно сквозь забытие.

— Я сделаю так, что они вас забудут.

— Навсегда?

— Навсегда. Как будто вас и не было.

— А что же будет с ними?

— Они будут по-прежнему жить в этой квартире.

— Без меня?

— Конечно, без вас. Хотите?

— Нет, — сказал Петухов, и головокружение сейчас же кончилось, перед глазами все остановилось, и счастливый звон в ушах смолк.

— Что ж, тогда прощайте, — женщина легко встала с дивана. — Больше мы не увидимся.

— Прощайте, — глухо отозвался Петухов.

— Не отчаивайтесь. Семья есть семья. Я понимаю, — она попыталась его утешить.

— Может быть, вы еще раз... когда-нибудь? — с надеждой спросил Петухов.

— Нет, нет, это исключено. Дважды я никому не являюсь. Более того, мне придется сделать так, чтобы вы забыли о моем посещении. Иначе выйдет очень неудобно... и для вас и для меня. Но иногда вы будете обо мне вспоминать... Только почаще смотрите в небо, и вы вспомните. Обещаю вам, — ответила она, вспрыгнула на подоконник и исчезла вместе с розами, гвоздиками и яблоневым садом.

Двойные стекла сразу затянуло инеем.

Когда Петуховы вернулись с прогулки, им непривычно долго не открывали. Девочки по очереди тянулись к звонку и, приподнимаясь на цыпочки, нажимали кнопку, а их мать, державшая тяжелые сумки (по пути из Коломенского успели забежать в универсам), с беспокойством поглядывала на дверь. Наконец она не выдержала и, переложив обе сумки в одну руку, с трудом достала из внутреннего кармашка шубы ключи. Открыв ключом дверь, она бросилась сначала в комнаты, затем на кухню и сразу увидела мужа. Петухов-старший крепко спал, причем поза его была очень странной и выражение лица представлялось совершенно необычным. Он сидел верхом на кухонном табурете, перед ним, словно райское яблоко, лежала картофелина с воткнутым в нее ножом, и Петухова могла поручиться, что никогда раньше ее муж и во сне так блаженно не улыбался... Прежде, чем разбудить его, она заглянула в кастрюли. Никакого обеда, конечно же, приготовлено не было, а единственная очищенная картошка уже поспела.

— Просыпайся, — жена тронула легко за плечо.

Петухов не откликнулся.

— Просыпайся, я что сказала! — Она тронула еще раз.

Он не пошевелился.

— Проснешься ты, горе луковое! — Жена изо всех сил трянула Петухова, он качнулся на табурете и открыл глаза.

— Где я?

— Не знаю, добрый молодец, не знаю! Почему обед-то не приготовил?! Картошки было трудно начистить! Мы замерзли, в очереди стояли, а он тут дрыхнет, видите ли!

— Разве я спал? Ах, да... мне еще снился какой-то странный сон... подожди, подожди... — Петухов снова закрыл глаза, как бы стараясь поймать остатки сна.

— Я тебе подожду, подожду! — Жена снова принялась его расталкивать.

— Надя, — тихо сказал Петухов, не открывая глаз, — прошу тебя, не говори со мной в таком тоне.

— А в каком же тоне мне с тобой говорить!

— В нормальном. Человеческом.

Жена задержала на Петухове долгий недоверчивый взгляд.

— Что это с тобой? Ты нездоров? Значит, все-таки простыл в своем демисезонном! Ладно, картошки я сама начистю, а ты побудь с девочками. Помогите им в комнате убраться.

— Хорошо. — Петухов двинулся в комнату, по пути наткнувшись на брошенные валенки, шубы и шапки, поднимая их с пола и рассортировывая.

Когда он вошел, дочери вповалку лежали на диване, как бы настолько обессиленные ходьбой и очередями, что не могли даже поднять головы и пошевелить пальцами.

— Сними, — простонала одна из дочерей, протягивая ему руку с наполовину стянутым рукавом свитера.

— Сними, пожалуйста, — простонала другая, трясая в воздухе ногой с застрявшим на ней валенком.

Они ждали, что отец, как обычно, бросится выполнять их просьбы, но Петухов вместо этого хлопнул в ладоши и скомандовал:

— Раз, два, три! Встаем! Быстренько! Каждый убирает свои вещи, а затем вместе подметаем комнату! Что за лежебоки такие!

От неожиданности дочери разом приподняли головы.

— Это ты нам? А если мы не хотим?..

— А если мы не можем?..

— Тогда я просто перестану вас уважать, — сказал Петухов, как бы ничуть не сомневаясь в действии своей угрозы.

Дочери нехотя поднялись с дивана и взяли за венки. Петухов поправил за ними плед и вдруг заметил в складке дивана лепесток розы. «Откуда это?» — подумал он, мучительно стараясь что-то вспомнить. За обедом он молчал, и выражение его лица было сосредоточенным и значительным. Чтобы развеселить его, жена стала рассказывать, как она застала его спящим, но Петухов даже не улыбнулся и лишь со странной внимательностью заглянул ей в глаза.

— Что с тобой? — спросила жена, и девочки удивленно посмотрели на них обоих.

После обеда за окнами быстро стемнело и показались крупные зимние звезды. Девочки убежали играть в комнату, а Петухов с женой остались на кухне. Жена стала убирать со стола, а Петухов подошел к окну, раздвинул занавески и вспомнил.

Он с острой и внезапной радостью вспомнил, что его любит весна, любит звезды, любит ночное небо, облака, ветер, весь мир его любит, потому что он — человек.

Эта мысль настолько поразила его, что Петухов снова ощутил знакомое головокружение, счастливый звон в ушах, и лишь в глубине души его не покидало беспокойство.

— Надя, — позвал он жену и, когда она обернулась, настороженно спросил, — а ты меня любишь?

ЕСТЬ НА ВОС ДОБРЫ

Генрих ГУРКОВ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

С глухим стуком выброшены самолетные шасси. За иллюминатором — пестрый калейдоскоп огней. А потом — аэропорт и бесконечный строй лайнеров. Раньше здесь сходились караванные тропы, сейчас — союзные и международные маршруты авиакомпаний...

Вот и еще одно свидание с Ташкентом. Какое по счету — и не скажешь. Так уж случилось, что журналистские пути-дороги в последние двадцать лет вновь и вновь приводили меня сюда. И каждый раз независимо от темы очередной командировки сквозь круговерть событий — больших, значительных или ча-

стных, однодневных, всегда проглядывалась, угадывалась, ощущалась, фиксировалась в блокнотах та суть, которая сделала Ташкент Ташкентом, которая определила его место в истории и жизни страны. Неповторимое место! Ведь судьбы городов, как судьбы людей: можно усмотреть сходство, но одинаковыми они не бывают.

До нынешнего приезда я видел только на фотографиях красивейшую ташкентскую площадь, совсем юную, недавно возникшую. Она названа площадью Дружбы народов. Само словосочетание для нас привычное и естественное, однако главное, вероятно, — конкретная его расшифровка. Тот смысл, который многие десятилетия вкладывал и вкладывает в это понятие Ташкент, велик и многозначен. Жизнь города неразрывно сплавлена с этим понятием. И дело, разумеется, не только в том, что у двух миллионов ташкентцев проставлены в документах 112 национальностей, — хотя много ли на свете городов, где

встретишь такое? Дружба народов — это и ташкентские будни, и праздники, и ташкентская символика, выражающая суть его прошлого и настоящего. Ташкент — стране, страна — Ташкенту... Благородство и чистота этих отношений проверялись в обстоятельствах самых драматических. Ташкент всегда умел делить со страной труд и хлеб, счастье и горе. Ташкент — со страной, страна — с Ташкентом.

У Юлии Друниной есть такие строки:

Когда взлетали к небу
города
И дымом
уносились ввысь деревни,

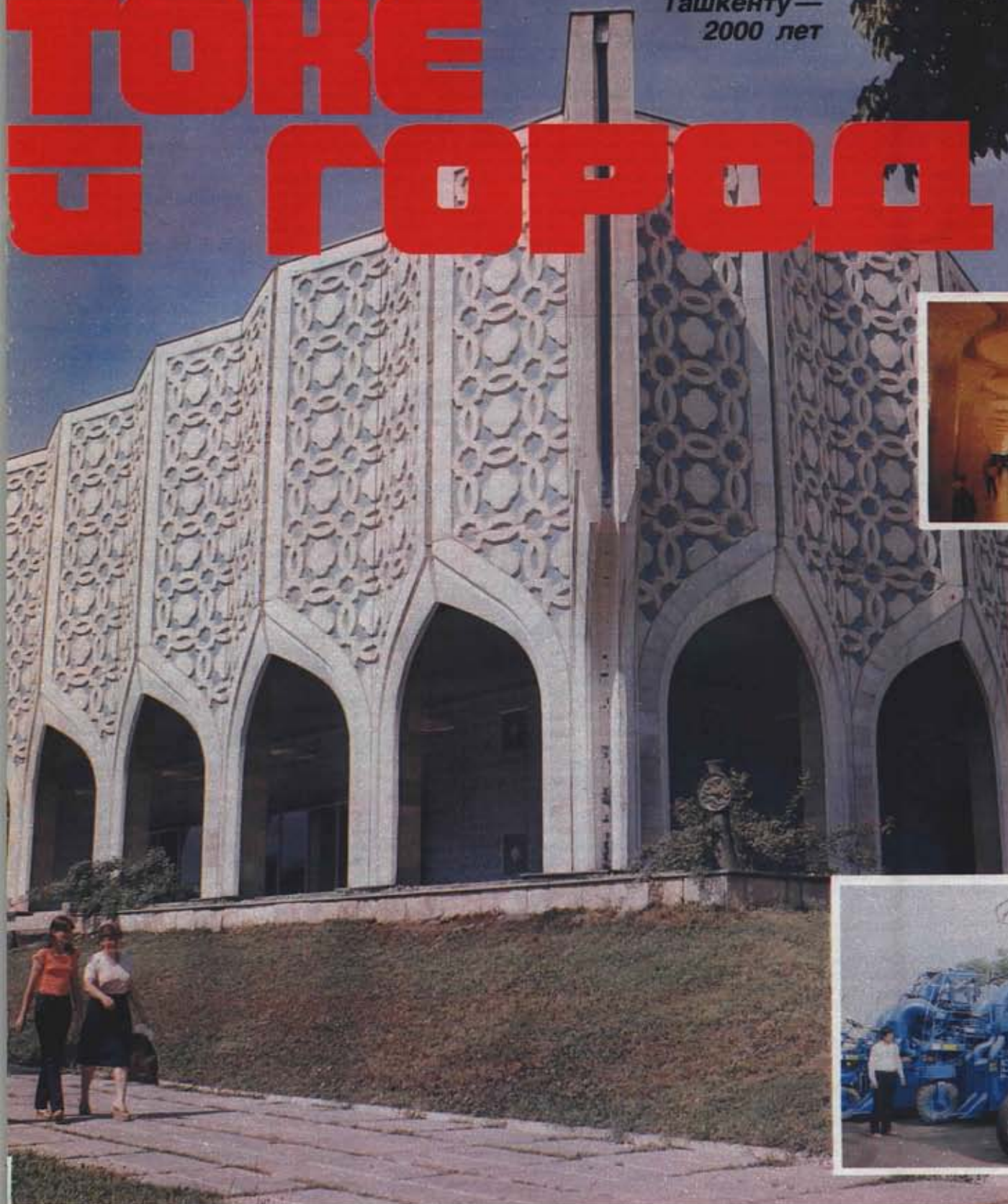
ЮНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ.

ПАМЯТЬ О 26 АПРЕЛЯ. ПАМЯТЬ О ГОРЕ И МУЖЕСТВЕ...

ТОЖЕ С ГОРОД

Ташкенту —
2000 лет

СЕГОДНЯШНИЙ ТАШКЕНТ: ЭЛЕГАНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ И АРОМАТ ТРАДИЦИЙ.

А ЗНАЕТЕ, КАК НУЖЕН В ЖАРУ ЗЕЛЕНЬ ЧАЙ?

Издалека
величественный, древний
Сиял Ташкент,
как добрая звезда...

Я пришел на площадь Дружбы народов. Цвели ошеломляющие ташкентские розы. Устремлялись в жаркое летнее небо неуверенные молодые деревца. Неброско и скромно, без многометровых постаментов, расположилась в центре площади скульптурная композиция. Человек в тюбетейке с ребенком на руках... Женщина в узбекском платке... Вокруг них — стайка ребятишек... Это — напоминание о подвиге кузнеца Шаахмеда Шамахмудова и его жены

Бахри-апа, усыновивших в годы войны четырнадцать сирот. И это напоминание о подвиге Ташкента. Сколько в нем оказалось таких семей! Узбекистан приютил в войну около миллиона эвакуированных. Среди них было 200 тысяч детей. Многие остались без родителей. Тогда в узбекских семьях появились светловолосые сыновья и дочери, которых звали Коля, Наташа, Олесь... «Ая» — мама. Это было первое узбекское слово, которое выучили они. И сегодня со всех концов Союза съезжаются сюда в отпуск, на каникулы, прилетают на веселые, шумные семейные торжества и в скорбные дни, когда о непоправимом горе сообщает телеграмма, те, кого усыновил и вырастил Ташкент, их дети и внуки. Разные фамилии у них, а все — родня...

Да, он не был фронтовым городом, Ташкент. Война не громыкала по его улицам танковыми гусеницами и не рвала на части его дома артиллерийскими

залпами. Он не слышал стука сапог оккупантов. Но он не был в стороне от войны. Он принял сердцем беду тех, кого война лишила крова и лишила детства, изгнала из родных мест. Ташкент отдал свои самые просторные здания под госпитали. На его земле обрели прописку заводы, покинувшие Ростов, Запорожье, Днепрпетровск, Воронеж... Днем и ночью устанавливали оборудо-

УЛИЧНАЯ СЦЕНКА.

ТАШКЕНТСКОЕ МЕТРО — ОДНО ИЗ САМЫХ МОЛОДЫХ В СТРАНЕ.

МАСТЕР.

ТАШКЕНТ ДАЛ ИМЯ ХЛОПКОУБОРОЧНОМУ КОМБАЙНУ.

ПО ОБЫЧАЮ БАБУШЕК И ПРАБАБУШЕК...

вание, спали возле станков. Скорее, скорее... Не было тогда мирных предприятий. Истекавший кровью фронт ждал.

Работу начинали под открытым небом, как только к моторам подключали ток, лишь позднее цеха обрастали стенами и крышей. Именно так, «с колес», начал выпускать самолеты Ли-2 эвакуированный осенью сорок первого авиационный завод, на котором испытателем был в недавнее довоенное время легендарный Валерий Чкалов. Сегодня один из многих тысяч Ли-2, с честью отслуживших свою военную и гражданскую службу, навечно застыл на заводской территории, и на его крылья кладут цветы.

Ташкентское авиационное производственное объединение имени В. П. Чкалова — одно из самых мощных и уважаемых предприятий республики. Безупречная четкость в выполнении планов... Образцовый уровень технологической дисциплины... Отлично налаженная подготовка кадров — собственные ПТУ, цехдро, с умом и фантазией оборудованные; большинство мастеров — выпускники этих же самых ПТУ, убежденные энтузиасты своего «чкаловского»... Лучший в городе Дворец культуры и техники авиастроителей... Лучшие пионерские лагеря... Собственный пансионат на Иссык-Куле... Современный жилой комплекс... Все это — лишь некоторые штрихи к визитной карточке объединения.

Славится оно, к слову сказать, как своими безотказными самолетами (что, естественно, главное), так и другой, хотя и побочной, но весьма популярной в республике и за ее пределами, житейски необходимой продукцией — детскими складными колясками. Легкая, удобная, незаменимая при переездах, коляска эта — увя, пока в списках дефицита. Но позитивные сдвиги ожидаются: чкаловцы умеют искать и находить возможности дать людям то, чего им не хватает.

Год рождения почти всех ведущих ташкентских заводов — 1941-й... Сегодня они выпускают самолеты и тракторы, экскаваторы и станки, хлопкоуборочные комбайны и электронные приборы, оборудование для текстильной и химической промышленности, электродвигатели, компрессоры, подъемные краны, ткани... И многое, многое другое. Золотыми медалями международных выставок награждают продукцию ташкентских заводов, из ста с лишним стран приходят заказы.

А ведь когда-то в Узбекистан даже гвозди ввозили.

Есть города, блистательная древность которых хрестоматийно известна, об их биографии спрашивают на уроках школьников во всех частях света. Такие города несут бремя веков и всеобщего признания с достоинством, а порой с усталой иронией. Помню, в Риме в каком-то из дворов я увидел античную колонну, капитель которой была обмотана веревкой, другой конец веревки опоясывал ствол высоченного каштана. А на веревке...сушилось белье. Обычное, весьма прозаическое белье. В каком-нибудь ином месте эту колонну определили бы в музей, и туристы благоговейно разглядывали бы ее под восторженные причитания экскурсоводов. А в «вечном городе» Риме? Античность была здесь щедра неимоверно...

О Ташкенте не скажешь, что далекие времена оставили очень уж богатые о себе воспоминания — я имею в виду нечто зримое. Любая археологическая находка на территории города становится радостным событием не только для исследователей — о ней сообщает пресса, ее демонстрируют на экранах телевидения, и разговор о ней можно услышать в трамвае или в чайхане, где только что обсуждали очередную гол Андрея Якубика.

Об одной находке — уникальной! — мне рассказали в первый же день. А на следующий день показали ее.

...Высокие глиняные холмы, которые тут и там встречаются в Ташкентском

оазисе, давно уже привлекали внимание ученых. Искусственное происхождение этих холмов (местные жители называют их «тепе») бесспорно. Но что это? Погребальные курганы? Сторожевые сигнальные башни, на которых вспыхивали огни, предупреждая о набегах кочевников? Или крепости давних эпох?

Наша «Волга», промчавшись по оживленным ташкентским магистралям, сворачивает на какую-то боковую дорогу, ковыляет по ухабам и, наконец, останавливается: дальше не проедешь. Дальше — «пешком в историю», как называл свой репортаж кто-то из коллег-журналистов.

Поднимая пыль, спускаемся по тропке к арыку, в котором барахтаются черные, как обитатели Сахары, ребятишки, проходим с полкилометра — и вот он, уже ставший знаменитым холм Чаштепе. Ташкент в переводе означает «Каменный город». Чаш, Шаш, Таш... Произношение менялось, смысл оставался. Не этот ли холм дал название городу?

— Все пошло отсюда, — говорит археолог Алексей Грицина, худощавый, бледный, судя по всему, жестоко страдающий от неистовой жары. В тени сегодня плюс 45, а сколько на безжалостном солнцепеке? Тут уж доставай термометр из тех, что применяются в сауне...

— То, что вы видите, — рассказывает Грицина, — самое древнее архитектурное сооружение в пределах Большого Ташкента. II—I век до нашей эры... Здесь зарождалась городская культура. Оборонительные стены... Башни... Храм...

Отчетливо проглядывается стена — кладка из сырового кирпича. Плавное закругление свода.

— Сохранность поразительная, — Грицина бережно, даже нежно дотрагивается до стены, поставленной 2000 лет тому назад. — При этом заметьте, если в Греции, в Риме в античные времена пользовались твердыми материалами и археолог спустя эпохи сразу же видел, что он обнаружил, то в Средней Азии сыровый кирпич с веками столь основательно «маскировался» под естественные глины, что найти в таком вот холме крепостной вал или башню — весьма кропотливое занятие. В 1898 году Чаштепе прошел траншеей известный в Туркестане археолог Остроумов, один из основателей Туркестанского кружка любителей археологии. В кружок входили некоторые из офицеров, и кто-то из них дал ему роту солдат для раскопок. Изрядно напортились нам эти раскопки. Срезали стену, не заметив кирпичную кладку. Что делать, в ту пору археология часто сводилась к кладочислительству, к поискам сокровищ — золота, серебра, драгоценностей. А вот они, сокровища...

И снова прикасаемся он к стене, которую соорудили лет примерно на сто, а то и на двести раньше римского Коллизея. «Наука, вооруженная лопатой» — так иногда называют археологию. Но лопата на практике часто оказывается малоделikatным инструментом. Я видел, как ножом ковыряла и гладила щеточкой землю девушка в майке с надписью «ССО «Искатель». И под ее рукой возникали очертания кирпичного пола какого-то из помещений древнего городища. Здесь, на раскопках в Чаштепе, работает студенческий строительный отряд Ташкентского государственного университета, парни и девушки с физического факультета. Физика и археология?

Я спросил девушку, почему она здесь. Она подняла голову:

— Ведь это же так интересно. Здесь столько неразгаданных тайн...

— Действительно, много неясного, — подтверждает Грицина. — Вот, например, в одном из помещений нашли груды камней — вроде бульжников. В здешних местах такие камни не встречаются. Мы предполагаем, что это был своего рода арсенал, а камни — средство обороны. Так ли это? А вот здесь нашли пепел и зерно. Почему они оказа-

лись в храме? Ритуальное назначение? Вопросы, вопросы...

В статье, опубликованной в «Ташкентской правде», я прочитал:

«...В курганах скрыта целая эпоха в истории народа, причем самая сложная и наименее изученная. Между тем в настоящее время в связи с освоением новых земель многие холмы распахиваются при планировке полей, а культурные ценности, скрытые в них, бесследно пропадают для науки. На наш взгляд, чтобы предотвратить это, все курганы необходимо взять под такую же строгую охрану, как и крупные древние города или монументальные архитектурные ансамбли».

Городище в Чаштепе станет музеем — это уже решено. Но сколько еще впереди ожидаемых и неожиданных находок в безмолвных и таинственных курганах оазиса...

Поиск продолжается.

Какой он, Ташкент, шагнувший в третье тысячелетие своей истории?

На этот вопрос — множество ответов. Ташкент — это динамика XX века и очарование традиций. Это эlegantная геометрия современной архитектуры, она сегодня определяет лицо города, и традиционный бирюзовый цвет, в котором воплотилась мечта народа о воде. «Не спрашивай, сколько у меня земли, спроси, сколько у меня воды» — говорят на Востоке. Бирюзовый цвет — в орнаменте древней медресе Кукельдаш и на фасадах новых зданий. И еще одна примета Ташкента: солнцезащитные решетки «панджара» — их изобрели древние мастера, еще до Тимура, а сегодня поставили на конвейер домостроительных комбинатов.

Ташкент — это каскады фонтанов, возле них в сорокаградусную жару на пять — семь градусов прохладнее. Это дворы, где солнце светит сквозь виноградные гроздья, это скверы, где найдут свою пиалу чая старики, свой сказочный уголок для игр дети, свою скамейку влюбленные. Ташкент — это дымок шашлыка и аромат плова, это перестук бубнов, рев карнава и лихое подвывание транзисторов, это великолепие базаров, горы пузатых арбузов и стройные золотистых дынь, вкуснее которых нет ничего на свете. Ташкентец выбирает дыню, как невесту... Ах, ташкентские базары! Что острее — перец, который здесь продают, или слово, которое здесь услышишь?

Любой из наших городов без ошибки назовешь городом книги. И Ташкент, конечно, не исключение. На книжных полках в ташкентских домах рядом с томиком Навои и Хайяма — книги Толстого и Бальзака, Хемингуэя и Брехта, Маяковского и Шолохова. Ташкент дал своим улицам имена Лермонтова и Руставели, Шевченко и Садритдина Айни. По-узбекски заговорили принц Гамлет и Егор Бульчев. Ну, а на всесоюзной да и на всемирной «книжной полке» — романы, повести, стихи литераторов Узбекистана.

У добрых традиций — бесконечная жизнь. Одна из таких традиций — праздник «мушоира», состязание поэтов. Вместе с узбекскими поэтами в нем участвуют поэты из братских республик. Я в прошлый приезд был на таком празднике. «Мушоира» посвящалась Пушкину и проходила на площади его имени, возле памятника, созданного, как в Ленинграде, Михаилом Аникушиным...

Человек себя уютно чувствует на улицах этого города, он не торопится укрыться за стенами собственной квартиры, отгородиться от других. Не удивляйтесь, если, узнав в вас гостя, незнакомый человек скажет «салам алейкум». Люди здесь приветливы и доброжелательны.

Александр Неверов назвал Ташкент «городом хлебным». А Анна Ахматова написала: «В Ташкенте я поняла, что такое плеск воды в зной и что такое человеческая доброта в трудную и горькую минуту».

Она была здесь в войну.

Ташкент дал свое имя трактору и сортам хлопка, совхозу в Нечерноземье, океанскому теплоходу и улице в Дели. Ее называли «улицей Ташкента» в память о миссии доброй воли, которую выполнила наша страна. На всех континентах в 1966 году с удовлетворением восприняли «Ташкентское рукопожатие», прекратившее военные действия между Индией и Пакистаном. «Дух Ташкента» — это понятие вошло тогда в международный лексикон.

«Ташкент — город мирный»... «Ташкент — город дружбы»... Это из заголовков мировой печати.

Он приветствовал на своей земле многих выдающихся политических и государственных деятелей современности. Его гостями были президенты и монархи, депутаты парламентов и мэры городов. Здесь проходят конференции писателей стран Азии, Африки и Латинской Америки, международные кинофестивали. В ташкентских вузах слушают лекции студенты из 20 стран мира.

Вспомним: до Октябрьской революции грамотность в здешних местах не превышала 2 процентов. Граф Пален, царский ревизор, посетивший в 1911 году Среднюю Азию, писал: «Если дело дальше так пойдет, то для достижения краем европейского уровня образования ему понадобится 1600 лет». А вот подсчет журнала «Вестник воспитания», выходявшего в те годы: чтобы покончить с неграмотностью в Средней Азии, свидетельствовал журнал, потребуется 4500 лет, или 45 веков!

Потребовалось два десятилетия. Советских.

Сегодняшний Ташкент — это 19 вузов, 35 техникумов, 57 ПТУ, 250 школ.

...Нахожу в старом блокноте записи о встрече с Иларией Алексеевной Райковой, профессором-биологом, заслуженным деятелем науки. В 1920 году юная выпускница Бестужевских курсов отправилась в Ташкент. Она показывала мне снимок, сделанный той зимой: группа мужчин и женщин возле железнодорожного вагона. Почти два месяца по местам недавних боев шел из Москвы поезд № 159, который позднее историки назовут «Поездом науки». Пассажиры — московские и петроградские ученые. Багаж — книги. Предстояло выполнить задание Ленина: создать первый в Средней Азии университет. В документах было написано: «командировка». Командировка оказалась длиною в жизнь...

Ленинский «Поезд науки» — это было начало. Сегодня в Ташкентском государственном университете имени В. И. Ленина — четырнадцать факультетов и сто четырнадцать кафедр. Многие из них возглавляют выпускники ТашГУ — профессора, академики, ученые с мировым именем. В Узбекской ССР работает сейчас специалистов с высшим и средним образованием больше, чем в народном хозяйстве всего

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана

Журавли

*Журавлей, журавлей
Много ль в небе Родины...
Средь лесов, средь полей
И дорог, что пройдены.
Самолеты. Огни. Годы наши дымные...
Что курльчут они, стаи журавлиные?
Пролетают вдали сизые, торопятся.
Журавли, журавли скоро ли воротятся...
Я не стал журавлем
Той порою грозною.
Перебитым крылом
Бью о землю мерзлую.
И взлетаю, лачу, над ночной долиною.
И догнать все хочу стаю журавлиную.
Я узнаю их всех — журавлей-товарищей,
Мне б прорваться сквозь снег,
В сто огней пылающий.*

Советского Союза в конце двадцатых годов. Среди научных работников — больше 10 тысяч женщин. Две с половиной тысячи женщин Узбекистана — доктора и кандидаты наук.

Перечитываю записанное в один из прошлых приездов в Ташкент размышление академика Абида Садыкова, Героя Социалистического Труда, президента Академии наук Узбекистана: «Знаете, в чем счастье ученого? На заре своего пути встретить достойных учителей. Мы их нашли. Иногда спрашивают: что они создали и открыли? Они создали и открыли нас, узбекских ученых»...

Коробочка хлопка — и в гербе республики и в жизни каждого из ее людей.

В канун 1923 года «Туркестанская правда» писала: «Мы получим 50 тысяч тонн и пойдем к 500 тысячам... Мы уже всерьез бредим миллионом». Сегодня Узбекистан собирает две трети советского хлопка — шесть миллионов тонн. Представьте, что это такое, если одна коробочка весит три с половиной грамма...

Сам Ташкент хлопок на своих скверах и бульварах, конечно, не выращивает — но разве был бы большой хлопок без Ташкента? В столице Узбекистана — мозговой центр и генеральный штаб науки и практики хлопководства. Здесь кузница кадров — у большинства знаменитых ирригаторов дипломы ташкентских вузов и техникумов. Ученые Всесоюзного института хлопководства — он находится в Ташкенте — победили страшную болезнь хлопка «вилдья» — примерно то же, что рак для человека. Свободны от этой болезни, избавлены от нее лучшие сорта, созданные в лабораториях и на опытных полях Ташкента.

Поэмы и докторские диссертации в Узбекистане посвящают воде. Любый день и любое столетие в жизни узбекского народа — это борьба за воду. Великая вежа, от которой идет отсчет новой истории здешней земли — кремлевский декрет 1918 года об оросительных работах в Туркестане. Под ним стоит подпись: В. Ульянов (Ленин). Сегодня нигде в мире не существует такой мощной и такой эффективной ирригационной системы, как в республике.

В горах начинается путь ташкентской воды. Без нее нет хлеба и нет хлопка, нет стали и нет машины, нет цветов и нет бетона.

...Высота — четыре тысячи метров над уровнем моря. Зимой — свирепая пурга, туманы, лавины. Нет никаких средств пробиться туда в непогоду — вертолет оказывается бессильным. И все же двенадцать месяцев в году ташкентские ученые несут там вахту, держат руку на пульсе ледников. Чтобы заранее предупредить о неожиданностях. Чтобы были хлеб и хлопок, машины и сталь, бетон и цветы.

Мне довелось побывать в Ташкенте

на международном симпозиуме, организованном Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Государственным комитетом СССР по науке и технике. Он назывался «Борьба с опустыниванием путем комплексного развития». Опустынивание? Слово это пока еще не прижилось на страницах «большой прессы», хотя, как ни печально, к нему придется привыкнуть. И, увы, надолго.

Задумаемся над такими цифрами... Согласно данным ООН, площадь антропогенных, или, проще говоря, возникших в результате неразумной человеческой деятельности пустынь составляет 9,1 миллиона квадратных километров. На этой площади проживает около 400 миллионов человек, то есть 12,8 процента населения мира. И площадь эта неуклонно и зловеще расширяется. Сахара движется на юг со скоростью от 10 до 50 километров в год. Ежегодно африканцы теряют полтора миллиона га — площадь, равную Ямайке. Каждое десятилетие — площадь Чехословакии. Бывший Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм предупреждал: «Не пройдет и 50 лет, как наступление пустынь может совершенно стереть с карты Африки три или четыре страны». И под угрозой не только Африка.

На земном шаре немало уголков, где дремлют, утонув в песках, величественные развалины — остатки дворцов и храмов, воздвигнутых во времена, когда были цветущими эти края. Известно, что страны Северной Африки были житницей Римской империи. А как обстоит дело сегодня? 96 процентов территории Египта — пустыня. Половину своих пахотных земель потерял Тунис. Участники космического полета «Союз» — «Аполлон» наблюдали гряды мигрирующих песков на огромном протяжении в районах Ливии, Судана, они тянутся до озера Чад.

А в ташкентских парках и скверах журчали струи миниатюрных фонтанчиков, деревья бросали густую тень, словно напоминая, что и такой может быть земля, отвоеванная у пустыни, — она ведь рядом, буквально у порога города, пустыня. Но не она наступает на Ташкентский оазис — хлопковые поля и фруктовые сады шаг за шагом, гектар за гектаром продвигаются туда, где еще вчера были пески.

В Советском Союзе около одной пятой территории занимают пустыни и полупустыни. На этих территориях живет не менее одной пятой населения нашей страны. Участников симпозиума познакомили с реальными достижениями в борьбе против опустынивания. Им никто, естественно, не предлагал некий универсальный эликсир, с помощью которого невозможное становится возможным, — в докладах узбекских ученых и других советских участников речь шла об экономических и социальных предпосылках и условиях решения экологических проблем, о проектах, реализованных или реализуемых в Голодной степи, в Каршинской степи, о дискуссии по смелым и спорным идеям. Участникам симпозиума был подробно, детально, по-деловому представлен советский опыт комплексного аграрно-индустриального освоения засушливых районов. Откровенно говорилось и о плюсах и о минусах, не только о победах, но и о проблемах и просчетах — ведь не для фанфарных ликований был создан симпозиум.

Ташкент учит. Ташкент учится.

Вероятно, было бы безрассудно в каждом узбеке искать черты несравненного Ходжи Насреддина. И все же... Лукавый и озорной юмор, смею утверждать, непременная особенность узбекского характера. Если в ташкентском автобусе вместо грозных предупреждений о карах, ожидающих безбилетного пассажира, читаешь слова «Плата за проезд: с билетом — 5 копеек, без билета — 5 рублей», то понимаешь, что написать это мог только человек, чувства юмора не лишенный.

...О встрече с первым секретарем Ташкентского горкома комсомола Саиб-

джаном Алиевым мы договаривались, когда рабочий день давно кончился. «Ничего, что так поздно?» — спросил я. — Дома, наверное, ждуть? — Барашек хочет жить, мясник хочет мяса, — весело ответила телефонная трубка старой узбекской посылочницей. — У вас же дело, и оно должно быть сделано...

Быстрый, подвижный, с живыми глазами, легко взрывающийся шуткой, Саибджан четко и точно рассказывал о том, чем определяется сегодня жизнь Ташкента и его комсомоли. По образованию он инженер-автомобилист, из первого выпуска Ташкентского автомобильного, младшего брата Московского автомобильного института. Диплом № 2 получил в семьдесят третьем году.

— Город у нас молодежный, — говорил Саибджан. — Ну, и понятно, что нет таких городских проблем, которые комсомола не касались бы напрямую...

Саибджан посвятил меня и в маршруты «семестра в рабочей спецовке», которые прошли студенческие стройотряды ташкентских вузов, и о том сообщил, как комсомол города участвует в реконструкции старых заслуженных предприятий, и интересно рассуждал о проблемах ташкентской «махаля» — своего рода микрорайонной общины, традиционной сложившейся в давние времена и логично вписавшейся во времена сегодняшние. Упомянул и о том, как в парке Ленинского комсомола пустили простоявшую бог весть сколько детскую железную дорогу, и как сказочный городок для ребят построили, и о комсомольско-молодежном кинотеатре «Искра» рассказывал, где организуются после сеанса дискуссии с деятелями искусства, и о комплексе магазинов «Малыш», «Пионер», «Юный техник», находящемся под шефством комсомола города, и об операции «Забота» — о помощи ветеранов войны и труда, и о 70 юбилейных объектах к 2000-летию Ташкента — от памятной стелы до жилых домов, — ответственность за которые взял на себя городской комсомол. И о многом, многом другом.

Я записал в блокнот новые адреса, появившиеся за время, пока не был в Ташкенте. Дворец дружбы народов... Мемориальный комплекс «Скорбящая мать», посвященный солдатам, которых не сумели спасти в военных госпиталях Ташкента... Новые станции метро: «Навои», «Узбекистанская», «Проспект Космонавтов», «Айбек», «Ташкент»... Дворец пионеров и школьников...

По этому адресу я и отправился следующим утром.

Просторно, размашисто построенное здание с легким намеком на стилистику и линии национальной архитектуры. В нем было свежо и прохладно — даже не верилось, что за дверями несуетное пекло.

Мухабат Ширбуатаева, методист пионерского сектора, стройная, изящная, большеглазая, с ослепительной улыбкой девушка сообщила, что во Дворце сейчас работают 240 кружков, занимаются в них больше 7 тысяч ташкентских детей.

Мы постояли в Ленинском кабинете возле тематической карты «Имя Ленина на карте Узбекистана». Там помечены колхозы, совхозы, библиотеки, заводы, два города — Ленинск Андижанской области и Ульяновово Джизакской области. Побывали в Зале космонавтики с действующим тренажером и пультом управления полетом, с портретами космонавтов и автографами тех из них, кто побывал здесь: Джанибеков, Иванченков, Жан-Луи Кретьен...

Посмотрели стенды, на которых представлены работы кружка национальной вышивки — нарядные тубетейки разных фасонов и рисунков, с узором ташкентским, кокандским, самаркандским, пестрые сюзаны — декоративные коврики со своеобразным орнаментом... Читали объявления Клуба интернациональной дружбы, организовавшего Ярмарку солидарности: работы кружковцев продавались, а вырученные средства были переданы в Советский фонд мира.

А потом мы прошли в Музей боевой славы. Реликвии Панфиловской дивизии... Портреты тех, кто занимался в кружках Дворца пионеров до войны — он был открыт еще в 1935 году. В сорок первом кружковцы ушли на фронт. Многие не вернулись. Юрий Ивлеев еще в детстве «заболел» небом, ходил в авиамодельный кружок потом в аэроклуб. С первых дней войны, после окончания Чкаловского летного училища, на фронте. Сражался в небе Москвы, Украины, Белоруссии, летал на Берлин. Осенью сорок четвертого стал Героем Советского Союза. Капитан Ивлеев погиб, повторил подвиг капитана Гастелло... Айтуган Саматов посещал музыкальный кружок, руководил пионерским шумовым оркестром. С сорок второго на фронте, минометчик. Погиб смертью храбрых в битве за Орел в феврале сорок третьего... Рафаил Петросов занимался в математическом кружке, с 22 июня сорок первого — на фронте, разведчик. 26 августа погиб в рукопашном бою на лесной поляне... Михаил Меш, гордость секции бокса Дворца пионеров. Стал чемпионом Узбекистана в наилегчайшем весе. Воевал смело и отчаянно. Погиб летом сорок второго...

Каждый, кто сегодня записывается в кружки и секции Дворца пионеров, приходит сюда. Потому что есть такое, чего нельзя не помнить, что невозможно забыть...

Ташкент не знал, что такое разрушения, принесенные войной. Он был разрушен в мирное время — стихией, человеку не подвластной.

Утреннее сообщение ТАСС, прозвучавшее по Всесоюзному радио, было весьма тревожным. 26 апреля 1966 года, в 5 часов 23 минуты по местному времени, в Ташкенте произошло сильное землетрясение... Разрушено значительное количество жилых домов, больницы, школы, здания государственных и общественных учреждений, серьезно пострадал ряд предприятий... Имеются человеческие жертвы...

Лаконизм сообщения лишь усиливал всеобщее беспокойство: ведь заканчивалось оно информацией о том, что на место землетрясения вылетели Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР.

Вернемся мыслью и памятью к той поре, когда вся страна разделила беду Ташкента, жила его жизнью — потому что всегда жизнью страны жил Ташкент...

Со всех концов Союза в израненный город шли эшелоны с машинами, стройматериалами, оборудованием. Псылали недельную зарплату коллективы уральских заводов и скомканые рублевки школьники Ленинграда и Киева. Ехали добровольцы-строители, чтобы помочь поднять город из руин...

Я отправился к давним друзьям, на студию документальных фильмов Узбекистана. Попросил достать из архива фильм «Ташкент, землетрясение», над которым вместе работали в те дни и месяцы. Да, в дни и месяцы, ведь подземные толчки продолжались больше года, и было их свыше тысячи. Не забуду странного ощущения, когда держатся или плывет, словно корабельная палуба, земля под ногами...

Рядом со мной сидел в просмотровом зале директор студии Турды Надыров, заслуженный деятель искусств республики, лауреат Государственной премии СССР, полученной за трудный, правдивый и умный фильм об Афганистане. В шестьдесят шестом Турды был совсем молодым оператором, еще не обзавелся сединами, лишними килограммами и административной ответственностью. Многие кадры, проходившие перед глазами, снимал он. Другие снимали его товарищи: все лучшие операторы-документалисты Узбекистана не выпускали тогда из рук камеру.

Кинохроникеров не назовешь баловнями судьбы. Палящий зной или проливной дождь — они снимают. Днем,

Ты, воjak, не гони,
Перелеты — длинные...
Что курлычат они, стая журавлиные?
Ждут весны, ждут любви.
Ждут зари особенной.
Журавли, журавли
Пусть летят над Родиной.

Береза Подмосковья

Целый месяц береза
глядит мне в окно —
Подмосковной той осени суше чудо.
«Ты куда?» —

будто мне повторяет давно,
Будто мне говорит невзначай:

«Ты откуда?»
Вижу я: от ее золотого ствола
Льет свет мне в окно...
И однажды спросил я:
«Отчего ты, береза, и ночью светла?»
«Оттого, что душа у меня —
вся Россия!»

ночью... Есть, однако, в их беспокойной профессии нечто такое, что щедро вознаграждает за часы, годы, десятилетия труда. Это кадры, которые сохраняют будущим поколениям портрет эпохи. Не всегда можно предсказать, как впишется в историю страны и народа снятый кадр. Но если факт, эпизод, событие увидены равнодушным взглядом и сняты равнодушной рукой, то такие

**БОГАТСТВО ЗЕМЛИ.
ГОРОДСКОЙ СЮЖЕТ.**

**ДОБРОЕ ТАИНСТВО ИСКУССТВА.
НОВОЙ ТАШКЕНТСКОЙ ТЕЛЕБАШНЕ НЕ СТРАШНО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ЛЮБОЙ СИЛЫ.
УЗБЕКСКИЙ ПЛОВ—ЭТО НЕ ЕДА. ЭТО — ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА.**

кадры становятся историческим документом. Как выглядел тот день, и какой была тогда жизнь? Люди будущего получили бы не полный ответ на эти вопросы, если бы не обратились к кинохронике, к кадрам, которые снимаются сегодня.

На экране пробежали кадры, снятые в шестьдесят шестом, когда стихия приговорила Ташкент к гибели, а люди отметили этот приговор.

Остановившиеся уличные часы: стрелки застыли на времени 5.23... Девочка с потерянным взглядом бродит между развалинами... Увозят раненых... Танки штурмуют стены полуразрушенных домов—эти стены могли стать убийцами... Лицо старухи, все в паутине морщин, как такыр в пустыне, она плачет, покидая рухнувший дом, где прожила всю жизнь... И—мощная, жизнерадостная симфония гигантской стройки...

Лес кранов... Энергия молодости — ведь строила новый Ташкент в основном молодежь... «Всесоюзная архитектурная мастерская»... Склонились над листами ватмана архитекторы, приехавшие из Москвы и Таллина, Тбилиси и Новосибирска... На фасадах домов — адреса строителей: «Ленинград», «Рига», «Харьков»...

В начале 1969 года Ташкент отпраздновал 100-тысячное новоселье. А в 1976 году был подведен предварительный, так сказать, итог: за десятилетие построено столько же, сколько за два тысячелетия предыдущей истории!

Ташкент — стране, страна — Ташкенту...

На строительстве ташкентского метро — седьмого в Советском Союзе, задуманного тогда, после землетрясения, — побывал руководитель Коммунистической партии Уругвая Родней Арименди. Я видел, как ему показывал новые станции управляющий трестом «Ташметрострой» Павел Васильевич Семенов. И пояснял, что здесь работают монтажники из Москвы, сварщики из Грузии, мастера резьбы по камню из Эстонии, что в Мытищах изготовили вагоны для ташкентского метро, в

«НЕ СПРАШИВАЙ, СКОЛЬКО У МЕНЯ ЗЕМЛИ. СПРОСИ, СКОЛЬКО У МЕНЯ ВОДЫ». ТАШКЕНТУ В 1966 ГОДУ ШЕДРО ПОДАРИЛИ ВОДУ МОСКОВСКИЕ СТРОИТЕЛИ.

ЭТАЖИ 80-х ГОДОВ.

ОРНАМЕНТЫ ТЫСЯЧЕЛИТИЙ.

ВСТРЕЧА ПОКОЛЕНИЙ.

Минске — осветительную аппаратуру, в Риге — керамические декоративные украшения, а в Ленинграде обучали тех, кто поведет подземные поезда. Арименди кивал головой, улыбался, чувствовалось, что он заметно взволнован тем, что услышал. «Удивительный мир, — сказал он в интервью. — Мир добра и братства».

— Мы сейчас проводили отряд ташкентских метростроителей в Москву — путейцев, отделочников. Помогаем столице быстрее получить новые линии метро, — сообщил Павел Васильевич, в гостях у которого я побывал. — Ну, а до этого ташкентцы уже участвовали в строительстве первой линии в Ереване, начинали строительство метро в Новосибирске...

Когда-то ивановские текстильщицы обучали женщин-узбечек работе на сложных ткацких станках. А сегодня в Ивановской области узбекские виртуозы мелиорации помогают превращать непроходимые болота в гектары пашни. В Новгородской области на осушенных землях возник совхоз «Ташкентский», современный агрогород, специализация которого — производство животноводческой продукции и овощей. Комсомол Узбекистана, комсомол Ташкента при-

дирчиво отбирал лучших из лучших в ударные отряды.

Участникам «трудового десанта» из жаркого Узбекистана было непросто в непривычные жгучие морозы. Но работа делалась. И делалась отлично.

Я вспомнил, как сидел с молодыми ребятами из России и Узбекистана там, за общим столом, поставленным в поле, в этом краю русских берез, и думал о другом времени, о грозном, военном, когда отцы этих ребят грудью защитили от врага Родину, в которую входят и Новгород и Ташкент.

В 1975 году, в канун 30-летия Победы, Ташкент принимал доставленные из России горсти залитой кровью земли и останки Неизвестного солдата, погибшего в сорок первом при обороне Москвы. Возле станции Луговая, где находилась его безымянная могила, на смерть стояли гвардейские части, сформированные в Узбекистане. И шелестели листвою березы над окопами и братскими могилами...

Вспыхнул на ташкентской площади имени В. И. Ленина Вечный огонь, и тысячи и тысячи ташкентцев принесли к священному мемориалу свой поклон и свою благодарность, и море цветов захлестнуло площадь.

Страна — с Ташкентом, Ташкент — со страной... Великая и мудрая неразрывность судеб. Не в ней ли — высшее счастье людей, городов, народов?

АЧТОУВАС?

ПРЫЖОК
В ПРОПАСТЬ

ТАЙНА
СТАРИННОЙ
БАШНИ

ДОМАШНИЕ
УНИВЕРСИТЕТЫ

САНИТАРЫ
В ПАНЦИРЯХ

из прошлого —
в будущее

МУЗЕЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СЛАВЫ

Принял первых посетителей Ровенский областной музей комсомольской славы. Множество экспонатов о героических делах молодежи Ровенщины собрали с помощью местных жителей штабы содействия организации музея, которые действовали при каждом райкоме комсомола.

В годы Великой Отечественной войны на территории Ровенской области сражались с оккупантами двадцать одна подпольная комсомольская организация и пять подпольных райкомов комсомола. Так что в материалах недостатка не было. Немало героев вырастила Ровенская земля. Среди них и уроженец села Вилия Острогского района Николай Островский. Музей открылся в дни празднования семисотлетия со времени основания города.

Леонтий МЫШКЕВИЧ

...ИНИЦИАТИВА!

«МАЛЫШ» — МАМА

Молодежь специализированного магазина «Малыш» из города Поронайска Сахалинской области расширила свои производственные обязанности. Продавщицы разыскали адреса многодетных матерей, живущих в городе, и отправились после работы к ним в гости: познакомиться и одновременно составить список необходимых в ближайшем будущем детских вещей.

Теперь каждая продавщица «Малыша», как только поступит в продажу нужный многодетным мамам товар, немедленно извещает об этом своих подшефных. Мамы довольны: от больших хлопот освободил их «Малыш».

Надежда ГОЛОВИНА

ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ

Мирный «Арсенал»

Давно позабыто на Брянском заводе «Арсенал» пушечное ремесло. Но в канун двухсотлетия завода вновь собрались на родном предприятии старые мастера. Решено было тряхнуть старинной и отлить в память о прошлом последнюю

На снимке: брянская пушка времен Бородинской битвы.

брянскую пушку — «чтобы не хуже суворовской!».

Первую пушку отлил здесь через год после основания завода крепостной мастер Данило Рыков. С тех пор под их гром ходили в атаку суворовские «чудобогатыри», сражались брянские пушки под Аустерлицем, на Березине, на Бородинском поле, на редутах и кораблях Севастополя. Некоторые из них навечно остались на легендарной Шипке...

В годы последней войны арсенальцы делали орудия для танков. Сейчас завод выпускает автогрейдеры, бульдозеры, ирригационные машины.

Но вот на заводском дворе, рядом с постаментом, на котором установлена башня с пушкой знаменитого «Т-34», встала навечно и «суворовская» пушка, отлитая старыми мастерами.

Сергей КУРИЦЫН.
Фото Петра НОВИКОВА

ПРИРОДА И МЫ

РАК В РЕКЕ

Ученые не исключают возможность введения для охотников за раками столь же строгих правил охоты, как и на ценные породы птиц и животных. Ведь давно было замечено, что в реках и водоемах, где живут раки, вода остается постоянно чистой, не подверженной гниению, а обитатели глубин меньше подвергаются различным заболеваниям. В Караганде специалисты-ихтиологи института «Казахрыбвод» устроили целый рачий питомник. Отсюда «подводных санитаров» рассылают по всей республике.

Евгений ЧЕРНОВ

ЗАГАДКИ ПРИРОДЫ

Чукотские эдельвейсы

На склонах хребта Черского, на скалах Охотского побережья и в горах западной Чукотки ботаникам Института биологических проблем Севера удалось обнаружить эдельвейсы, о существовании которых здесь до сего времени никто не подозревал.

Евгений ЧУГУНОВ

НАХОДКИ

ВСАДНИК ИЗ... СРЕДНИХ ВЕКОВ

...Камень, испещренный кривыми канавками, забитыми землей и глиной, обнаружили при раскопках подвального помещения башни Лукини де Флиско Лавани в Судакской крепости XV века, недалеко от Феодосии.

Когда археологи тща-

тельно промыли, почистили находку, четко проступил вырезанный на отшлифованной поверхности рисунок: воин на вздыбленном коне пронзает копьем дракона.

Археологам еще ни разу не удавалось обнаружить подобную вещь на территории средневекового Крыма. Кто автор барельефа, чей «почерк» донесла до нас находка: древневизантийский, италийский или... славянский?

Василий НАРЫЖНЫЙ.
Фото автора

СМЕЛЫЕ ЛЮДИ

НА ПАРАШЮТЕ С... ГОРЫ

Днем на центральной улице деревни Млета, что возле Крестового перевала на Военно-Грузинской дороге, собрался народ. Взоры всех были устремлены к одной точке. Там, на вершине горы, стоял человек и явно готовился к прыжку в пропасть.

Вот он чуть отступил назад от края пропасти, затем, сделав два шага вперед, с шестисотметровой высоты прыгнул вниз. Люди ахнули. Но внезапно будто сказочный яркий цветок распустился над смельчаком — это разноцветный парашют подхватил его... через некоторое время благополучно опустил на берег реки Белая Арагви.

Этим смельчаком, впервые в истории отечественного парашютного спорта совершившим

прыжок не с самолета, а с горы, стал житель Тбилиси, заслуженный мастер спорта Николай Урмаев. На его счету восемь тысяч официально зарегистрированных прыжков. Он единственный в мировом парашютном спорте человек, дважды побеждавший на чемпионатах мира.

Прыжок с горы сам Урмаев расценивает как экспериментальный. Ведь совершить подобный полет, кто знает, может, потребуются и горному туристу, альпинисту, спасателю... А может быть, в горных районах зародится со временем еще одна разновидность авиационно-парашютного спорта, как в свое время дельтапланеризм?

Галактион
ТАГАНШВИЛИ

ДОМАШНЕЕ
ХОЗЯЙСТВО

Учитесь жить!

Во Дворце культуры Московского автозавода имени Ленинского комсомола организован специальный университет экономики и управления домашним хозяйством. В программе занятий — лекции и практические занятия на темы: «Обстановка квартиры», «Вкусный обед», «Домашние ремесла», «Семейный праздник». Особенный интерес вызывает учебный день «А у нас гости». К автозаводцам приезжают продавцы ведущих московских магазинов, показывают товар лицом, консультируют.

Иван КАЗАКОВ

Дорогая редакция!

Пишут вам бывшие воспитанники детского дома № 1 города Буйнакск. Мы часто навещаем наш детдом и знаем обстановку, в которой живут там дети, лучше, чем кто-либо. Плохо там детям, очень плохо. Уже не раз обращались мы в местные организации, но результата нет.

А дело вот в чем. В начале 1982 года в здании детского дома обнаружился трещины. Детей сначала перевели в школу, что поблизости, а летом они выехали в пионерлагерь, который находится в лесу, в шести километрах от города. Дороги туда нет, размыта дождями. Дети жили в вагончиках до самой осени, ходили в школу и обратно. Наконец нашли другое помещение. Ремонтировать детдом не стали, а выдвинули старое здание. Снаружи у него вид нормальный, но внутри!.. Стены метровой толщины, в самое жаркое время там сыро и холодно. Комнаты темные, отопление печное, водоснабжения и канализации нет. Цветы на подоконниках гибнут от недостатка солнечного света, птицы в живом уголке задыхаются. Понятно, помещение это не предназначалось для детского дома, но сколько же может продолжаться такое временное житье?

В этом году исполняется 50 лет нашему детдому. Многие бывшие воспитанники соберутся в Буйнакске. И как же у нас болит сердце за детей! Мы сами уже взрослые, у каждого своя семья, имеем специальность, детей. Мы хотим, чтобы и нынешние воспитанники детдома, наши младшие братья и сестры, жили в нормальных условиях. Надеемся, что вы не оставите без внимания наше письмо.

ВИНИЧУК Анна,
ИСМАТУЛАЕВА Галина,
Махачкала.

Поднимаемся на перекошенное бетонное крыльцо. В полутемном коридоре эхом раздаются наши шаги и голоса. Дом пуст. В комнате на первом этаже от потолка до пола молниевидным изломом зияет трещина, в которую свободно проходит ладонь. Подобные картины и на стенах второго этажа.

Больно глядеть на оставленные в пустом здании предметы, вещи, которые были свидетелями лучших времен, когда под этими сводами звенели песни, смех, а каждый уголок прихорашивался старательными руками ребят. Теперь же в актовом зале одиноко пылится пианино. Рисунки в коридорах, в столовой воспринимаются как иронические усмешки потрескавшихся стен.

Как же случилось, что дети вынуждены были в срочном порядке покинуть дом на Беловецкой горке?

В Министерстве просвещения Дагестана есть довольно пухлая папка бумаг, связанных с этой историей. Сухие строчки документов достаточно четко проясняют дело.

Начнем с того, что строители не вручили администрации детского дома техническую документацию по строительству и эксплуатации здания. Вольты с передачей документации у них были свои причины: просто так легче спрятать недоделки, которые, впрочем, скоро из скрытых стали явными. Уже зимой 1976 года — поселились ребята в доме летом того же года — обнаружили: один из канализационных люков замурован так, что вода не стекает в общегородскую систему. Позже заметили другой изъян: одна из сторон водопроводного тройника, установленного в пищеблоке, не закрыта, как положено, наглухо. Вода просачивалась в подвал.

Но все это, как говорится, цветочки. Топосъемка, которую провели специалисты, дает основание предполагать, что здание посажено на несколько сан-

тиметров выше, чем предусмотрено проектом. Часть фундамента, таким образом, оказалась в насыпном слое. То есть дом в буквальном смысле построен на песке. Вода, проникая под фундамент, вымывала грунт — это и привело к осадке.

Без согласования с проектировщиками строители внесли «новшество»: обожженный глиняный кирпич заменили на силикатный. Вдобавок при кладке стен был использован некачественный раствор, который даже при легком смятии пальцами превращается в пыль. В условиях постоянной сейсмической опасности такая «рационализация» граничит с преступлением.

Так и рассказали в министерстве просвещения. Свои претензии строителям оно передало через прокуратуру, рассчитывая произвести реконструкцию детдома за счет бракоделов. Однако прокурор города Буйнакск прислал в Махачкалу ответ, в котором вина со строителей (генподрядчиком выступало СМУ-3 Буйнакск) фактически снимается. «Причиной осадки здания, — пишет прокурор, — является систематическое замачивание основания фундаментов водой из внешних и внутренних сантехнических сетей и атмосферной водой».

С этим ответом я не согласен, — горячо говорит министр просвещения Дагестана Х. Г. Магидов. Его мнение опирается не только на заключения специалистов. Министр, понимая, что речь идет о здании, в котором предстоит жить детям, лично лазил по подвалам детского дома, ощупывая плиты, трубы и другие коммуникации здания, и от его наметанного глаза не укрылась халтура, которую почему-то не заметил прокурор.

Как ни странно, но детдом был принят комиссией с оценкой «хорошо». Только для кого «хорошо»? Подписи представителя органов просвещения на акте нет.

Акт приемочной комиссии утвержден бывшим председателем Буйнакского горисполкома М. Рашидовым 29 декабря 1975 года. Уже само по себе это число вызывает определенные ассоциации. Конец года, горит план. В такое время иной раз притупляется бдительность самых строгих контролеров. А Рашидов своей властью не только покрыл бракоделов, но и потом, когда стало известно об осадке здания, не спешил с мерами по его укреплению.

Ускорить восстановительные работы просили и детдомовцы и минпрос республики. В ответ — упорное молчание. В прошлом году, сразу после октябрьских праздников, в Буйнакск выезжала инспектор министерства Н. Т. Офицеров. Вместе с директором детдома, заведующим горно и председателем попечительского совета, заместителем предгорисполкома Г. А. Абдуевой она была на приеме у Рашидова. Он (цитируем докладную записку Офицеровой) «в категорической форме отказался заниматься детским домом, ссылаясь на бессилие исполкома решать вопросы восстановления здания. Свое нежелание и отказ решать эти вопросы, — пишет далее Нинель Тимофеевна, — объяснял тем, что это «республиканское учреждение» (хотя детдом находится на местном бюджете, а здание — на балансе горисполкома), с обидой на руководство минпроса за то, что без его согласия воспитанники размещены в здании станции юных техников».

Нельзя без возмущения читать о действиях Рашидова. Одно утешает: человек, для которого детский дом всегда лишь «учреждение», больше не работает в городском Совете. В той же докладной инспектор министерства обращала внимание уже своего руководства на отсутствие элемен-

тарных условий для жизни детей в здании станции юных техников. Оставлять на зиму детей в этом помещении, справедливо замечала Офицеров, опасно: скученность, невозможность соблюдения санитарно-эпидемиологических требований осложняют режим жизни детей и вызывают тревогу за их жизнь и здоровье.

Тревога законная. Ведь в детские дома, как известно, попадают и физически ослабленные ребята. Такие есть и в Буйнакском детдоме. Одно мальчика, например, старшие ребята некоторое время носили в школу на руках, до того он был слаб. Так что воспитанникам нужно не только душевное, но и элементарное физическое тепло. И все же зимовать детям пришлось там, где «отсутствуют элементарные условия». Невероятно, но это, увы, факт. Только благодаря неусыпной заботе воспитателей никто из малышей серьезно не заболел: в журнале медосмотра зафиксирован всего один случай воспаления легких, но, к счастью, болезнь прошла без осложнений.

В разных кабинетах слышали мы влеречивые слова о любви к детям, о постоянном внимании к их нуждам, но, честно говоря, порой приходилось сомневаться в искренности этих слов. Любовь ведь доказывают не одним красноречием. Всего лишь этажом выше того полуподвала, где обедают дети, находится горно. Каждый день, приходя на работу, ответственные сотрудники видят бедственное житье воспитанников. Видят, но преспокойно проходят мимо — свыклись, наверно, с таким положением.

Минпрос Дагестана заключил со строителями договор на реконструкцию Буйнакского детского дома. Она намечена на 1983 год. Но совпадет ли желаемое с действительным? Ведь работы еще так и не начинались... Как нам сказали в Махачкале, и эту зиму ребяташкам придется, очевидно, жить в каком-нибудь другом здании.

А дети тем временем ждут. Чуть ли не хором они задавали нам два вопроса: «Когда мы вернемся в наш дом?» и «Правда ли, что нас хотят расформировать?» Второй вопрос порожден слухами, которые вызваны все той же затяжкой восстановительных работ. И в ответ на все свои вопросы детдомовцы слышат пока одни лишь обещания: не беспокойтесь, этими вопросами занимаются. (Как занимаются, читателю, видимо, уже ясно.)

Мы приехали в лагерь в середине июня, а ремонтные работы, как нам сказали, шли там с 10 мая. Но впечатлительное такое, что все только началось. Груда стройматериалов валялась на земле, трое мускулистых рабочих из местного РСУ не торопя укладывали шифер на крышу пищеблока. И почему-то самые дырявые листы положили прямо над электроплитой.

— Протекать же будет... — сказали мы им.

— Не будет, — невозмутимо ответили «мастера».

При таком темпе и качестве работ дело затянется еще на неопределенный срок. Откуда ждать помощи ребятам? Конечно, от шефов, от комсомола.

К нашему удивлению, в горьком комсомоле о трудностях с организацией

отдыха детдомовцев ничего не знали. — Нас никто не информировал, — оправдывался секретарь горкома Евгений Лопатников.

Неужели кто-то со стороны должен подказывать горкомовцам, чем они обязаны заниматься постоянно? Думая о судьбе Буйнакского детдома, невольно вспоминаешь время, когда на долю дагестанцев выпали тяжелые испытания. 14 мая 1970 года мощное землетрясение оставило без крова несколько тысяч человек. Буйнакск тогда особенно сильно пострадал.

В короткое время из районов бедствия в другие республики и области были вывезены тысячи детей, школьников. Им были созданы все условия для учебы и отдыха.

Не успели справиться с одной бедой — грянула другая. 10 января 1975 года подземные толчки вновь принесли разрушения в город. И опять, как к близкой родне, воспитанники детдома поехали на тверскую землю, в Вышний Волочек, где, как и прежде, нашли приют и гостеприимство.

И вот нынешний, 1983 год. Прямо скажем, беды Буйнакского детдома исходят не от стихийного бедствия, и обстановка нынче не так накалена, как в те тревожные дни. Но почему же сейчас остаются без должной заботы и внимания 130 ребяташек?

Дом, в котором они еще недавно жили, росли, учились, дал трещину. Не дала ли трещину и ответственность некоторых руководителей, причастных к решению возникшей проблемы с детдомом?

Неужто надо ждать еще одного землетрясения, чтобы наконец были приняты конкретные, действенные меры по созданию нормальных условий для жизни детей?

ПРАВДИЩИНА

Нина ГОГУЛИНА,
главный инспектор школ
Министерства просвещения РСФСР
Павел ЕМЕЛИН,
специальный корреспондент «Смены»

Естественно, что не реагировать на такое обращение к редакции мы не могли и поэтому немедленно выехали в Дагестан.

В Буйнакске, кроме перечисленных в письме, увидели мы и другие безрадостные детали ребячьего быта. Питаются дети в полуподвале, куда проникают грунтовые и дождевые воды. Узкие коридоры заставлены партами. В этой тесноте дети и занимаются, готовят уроки. Девочки-третьеклассницы спят в комнате, где по стенам развешаны знаки уличного движения, а на дверях красуется табличка «Автомобилист» — наследство станции юных техников, которая раньше размещалась в этом здании.

Побывали мы и в осиротевшем детском доме. Отсюда, с Беловецкой горки, виден почти весь Буйнакск, небольшой старинный город. Вдали над горами проплывала темно-синяя туча, готовая разразиться грозным дождем. Сильные ливни тут не редкость. Но если бы только ливни! А то нет-нет, да и услышишь сообщение о подземных толчках, эпицентр которых находится неподалеку от Буйнакск. Даты землетрясений здесь помнят, как день своего рождения.

И сразу приходится задуматься: а выдержит ли, случись беда, вот это серое кирпичное в два этажа здание, раскинувшееся по косогору?

тарных условий для жизни детей в здании станции юных техников. Оставляя на зиму детей в этом помещении, справедливо замечала Офицеров, опасно: скученность, невозможность соблюдения санитарно-эпидемиологических требований осложняют режим жизни детей и вызывают тревогу за их жизнь и здоровье.

Тревога законная. Ведь в детские дома, как известно, попадают и физически ослабленные ребята. Такие есть и в Буйнакском детдоме. Одно мальчика, например, старшие ребята некоторое время носили в школу на руках, до того он был слаб. Так что воспитанникам нужно не только душевное, но и элементарное физическое тепло. И все же зимовать детям пришлось там, где «отсутствуют элементарные условия». Невероятно, но это, увы, факт. Только благодаря неусыпной заботе воспитателей никто из малышей серьезно не заболел: в журнале медосмотра зафиксирован всего один случай воспаления легких, но, к счастью, болезнь прошла без осложнений.

В разных кабинетах слышали мы влеречивые слова о любви к детям, о постоянном внимании к их нуждам, но, честно говоря, порой приходилось сомневаться в искренности этих слов. Любовь ведь доказывают не одним красноречием. Всего лишь этажом выше того полуподвала, где обедают дети, находится горно. Каждый день, приходя на работу, ответственные сотрудники видят бедственное житье воспитанников. Видят, но преспокойно проходят мимо — свыклись, наверно, с таким положением.

Минпрос Дагестана заключил со строителями договор на реконструкцию Буйнакского детского дома. Она намечена на 1983 год. Но совпадет ли желаемое с действительным? Ведь работы еще так и не начинались... Как нам сказали в Махачкале, и эту зиму ребяташкам придется, очевидно, жить в каком-нибудь другом здании.

А дети тем временем ждут. Чуть ли не хором они задавали нам два вопроса: «Когда мы вернемся в наш дом?» и «Правда ли, что нас хотят расформировать?» Второй вопрос порожден слухами, которые вызваны все той же затяжкой восстановительных работ. И в ответ на все свои вопросы детдомовцы слышат пока одни лишь обещания: не беспокойтесь, этими вопросами занимаются. (Как занимаются, читателю, видимо, уже ясно.)

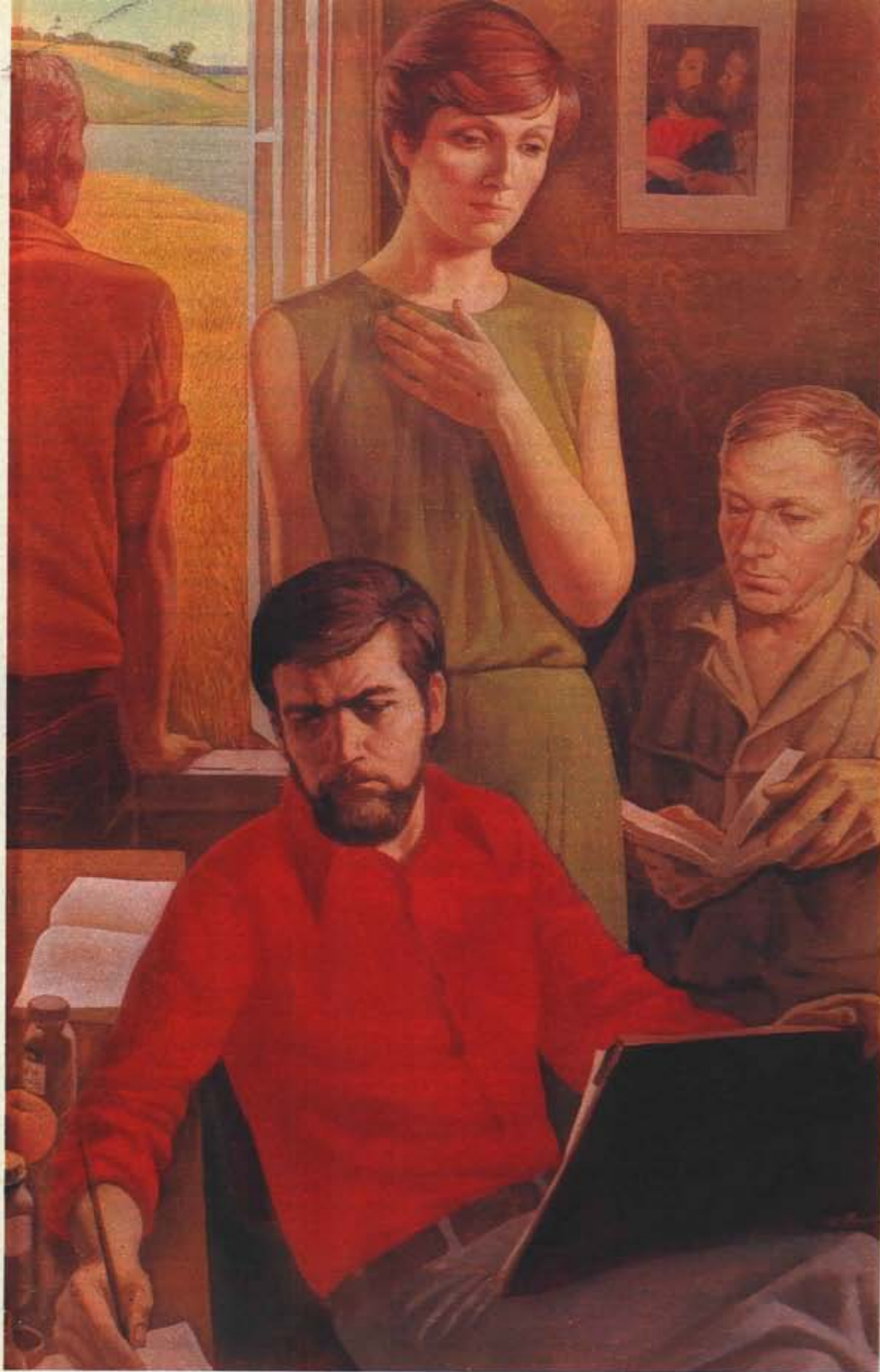
Мы приехали в лагерь в середине июня, а ремонтные работы, как нам сказали, шли там с 10 мая. Но впечатлительное такое, что все только началось. Груда стройматериалов валялась на земле, трое мускулистых рабочих из местного РСУ не торопя укладывали шифер на крышу пищеблока. И почему-то самые дырявые листы положили прямо над электроплитой.

— Протекать же будет... — сказали мы им.

— Не будет, — невозмутимо ответили «мастера».

При таком темпе и качестве работ дело затянется еще на неопределенный срок. Откуда ждать помощи ребятам? Конечно, от шефов, от комсомола.

К нашему удивлению, в горьком комсомоле о трудностях с организацией

Человек жив, пока жива память о нем, о его творчестве, его делах. А жизнь памяти зависит от тех, кто остается на земле. О художнике Юрии Михайловиче Ракше (1937—1980) мне хочется говорить постоянно, хочется вспоминать, рассказывать. Для книги о нем я собираю воспоминания современников. Но лучше всего говорит за себя он сам, его произведения, его письма и дневники. Мы прожили вместе долгую и интересную жизнь: с юных романтических лет нашего вгиковского студенчества (Юра учился на художественном факультете, я — на сценарном) до поры его творческой зрелости, его взлета, почти двадцать лет. До момента его безвременной смерти.

В нашей жизни было много прекрасного и поучительного, она всегда была заполнена делами, планами, движением. Часто бывало трудно материально, особенно в молодости. Жили на две стипендии, приходилось подрабатывать. Но не унывали никогда. Юрий был мягким, добрым, остроумным человеком. В нем сочетались нежность и мужество, умение видеть суть людей и событий; самодисциплина, аналитичность и в то же время способность увлекаться, шалить, восторгаться. Он постоянно рисовал для журналов, а иногда разгружал вагоны на станции Москва-Сортировочная. Было и такое. Ведь у нас уже в 1965 году родилась дочь Аня.

Потом он работал на «Мосфильме», отдал студии пятнадцать лет жизни. Был главным художником-постановщиком таких картин, как «Время — вперед!», «Дерсу Узала», «Восхождение» и др. Работал с режиссерами М. Швейцером, Акирой Курасовой, Ларисой Шепитько. Но при всем этом он всегда, постоянно занимался живописью. Это было его любимым делом, его песней. Такие его полотна, как «Моя мама», «Современники», «Разговор о будущем», «Рожденным жить», «Продолжение», стали широко известны не только у нас в стране, но и за рубежом.

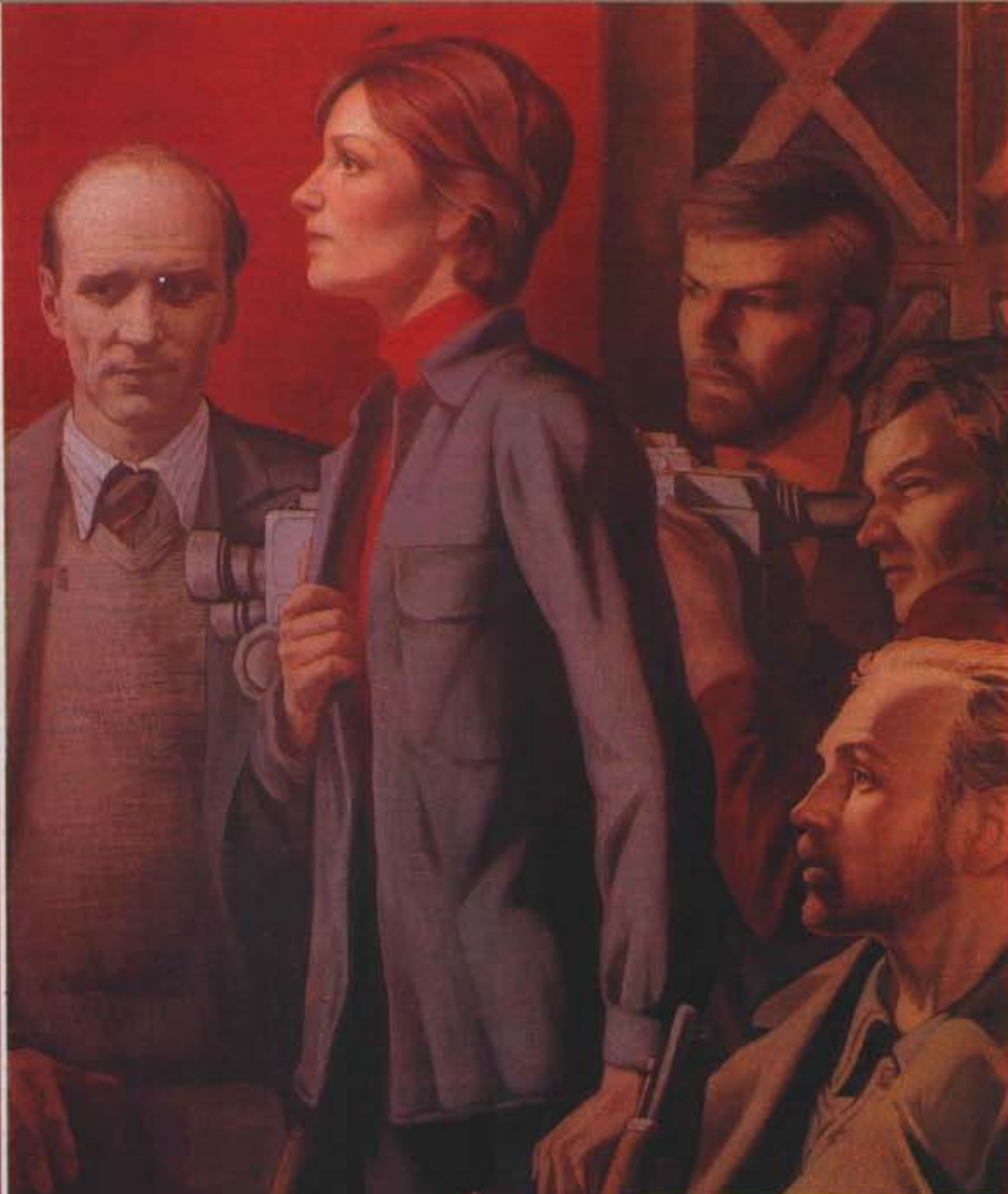
Он был человеком необычайной скромности и убежденности. Его биография типична для нашего поколения, чье детство было опалено войной. Родился Юрий на окраине Уфы в рабочей семье. В пятнадцать лет с фанерным чемоданчиком, купив на последние деньги билет, приехал в Москву, поступил в художественную школу при институте имени Сурикова, которую окончил с медалью. Затем ВГИК. Семья. Работа на «Мосфильме» и живопись, живопись, живопись. Он всегда считал себя человеком счастливым. «Долгая, счастливая жизнь» — дал он название одной из статей. К великому горю, он прожил неполных 43 года.

Но долго ли это или коротко, судить не мне. Думаю, человека судят по делам, по итогу его жизни. За отведенные Юрию судьбой годы он написал около 150 живописных полотен, был художником-постановщиком 15 кинофильмов, проиллюстрировал более 20 книг, сделал множество акварельных и графических работ, как станковых, так и прикладных.

Последним и самым крупным произведением Юрия Ракши стал триптих «Поле Куликово», над которым он работал, будучи уже смертельно больным. Но именно работа давала ему силы. Он спешил, боялся, что не успеет окончить. Но он успел. В день его смерти, утром 1 сентября 1980 года, его картина с еще не просохшими свежими красками поплыла над городом, как гордый символ Победы и Жизни, — с балкона 17-го этажа, из мастерской полотно бережно передавали из рук в руки, с этажа на этаж, вниз, где уже ждали, чтобы отвезти его на выставку в Третьяковку.

Сегодня я представляю читателям журнала «Смена» некоторые страницы из дневников Юрия Михайловича, относящиеся к последнему периоду жизни.

Ирина РАКША

ИСКУССТВУ ПОДВЛАСТНО...

В живописном триптихе Юрия Ракши «Кино» запечатлены три основных момента в работе над фильмом «Восхождение». Во всех трех частях главная героиня — режиссер Лариса Шепитько, выпускница ВГИКа, товарищ и соратник Юрия.

«Поиск», левая часть триптиха, посвящена подготовительному периоду, написанию сценария, эскизов к будущему фильму, поиску пластического решения. На полотне (сидят): художник-постановщик фильма Ю. Ракша и писатель Василь Быков, автор повести «Сотников», по которой был написан сценарий фильма.

«Работа» — так названа правая часть триптиха. Идет съемка. На съемочной площадке ответственный момент, у камеры — создатели фильма. Актер А. Солоницын, художник Ю. Ракша (стоит). У камеры — кинооператор В. Чухнов; актер А. Плотников — исполнитель главной роли (сидит).

Центральная часть — «Премьера». Сейчас снятый фильм предстанет на суд первых зрителей. На сцене — Л. Шепитько. Ее представляет режиссер Э. Климов.

«В Ларисе я встретил человека, верящего в материал, в его правду», писал в одной из своих статей Юрий Ракша. — Сама драматургия Васила Быкова объединила нас тогда, сделала единомышленниками. Больше того, драматургия выращивала и наших героев и нас самих, создателей фильма его.

Работая над триптихом, художник не знал, что через год шестеро героев его картины погибнут в автомобильной катастрофе по пути на съемку, а он сам переживет своих друзей всего на год.

Юрий РАКША

ИЗ ДНЕВНИКОВ

1970 г.

Мысль или чувство? Система или наитие? Цвет или композиция? Рисунок или построение, организация плоскости? Вот некоторые из непростых вопросов, возникающих у меня ежедневно. И все же с высоты своего опыта скажу: первично чувство — посыл, — которое, повторяясь, не обманывает, в процессе творчества оно дает блаженство, приоткрывает занавес истины. Главное же то, что стоит над пластическими задачами, — это мысль. Мысль — это человек. Человек — это я и люди вокруг, характеры, лица, пропущенные сквозь меня и ставшие частью меня. И вот возникает пространственное видение картины. От

того, насколько замысел человечнее (ближе мне по людям), зависит его значимость и близость мне. А от этого зависит степень его ясности, конкретизации, наполнения. Фантазия — чудесная сестра конкретности. Без нее конкретность будет мелка и безлика. Отбор — главный механик в конструкции картины. И опять-таки впереди всех конструкций и пластических схем — Человек, его глаза, руки, улыбка, сочетание, единение людей.

1971 г.

Любить свое дело — этого слишком мало. Мы предполагаем это. Да и любят дело свое по-разному. Некоторые любят больше себя в деле. А творящий человек должен не упиваться своей значительностью, не противопоставлять себя «толпе», а знать и помнить, что он — человек, «впитывающий» людей именно для того, чтобы вернуть им свои впечатления. Должен знать, что он

слит с ними и тогда, когда воспринимает мир, и в лучшие моменты своего творчества — в моменты вдохновения, которые, как я считаю, есть наивысшее проявление единства художника и зрителя...

Вдохновение — это состояние творчества, когда ты чувствуешь, что разговариваешь с человечеством.

1971 г.

Искусство должно поворачиваться к прекрасному. Иногда и ценой показа ужасов, трагедий, чтобы человек не захотел их больше и обернулся к прекрасному.

1971 г.

С годами в творчестве чувственное, уступая разумному, как бы отходит на второй план. Движущей силой творчества становится разум, а это значит — ясность цели, замысла, четкий путь воплощения. Но немного жалко, что уходит то самое чувственное, когда сквозь страхи, сомнения и неуверенность настойчиво пробивалось тихое чувство и что-то получалось. А сейчас так ясен конечный результат, так видится самый путь воплощения...

1972 г.

Говорят, человек запрограммирован на определенный жизненный срок. У меня создается впечатление, что и художник запрограммирован на сумму того, что он создаст к концу жизни. То есть при конкретных условиях именно так и должно было прозвучать его творчество. Особенно знаменательно начало. Художник начинается вдруг. Вроде все шло обычно, учеба, творческий рост, успехи. Но художник точно знает, когда он родился.

1973 г.

Талант — это сострадание. Заурядно человека от талантливого отличает умение и степень сострадания. Талантливый человек виден во всяком человеке, особенно ярко в простом.

Талантливый художник обладает наивысшей способностью сострадать. Он сострадает, когда воспринимает жизнь. Затем, когда воссоздает ее в своих образах. Душа, способная понять художника, тоже должна уметь сострадать.

27 февраля 1980 г.

Заканчиваю эскиз «Куликова». Чувствую, что в руках у меня жар-птица. Многоплановое произведение. Народная драма. Как симфоническая картина, она должна звучать своими возможностями и нужными средствами, как аккордами — то цветовыми, то ритмическими, то тональными. Цвет — густой. Он «варится и бродит» прямо на холсте, под кистью! выражая тревогу и трагедию, победу и высокий накал духа. Он густой, как мед, сочный, как отражение в воде. Чистый на свету и призрачный в тени. Тревога и праздник — все в нем... Мне сейчас все интересно, как всегда в поисках... В «Евдокии» — амфитеатр нужен, женщины на берегу... Проходишь в работе через неизбежности — вторичности, узнаваемости. Ассоциативно натываясь на них. Хорошо, что есть эскиз, в котором возможно их преодолеть... Удачно ли собрал я все это по композиции? Теперь сыграть все это, спеть. Да просят лица, да выразят глаза!

28 февраля 1980 г.

В Уфе мы жили в фабричном поселке, на окраине, с деревянными бараками, еще довоенными «временками» и сараями возле каждого. В нашем сарае-кадетке были дрова, да погреб с кар-

тошкой, которая спасала в голод, да коза (один год), которую я пас летом на задах нашей «фанерки». Не помню свою маму молодой. Сохранилось лишь несколько фотографий. Даже в начале войны у нее еще были округлые плечи и руки, по-крестьянски круглое лицо. Но война и послевоенный голод сделали свое дело. Мама работала на фабрике разнорабочей — таскала фанеру в сушильный цеху. И когда в 1950 году отец все-таки к нам вернулся, она была уже старуха... Растила нас с сестрой Валей бабушка Дарья, мамаина мать, из беднейших оренбургских крестьян... И мама и бабушка так хорошо вязали оренбургские шали!

1 марта 1980 г.

Не свидетели, но участники. Мы снимали фильм в одном из городков нашей средней России. Я возвращался однажды в гостиницу с выбора природы в пустом «рафике». Шофер да я. Устали, измучились, холодно. Смотрю: на одной из стоянок автобуса, на обочине — человек, и у ног полупустой мешок. Я всегда люблю подбирать людей по пути. Подвезешь и заодно узнаешь и местные новости и то, что нужно: что за река, что за деревня, да мало ли что еще. У этого дяди я решил много не спрашивать. Он оказался навеселе. А я не любитель хмельных разговоров. Да только услышал, что в мешке у него что-то живое шевелится и визжит. «Поросенка вот купил», — говорит. «А дорого?» «Дорого. Двадцать пять отдал. Порода. Ну, и обмыли маленько». «А сходите вам далеко?» «Да нет, еще немного с вами проеду. А вы кто будете?» Я рассказал. «А-а, слышал. Про войну снимаете, а? Вот и спасибо вам. Спасибо, что про войну. Молодые вы, а молодые, помните, не забываете. Спасибо вам за память». Вот такая встреча...

А машина наша приближалась к Мурому, где на площади мы готовили к съемке главную сцену — казнь героев. В городке шли слухи-пересмешки, что, мол, кто согласится, чтобы его повесили... И, когда я работал на декорации, все спрашивали досужие прохожие, когда вешать будут. Неловко и шутить было с ними на эту тему, а не отвечать — тоже. Дело-то святое у нас было.

И вот в один из воскресных дней была назначена съемка. На площадь города, превращенную в место казни, «немцы» согнали народ. И стали мы вершить наше действие — прощание героев перед казнью: такова была сцена. И скоро драматизм сцены захватил нас всех. И обращение к участникам массовой (да и просто к прохожим, что зеваками торчали на площади) звучало уже в полной тишине. И вот началось действие, и случилось чудо. Актеров не стало — стали люди, действительность, ис-

тория. Время отодвинулось на тридцать пять лет назад. Площадь застыла в оцепенении. Не стало ни зевак, ни случайных прохожих. Все стали участниками события. Как в греческой трагедии. И оно развивалось по своим законам, это событие... И актеры, уже после окончания эпизода, никак не могли выйти из этого состояния. Все стояли, обнявшись, и слезы были в их глазах. И люди не хотели расходиться...

12 марта 1980 г.

Мои деревенские мать и бабушка жили под Оренбургом очень бедно. На случайном соседском куске хлеба да на своей стирухе, с надеждой на новую осень. Слепли — вязали чужим платки. И жили, словно им было такое задано. Бабушка жила лишь для детей, всю себя отдавала им, а потом и нам — внукам. Мама тоже посвятила жизнь нам с сестрой. Рано умерла (как и бабушка), очень тяжелая жизнь была — война, послевоенные годы. Но мы остались. И я вот думаю: не зря же была их неистовая борьба за жизнь, за продолжение рода. Эта почти инстинктивная жажда жизни и ее продолжения. Разве не так можно объяснить святое их отношение к людям! И не зря же все это было. Не ради ведь только того, чтобы и я был в состоянии продолжить род свой. Не собралось ли во мне все лучшее, весь ум, талант, все способности нашего рода, его потребность мечты, созидания? И не я ли должен все это выразить, высказать? Не я ли полпред рода этого? Спасибо же судьбе и женщинам моего рода, что вручили мне, как мне кажется, такую высокую миссию. И я готов к ней и горд этим...

13 марта 1980 г.

Я встречаю мой новый день ожиданием труда. Все, что делаю и делается вокруг, фокусирую туда, в картину, где найдет желанный выход мое «я», моя мечта, мой особый диалог со всем вокруг и с самим собой... Привез подрамники, резал холст, натягивал. Три холста заняли всю большую стену. Привыкаю к их размеру, будто не сам пришел к нему. Радостно пахнет льном и смолой. Забил сотни гвоздей... Время летит, как одно мгновение. Завтра начну грунтовать. Пальцы гудят от молотка и гвоздей.

16 марта 1980 г.

Мой первый день, когда я начал центр, — «Предстояние». Сразу оживает пространство в пока еще темных перепадах света и тени. Надо сохранить этот тревожно-торжественный трепет цвета, скульптурность полутонов. Поцарапанные в битвах копья, щиты. Лица — пусть загорелые, со шрамами. Квадрат холста очень помогает почувствовать все пределы внутри, умножить накал.

19 марта 1980 г.

Вчера нашел Евдокию. И совсем рядом. Милая моя жена надела, как мне было нужно, платок, и я вижу — она. Я и раньше все искал ненароком похожих на нее. А она — вот она, рядом. Вскинутые брови, большие полуопущенные глаза, чистый лоб. Евдокия есть!

И еще этот удачный день принес мне Дмитрия. Прямо на улице, у музея Корина, подошел я к парню. Хорошая скульптура лица, борода, усы — то, что мне надо. Доброта. Оказался крановщик Вася, хороший русский парень. А ведь сколько я Дмитрия искал!

25 марта 1980 г.

Я доделывал, дописывал, приводил в порядок мои картины, уходящие в Таганрог. Хорошие люди там, говорят, музей хороший. На берегу Азовского

моря будет мой уголок. То-то радость и грусть. «Жалко, наверное, — спрашивают меня, — отдавать?» Скорее, грустно. И страшно голых стен в мастерской. Сразу завесил их, с Ирой вместе все перевесили. А так — что же, мое продолжение, мои картины будут теперь смотреть люди и после меня. Они станут где-то числиться, значиться, занимать места, сообщать мои чувства, отходить в историю и оставаться в ней... И жива будет в них моя душа, и сущность моя продлится... Я горд этим. И мне не страшно. И конкретный мой срок жизни уже не имеет значения.

А в картинах моих все более станут выступать признаки времени. А отклик найдут лишь те качества, которые будут едины и понятны для всех времен. И будет висеть в воздухе мой волейбольный мяч из «Воскресенья» и стоять застывшие люди с воздетыми к небу руками. И будут в моем «Лебедином озере» отражаться мои деревья. И так же тиха и спокойна будет долго-долго вода. Очень хорошо все это.

И здесь же, в комбинате, когда сдавал картину, я встретил «Мую маму». Ей уже десять лет. Даже одиннадцать, а она мотается по всему миру. И надо же, жива и почти здорова! И я забрал ее к себе на время. Так хотелось с ней повидаться, побыть наедине, вспомнить свой подвал и то время, когда писалась. Отдельные куски очень хороши и иногда до стереоскопичности убедительны. Иногда же жесткий, незакругленный контур, не тот цвет на теле. В подвале-то легко ли? А уж поэзии и романтики — этого хватает.

1 мая 1980 г.

Вспоминаю из детства. В четвертом классе. Год 1949-й... Нашел мой друг Генка цирковой ковер. Настоящий, на клеенке. Там русалки, лебеди были и все такое. Его обронили по дороге циркачи, актеры-гастролеры, что в клуб к нам приезжали. А Генка нашел, повезло. И принялся мы с него делать копию на кальке, чтоб на базаре продать. Ведь достали же где-то, а? Я выступал в роли художника. Но красок, конечно, не было. А цветными карандашами калька никак не раскрашивалась. Так и не состоялась продажа. Вот досада. Но все равно было хорошо... А у Генки дома интересно было, тепло, светло. В кухне стоял фанерный ящик, большой, как сундук. Генка однажды показал мне.

что там. Там было полно сала. Его отца иногда звали колоть свиней, а это был гонорар. А уж так тогда голодно было...

2 мая 1980 г.

Занимался в триптихе центром. Это притягивает. Все обрастает плотью и

само как бы ведет меня, проявляется как бы само по себе. Делаешь руку — нужна тряпка рядом, делаешь ее — нужен орнамент, затем блеск металла, к нему — лицо, трава — целый мир.

25 июня 1980 г.

«Вчера, сегодня, завтра» — так хочу назвать статью о делах своих. Кажется порой, что есть вчера и завтра. А ведь главное и огромное именно — сегодня. И если удастся не упустить его сквозь пальцы — это просто счастье... И так, мое сегодня — я заканчиваю центр. Есть удача — лицо воеводы у плеча Дмитрия. Ряд технических задач. И — люди, звонки, лечение.

29 июня 1980 г.

Когда я был помоложе, я очень мучительно заканчивал и выпускал в свет свои работы. Ничего не видел в них, кроме недостатков. Казалось, они кричали, и я доходил до приступа, до сердечной боли, до отчаяния, отупения — первые два, три, пять дней. Потом понемногу возвращалась вера в картину и в себя. Теперь я стал спокойнее. Но не стало радостнее, нет простых и легких картин. Разве те, что еще не написаны.

30 июня 1980 г.

Ура, закончил центр — «Предстояние»! Итого ему четыре месяца, плюс два в эскизах, плюс два месяца в голове — в больнице, плюс вся прошлая жизнь... И вот картина отходит от тебя... Но еще долгие и прихотливый путь к ее завершению. Будет ли у нее своя жизнь? Не дано тебе знать...

1 июля 1980 г.

Дочь моя Аня поступила в МХУ¹. И я готов с ней вместе пережить эту прекрасную пору студенчества. Как скоро все! Через три года она будет писать свою первую картину — диплом. Вспоминаю, ведь и я не сразу господином был во всем. Однако прилежен был всегда. Рисовал до самозабвения. Нравилось мне это дело — рисовать. Друзья во ВГИКе называли меня — «Точь в точь». Я любил всем лица подрисовывать на рисунках обнаженной модели.

11 июля 1980 г.

Каждого героя пишу раз по десять. Сначала беру сразу, а потом все возвращаюсь. Хотя на секунду, на миллиметр, что-то поправить — выражение, пропорции, освещение, да мало ли что.

15 июля 1980 г.

Все думаю, в чем феномен «Джоконды» Леонардо? Первое — огромная жизненная энергия, заложенная в образе. Она неиссякаемо действует на нас, на людей — из поколения в поколение. Энергия эта закодирована в художественной форме произведения. Благодаря уникальной способности Леонардо использовать полутон. Кажется, что вся картина состоит только из света и этих меняющихся бесчисленно живых полутонов. Вся фигура Джоконды — лицо, руки — благодаря этому средству словно купается в воздухе. И очертания фигуры зыбки и неуловимы. И когда мы вновь возвращаемся к глазам Джоконды, нам кажется, что она только что двинулась, что она только что встала в эту позу для вас, чтобы остановить ваше внимание и говорить с вами. И эта связь со зрителем очень интимна. Кажется, что ее взгляд только для вас, ее полуулыбка — только для вас. Этому

способствует и соотношение фигуры с пейзажем. Каноническое для того времени сочетание портрета и общего пла-

на пейзажа здесь работает (при восприятии) самым активным образом, подчеркивая и вечность и сиюминутность происходящего. Джоконда как бы вошла в этот пейзаж с его огромной глубиной — и остановилась, и посмотрела на нас. Этот пейзаж имеет и символическое, философское значение, говорящее о единстве и гармонии — Природы и Человека, о бесконечности мироздания.

Для меня, и я не могу отделаться от этого ощущения, поверхность водных гладей в пейзаже — это как глаза самой земли, смотрящие на нас.

Но все это в том случае, когда ты один на один с картиной. Но такое в условиях современного музея исключено. Хорошо помню свои ощущения в Лувре перед картиной и свое острое чувство разочарования. Не получилось у нас с ней встречи. Не получилось интимности. Не оправдалось ожидаемое. В бронированном стекле отражались десятки людей, лиц. И в глубине этого бункера проглядывали только ее глаза. Долгожданная встреча не состоялась...

Есть и еще причины, которые мешают сегодняшнему зрителю понять ее, закрывают путь к подлинному постижению этой картины. Лик ее примелькался. Она — сама духовность — стала принадлежностью бездуховного быта: косынки и брошки, ручки для автомобилей и сумки, джинсы и майки. Все это опрокидывает, взрывает ее подлинную сущность. Сюда же надо отнести и засилье дурного качества репродукций, не имеющих с подлинником ничего общего. Пишем же мы: «Осторожно, окрашено!» Тем более нужно просто кричать: «Осторожно, Джоконда!» — оберегая ее чистоту, а также вкусы людей.

Есть и еще одна помеха на пути зрителя к «Джоконде», к ее пониманию. Это избыток информации о ней. С одной стороны — вульгаризация, упрощение, с другой — тенденция к формированию фетиша. А в результате всего этого как раз и исчезает интимность, первоизданность восприятия. При долгожданной встрече с подлинником их сменяет неожиданное разочарование. «Да, собственно, ничего особенного в ней и нет». Это значит, что все системы, указанные выше, сработали и воздвигли невидимый, но непреодолимый барьер между зрителем и портретом.

Есть, правда, и еще аспект. Большая часть людей неспособна к восприятию «божественного», потому что никогда не соприкасалась с ним в жизни. Прагматизм бытия преобладает и вытесняет духовность. И тогда, конечно, просто — женские руки, просто — глаза, лицо совсем некрасивой женщины, скудные, невыразительные краски...

И все же Джоконда живет! И даже далеко от нее мы чувствуем на себе ее взгляд, ее улыбку. Она — с нами.

16 июля 1980 г.

Сегодня в мастерской появился дневной верхний свет. Мы сделали прекрасное окно вместо прежних темных стеклоблоков. Окно с нужной стороны, с чистым небом, и я вижу почти зенит. И воображаю весь купол неба над собой. И теперь моя мастерская еще больше похожа на корабль, летящий не так далеко от облаков. Если бы еще здоровье, свежесть мысли, как раньше. Так надоела тяжесть в голове, немощь в теле... Уже восемь месяцев... Какой же праздник, когда я имею свежий день и возможность работать. Чудится: вот я силен, и кажется — все могу, и не надо спешить... И все-таки успеваю. И, главное, сохраняю смысл и стержень замысла, работаю для него.

22 июля 1980 г.

Скоротечно и мимолетно чудо искусства. Нам порою хватает в музее на шедевр менее минуты. Даже если мы стремились к нему годы. И это грустно. Что наши полчаса, например, у любимого «Явления Христа народу», если Иванову понадобилось на него двадцать лет? Так скоро порой мы решаем, что нам уже все ясно в картине, что смотреть, и нет вопроса... И я имею сознательное и дерзкое намерение всеми средствами задержать зрителя у своей картины. И чем? Конечно же, мыслью, скрытой драматургией. И как средство — наполненность картины, плотность, многоплановость. Заставить зрителя рассматривать ее, постепенно постигая. Задержать его. Продлить мгновение контакта, чтобы зритель еще и еще возвращался к истокам и вновь проживал мою картину. Удастся ли?...

23 июля 1980 г.

Все больше ощущаю, насколько я непричастен к миру вещей. Они от меня совершенно отделены. Меня в прошлом году поразила в Париже причастность, привязанность людей к вещи. Это когда целая жизнь определяется вещами. Это — фетиш, все для вещей. Ее величество вещь. И только перед смертью человек понимает, что глубоко обманут. Вещи жестоко покидают его, отделяются. И то, за что он боролся всю жизнь, оказывается чуждым его сути... Но происходит и другое. Родственники жадно набрасываются на вещи, думая, что это продолжение жизни, процветание, достаток. Но это новый фетиш. И круг продолжается.

24 июля 1980 г.

Дейнека в двадцать семь лет к десятилетию Октября написал свою «Оборону Петрограда». Написал радостно, потому что он знал, о чем, и чувствовал, как. И тут должно быть единство. Больше того, я уверен, что без полного владения пластикой, образным мышлением художественный замысел родиться не может. Они уже при рождении едины. Художник, плохо владеющий мастерством, лишен возможности образного мышления. Более того, всякая большая мысль (тема) его может отпугнуть и отпугивает. Он готов называть ее плакатной, литературной. Ибо он не в силах посягнуть на нее. И — лишь бы отмахнуться, так как он банкрот. А порой если и берется, то решает ее как «заказуху», штампованно, плохо, а это издевательство над темой. Нет тем, неподвластных искусству.

29 июля 1980 г.

Все в картине линейно сходится к

глазам Дмитрия: по вертикалям, диагоналям, горизонталям. Его рука к Бренко (жест любви и прощания, оберегающий и укрепляющий) — решающая линия. Она — и к глазам... Все стоят шатром, и Дмитрий здесь самый высокий. Наше войско не боевой порядок, а клин... И этот клин идет из глубины и снизу вверх, от воина с секирой к Спасу. И еще: голова Дмитрия заключена в круг конем и знаменем. Все герои так повернуты к Дмитрию, что помогают всем перспективным сходам, ведущим к нему. Диагональ плеч ратника — к Дмитрию. Повороты всех голов тоже работают на это. Мальчик и весь его корпус — к лицу Дмитрия. Этому же помогают даже неровности почвы. Они вторят шатровой расположенности героев в пространстве картины.

12 августа 1980 г.

Буду делать еще «Крест за картошку». Активный колорит. Он будет частью драматургии, как у Караваджо. Высвечено будет то, что надо: руки, лица детей, вдовы. Но современный ключ... Нужно на «Мосфильме» посмотреть точный фасон и цвет немецкой шинели. Чтобы все точно... Вот не закончил еще «Поле Куликово», а уже думаю о другой картине — «Крест за картошку», о себе, о матери, о всех нас. Это всегда так: мне уже кажется, что новая картина будет лучше.

13 августа 1980 г.

Искусство — это память времени. Ничто так не способно воссоздать время, остановить и восстановить его, как искусство. Иллюзия воспроизведения времени искусством, его остановки, его спрессованности настолько порой велика, что бывает ценнее, ярче течения самого повседневного времени... И другое. В течение короткого времени общения с искусством мы постигаем временные образы, категории, обобщения, как вспышки, рассеянные в обычном течении времени.

16 августа 1980 г.

Этот мой триптих — не просто извлечение из прошлого. Напротив. Это — мое сегодняшнее обращение к ним, тем, которые пали за нас. О том, что мы живы, что мы есть, что мы сильны, что мы едины и миролюбивы, что мы многому научились. И они тогда не зря пали. Дух наш не осудел, мы и сейчас можем собраться. Нам надо держаться вместе.

Публикация
Ирины РАКШИ.

¹ Московское художественное училище.

Читатели «Смены» продолжают диалог с известными спортсменами страны. Редакция ждет от вас, дорогие друзья, новых писем с вопросами и предложениями.

Твой собеседник — чемпион

«Просим познакомиться с нашим писем борца легчайшего веса Сергея Корнилаева. Не всегда нам удается пресечь хулиганскую выходку злоумышленников, когда надо задержать силу и сноровку, чтобы бы и пригодились знания. Тут основательная физическая подготовка, ка, но, увы, того и другого у нас недостаточно. Потому и ждем совета от одного из наших любимых спортсменов.»

Группа дружинников, «Магнитогорск».

Сергей Корнилаев, четырехкратный чемпион мира по вольной борьбе:

— Мне было десять лет от роду, когда наша семья переехала из деревни в Москву. Ни о какой борьбе я тогда и не помышлял. В те годы меня, малыша, все называли «трудным ребенком». Никак не мог привыкнуть после деревенских просторов к улицам большого города, к шумным переменкам огромной школы. Везде мне чудились насмешки, и, хоть был самым маленьким, чуть что, лез в драку с мнимыми и истинными обидчиками. Это сейчас во мне целых 48

килограммов, а тогда... и говорить нечего. Но в стычках и драках часто брал верх, чем и заслужил характеристику «трудного».

Чтобы стать сильнее, записался в секцию борьбы. И удивительно, на первый взгляд, конечно, как только почувствовал в себе силу, стал меньше задираться, а потом и вовсе успокоился, утихомирился. Спорт ведь, помимо всего прочего, дисциплинирует. Вы, ребята, как дружинники, наверняка уже знаете, что в арсенале хулигана могут быть разные приемчики, но на вашей стороне обязательно главная сила — правота. Хулиган всегда по природе своей трус. Иного и быть не может. И он обязательно внутренне ощущает свою слабость, ищет слабинку у других, как следствие, ищет слабинку у других. Так что приемы приемами, сила силой, а важнее всего — дух. И в спортивной борьбе и тем более в охране порядка.

Но, конечно, вы должны заниматься спортом, утренней зарядкой. Вовсе не только для того, чтобы давать отпор хулиганам, а вообще для жизни, для здоровья. Чтобы бороться с хулиганом, совсем не обязательно быть мастером спорта. Но надо быть сильным человеком. Но надо быть сильным человеком, в полном смысле этого слова. И спорт тут — лучший помощник.

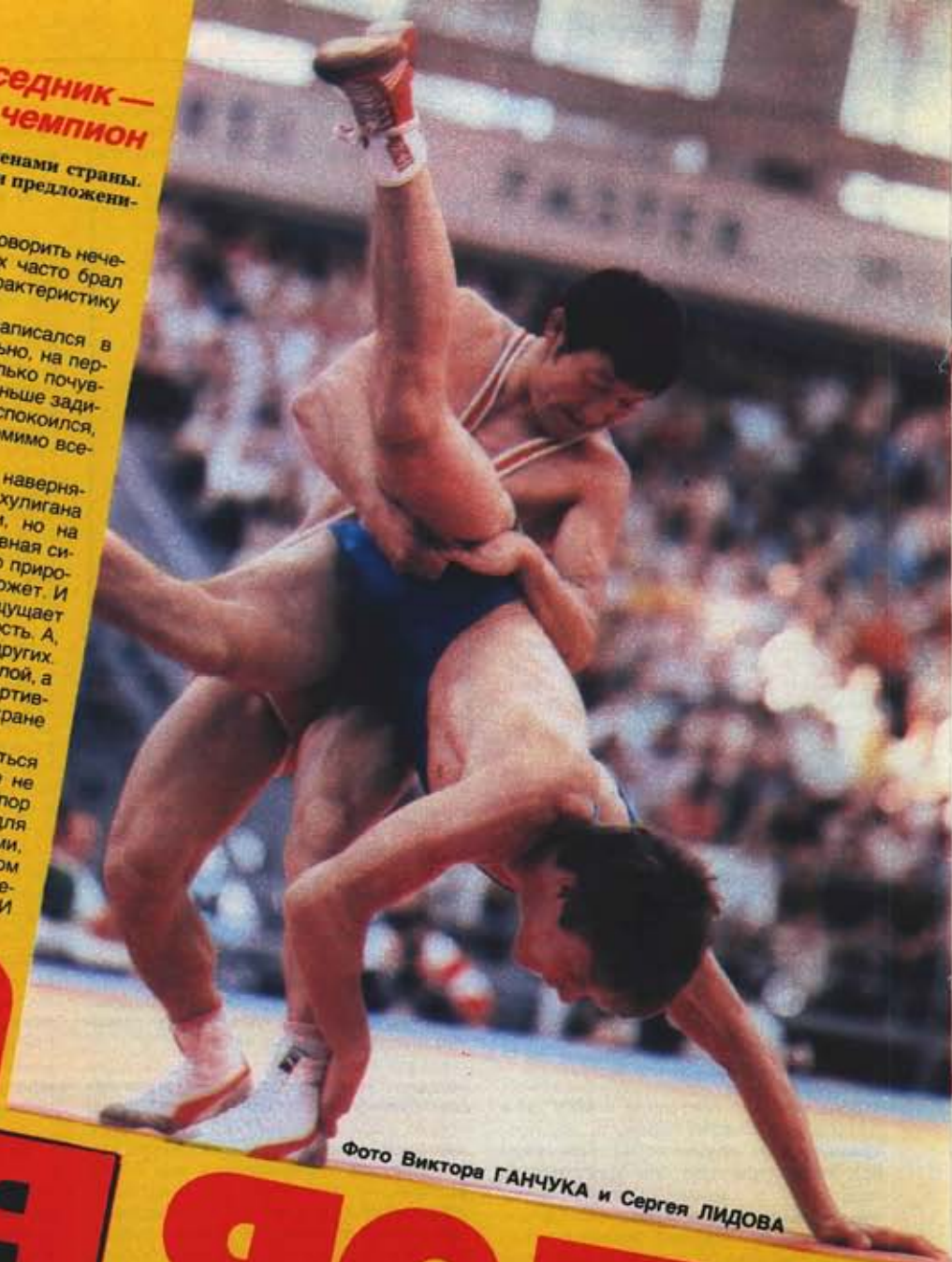

Фото Виктора ГАНЧУКА и Сергея ЛИДОВА

сила для дела

«Прошу ответить на мой вопрос чемпионов по авторалли братьев Больших. За день я провезаю по улицам столицы 350—400 километров. К концу смены устают глаза, притупляется реакция, затекает спина. Как же справляются со своими нагрузками наши гонщики? Ведь у них и рабочие скорости повыше и расстояния побольше.»

Александр КУКУШКИН, водитель такси, Москва».

Николай Больших, неоднократный чемпион СССР:

— Отвечаю Александру на правах старшего брата, так как я старше на целых пятнадцать минут. В шутку говорю, может быть, нам с братом легче, потому что усталость, как удача и не-удачи, мы с детства привыкли делить на двоих. Но если серьезно, то, когда мне приходится много поехать по московским улицам, я тоже сильно устаю, хотя жаловаться на здоровье и умение не приходится. Бесконечные светофоры, загруженность улиц большого города, постоянное напряжение естественным образом вызывают и микрострессы и физическую усталость. Что же противопоставить этому? Прежде всего об-щую физическую подготовку. Подчеркиваю — именно общую, а совсем не обяза-тельно какую-нибудь специальную. И

начинать, конечно, нужно с ежедневной утренней зарядки. Кроме того, надо выработать очень полезную привычку: время от времени останавливать машину, выходя из нее и разминаться, проделывая ритмичные и разнообразные упражнения. Мы это делаем даже на трассе гонок, потерянные на разминку секунды — а в гонке счет обычно идет только на секунды — потом можно быстро наверстать за счет общей физи-ческой свежести.

Существенно и то, в каком настроении находится человек за рулем. Вот недав-но мы участвовали в одном из этапов розыгрыша Кубка Европы, где заняли второе место в абсолютном зачете. С самого начала решили, что будем сорев-новаться, так сказать, с улыбкой на устах. Но, безусловно, соблюдая все требования к физической подготовке, отдыху, питанию.

К слову, о правильном питании. В фильме «Гонщики», помнится, Олег Ян-ковский возил с собой полистиленовый пакет с морковью. Это не выдумка сценариста и режиссера. Да, обыкновен-ная морковка помогает вырабатывать зоркость. И еще: в дороге надо быть предельно внимательным, все запоми-нать, заранее представлять себе маршрут, повороты, особенности дорож-ного покрытия. У нас, у гонщиков, это называется «легендой трассы». Но хо-рошо знать трассу, маршрут очень важ-но и для водителей, едущих по городу. Такое знание облегчает езду, да и устаешь меньше.

ЗАРНИЦЫ

Уходят фронтовики...

Три поля

Кому довелось бродить поздней осенью в яблонево саду, тот сам пережил эти холодящие душу мгновения. Вот красуется на самой верхней веточке спелый плод. Тихо в саду, ни ветерка, ни движения... И вдруг на глазах твоих отрывается яблоко от породившей его ветки. Долю секунды встревоженно следишь за его падением. И — последний удар о землю.

Уходят фронтовики, уходят... Близится 9 Мая, и, кажется, снова мы шумно заполним эту маленькую однокомнатную московскую квартиру, и начнется из года в год повторявшаяся перепалка с Алексеем Федоровичем. В конце концов мы заставим его достать и надеть китель. Он даже согласится сфотографироваться в нем, а потом снимет и повесит его на спинку стула, этот тяжелый от боевых орденов и медалей китель. И облегченно вздохнет и одарит всех нас своей неповторимой улыбкой. Но теперь мы только помним о ней.

Уходят фронтовики, уходят... Уже без Георгия Назаровича мы рассматриваем старую фотографию сорок пятого года. Берлин. Май. Сразу после Победы. Первый выходной. Вот стоят они двое — молодые, счастливые, нашедшие друг друга на войне, любовью своей освятившие великую нашу Победу. Задумаешься и вздрогнешь от неожиданности: слышишь знакомые нотки голоса Георгия Назаровича... Это вошел Андрей. С годами и голосом, и осанкой, и делами своими он все больше походит на отца. Нет, не на того, что глядит на нас с этой любительской фотографии. А на Георгия Назаровича последних лет, собиравшего нас, своих учеников, чтобы поговорить о жизни и, между прочим, выведать, не черствеют ли наши души.

Уходят фронтовики, уходят... И ничем не восполнишь потери. Так и не успел я выспросить у Павла Адамовича подробности того первого после войны свидания с дочкой. Чего только не было пережито за все фронтовые годы, которые не был дома! Но вот, наконец, родной город, знакомый маршрут трамвая. Живой, счастливый, возбужденный, жадно смотрит вокруг... Вот две девочки в трамвае, меньшей лет десять, другая постарше, украдкой поглядывают на него. Старшая чего-то шепчет подружке, а потом почти силой тянет ее к лейтенанту: «Дядя Павлик! Так это ж ваша дочь!» Сердцем тут же признал он ее, а сам все время ловил себя на том, что ожидал встретить ее совсем другой, такой, которая прошла с ним все фронты, — четырехлетней.

Уходят фронтовики, уходят... С Илларионом Александровичем распрощались мы двадцать лет назад. Я уезжал далеко от родных мест. Зашел перед самым отъездом к нему в сельскую больницу. Это войны — а Илларион Александрович все 1418 огневых суток провел за баранкой полутурки! — отозвалось, оставившись незаживающей раной. Чувствовал ли он, что это наш последний разговор, не знаю. Но он проводил меня до калитки, вышел на улицу, присел на корточки на пригорке и, пока я не скрылся за поворотом, не один раз смахивал слезу слабейшей рукой. Я все время оглядывался. И передо мной всегда та далекая картина — светлая фигура солдата, присевшего отдохнуть на земле, смотрящего вслед мне.

Уходят фронтовики, уходят... На днях друзья наши привезли из роддома маленькую девочку. И Кате уже не суждено быть современницей прославленных полководцев Жукова, Конева, Чуйкова, Баграмяна...

Замечаю: почти всегда, как только появляется возможность увидеть что-либо подлинно ценное — познакомиться с удивительной в своей новизне выставкой, съездить в святой уголок Отчизны, — обязательно возникает на пути какая-то помеха. И каждый раз оправдываешься перед самим собой: сегодня не получилось, завтра, не глядя ни на какие обстоятельства, соберусь и отправлюсь в поездку. Однако проходит время, ты так и не использовал случай и начинаешь осознавать истинный урон, причиненный себе...

Детство и юность мои пролетели недалеко от Полтавы. Всего несколько часов на автобусе — и мог бы побродить по местам, где ковалась бессмертная слава России, где еще раз подтвердилась справедливость слов великого сына Отчизны: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». В мыслях передо мной нередко простиралось это поле под Полтавой. Тому причиной служили то Пушкин, то старинная гравюра петровских времен. И возникает бой, ты живешь драматизмом ситуаций, возникавших на разных его этапах. Иногда кажется, что был, был я на поле Полтавской битвы! Но нет. Так и не выкроил этих суток, коих хватило бы и на путь-дорогу и для того, чтобы надышаться живительной влагой, которая витает над этой землей. Затем судьбе угодно было распорядиться по-своему: тысячи верст отделяют теперь от полтавских степей. И когда еще выпадет счастье побродить там!

А вот по Бородинскому полю хождено не раз. И самым памятным остается тот солнечный, с февральским морозцем день, когда мы с моим юным другом Юрой с утра до вечера по искрящемуся мириадами звезд нетронутому снежному насту обошли на лыжах все горячие точки боя. Отыскать их не так уж трудно, ибо кто был на Бородине, тот помнит, что в столетнюю годовщину битвы однополчане героев воздвигли им дивные памятники. Белое покрывало оттеняло величественную красоту монументов. Блики солнца переливались на крыльях орлов, орудийных лафетах. Они звали к себе!

Мы шли не торопясь, у каждого памятника останавливались, изучая длинный свод имен. Свет больно резал глаза, приходилось прикрывать их ладонью, мы говорили, говорили. О чем? Сейчас, стараясь восстановить наши беседы, ловлю себя на мысли, что не могу передать самого важного — той душевной окраски, сердечной взволнованности, с которыми мы вели тогда разговор о «высоких материях», о своих чувствах, наблюдениях. Бесконечная вереница впечатлений заново открывала нам историю. Она оживала, она была не сухим учебником — воздухом, без которого нельзя дышать. Вот таким и вошло в сердце Бородину.

На поле Куликовом судьбой даровано было оказаться в многотысячном народном сборе в день 600-летия битвы. Помню, шли споры, дать ли отдохнуть полю в год такой даты или продолжать ему нести свою непрерывную службу людям. Но нелегко сбить труженика с рабочего ритма. Лишь в самой малой части своей Поле оказалось нераспаханным. Туда и устремились тысячи людей на машинах, автобусах, а то и просто пешком. Поле влекло своим ранним сентябрьским убранством. И молодых и стариков. Но удивительное чувство испытывал, являясь частицей этого многотысячного собрания. Казалось, ты наедине с Полем, слышишь его почти бьлинную повесть о смертельной сече ратников Дмитрия с лавиной орденов. И именно тогда открывалась глубочайшая тайна, по-

стигался сокровенный смысл таких понятий, как нерасторжимая связь времен, родство поколений, несокрушимая сила народа.

И почему-то теперь каждый раз, когда оказываюсь далеко от границ родной земли, вспоминается пережитое на поле Куликовом и на Бородине.

И я настойчиво твержу себе: надо съездить в Полтаву!

Песня в Трептов-парке

Однажды я вычитал, что на древнеави-лонской табличке после расшифровки клинописи обнаружилась запись: «Настали тяжелые времена. Разгневались боги. Дети перестали слушать своих родителей...» Через тысячи лет шло это послание к нашему современнику. Значит, извечна проблема отцов и де-

тей? Но уместно ли здесь слово «проблема»? Мне всегда кажется, что я слишком снисходителен к дочери. Надо бы быть строже, требовательней, а не всегда получается.

И вот 9 Мая приезжаю в Берлин. Дочь изучает там германистику. В студенческом общезнании их около двадцати девушек из различных университетов Союза. Не все по душе мне, что вижу вокруг. Девушки капризничают, разговоры — о танцах... но вот получаю приглашение — пойти вместе с ними возлагать цветы к памятнику советскому воину.

Перед общезнанием долгие сборы, кого-то нет. Ленинградка Алла с гитарой. Не проходит и часа, как мы можем отправиться в Трептов-парк.

Наш солдат словно остановился на высоком кургане, опустил меч к земле, а на руки взял ребенка. Сколько огненных верст довелось прошагать ему до этого часа, какую бездонную чашу горя испить, чтобы теперь богатырскими плечами своими подпереть небосвод, оградить весеннее солнце от чернеющих у горизонта новых туч.

Оказаться здесь, в Берлине, в день Великой Победы! Думаю, можно понять и простить слезы на глазах у человека, кого война своим пылающим крылом задела еще в пятилетнем возрасте.

Вечная память вам, не вернувшиеся с той войны солдаты, спасители солнца, жизни, идеалов наших, крестные отцы детей наших!

А что же спутницы мои? Приумолкли, сомкнулись стайкой. У подножия памятника Воину-Победителю цветы их скромные лежат. Минута молчания...

Но что это? Полукругом, лицом к лицу с Солдатом стали. Звук гитары, и... тихим торжественным гимном зазвучали фронтовые песни. Все я мог предположить, но не это. Почти час пели девушки солдатские песни Воину Отчужденной, судьбой которому уготовано стоять вечным часовым мира.

Подходили люди — и русские и немцы. Всех собирала эта негромкая песня студенток. Не стыдились платочки держать у глаз, переводя взгляд с поющих девушек на исполинскую фигуру Воина с ребенком.

А девушки пели. Нет, то не просто случайно возникший экспромт. Заранее готовились они к этой песенной вахте.

Пришла группа немецких ребятишек с воспитательницей. Выстроились ровными рядочками на ступеньках постамента. Застыли, слушают песни — одну, другую, третью... Вижу, воспитательница подходит к девушкам, что-то говорит, те ей дружно в ответ кивают. И теперь девушки молчат — теперь звучат песни немецких детей. И одна и вторая... А затем — «Пусть всегда будет солнце». На русском, на немецком. И дети пели, и студентки, и все, кто оказался в тот час у памятника Советскому Солдату в Трептов-парке.

Ради этой песни и шагал до Берлина боец, опустивший там меч и поднявший высоко к солнцу ребенка.

Рисунки Игоря СУСЛОВА

ВСЕЛЕННАЯ, ЧЕЛОВЕК, РЕАЛИТИЯ

О проблемах атеистического воспитания молодежи
беседует директор Московского планетария,
заслуженный работник культуры РСФСР
Константин ПОРЦЕВСКИЙ
и кандидат философских наук Владимир МЕЗЕНЦЕВ.

В. МЕЗЕНЦЕВ: Давайте начнем нашу беседу, Константин Алексеевич, с разговора об астрономии. С ранних времен человеческой истории людей влекло к себе звездное небо. Позднее над тайнами этого недоступного мира размышляли философы. Восторженные строки о нем сочиняли поэты. Фантазия народов населила небеса множеством богов разных рангов. С небом тесно связаны всякого рода иррациональные домыслы и суеверия. Конечно, теперь уже далеко от тех наивных представлений, которые веками и тысячелетиями во многом определяли миропонимание людей. Но Вселенная необъятна, и поэтому многого о ней мы не знаем и сейчас. Те тайны, которые мы пока не в состоянии понять, и дают в наши дни пищу для богословов. Что конкретно, на ваш взгляд, поддерживает всякого рода религиозные представления в наш просвещенный век? О чем нам необходимо помнить при воспитании научного, материалистического миропонимания?

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Вы знаете, Владимир Андреевич, я посвятил астрономии всю свою жизнь. Поскольку мы сходимся с вами в оценке роли и значения астрономической науки, то вспомним: на протяжении многих веков между богословием и наукой, между верой и знанием шли яростные споры о строении и происхождении Вселенной. Теперь эти споры уже во многом — достояние истории: современные теологи не только согласились с тем, что наука может без «благословения церкви» изучать окружающий нас мир, но и принимают без особых возражений научную картину этого мира. О том, как выглядел Вселенная согласно библейским сказаниям, богословы предпочитают теперь просто молчать. Но посмотрите, как менялись представления человека о Вселенной. Когда-то людям казалось, что достаточно выйти из дома, посмотреть на небо и можно сказать: «Я вижу Вселенную». За сутки она повернулась и прошла вся перед наблюдателем. Теперь мы знаем, что человек видит небо вооруженным глазом совсем малую, ничтожную долю Вселенной. Ведь только в одной нашей Галактике около 200 миллиардов звезд. А сколько таких галактик во Вселенной? Миллиарды!

Но все же, что такое — Вселенная? Только то, что мы наблюдаем, или же нечто большее? Философы-материалисты дают такой ответ: то, что доступно нашему наблюдению и исследованию, — это еще не Вселенная, это — Метагалактика. А Вселенная? Она охватывает все, что можно изучать современными астрономическими приборами, а также то, что мы наблюдать и изучать пока не можем, но что предсказывается, выдвигается теоретически. Вселенную не следует отождествлять со всем материальным миром. Она только часть его, доступная нашему изучению и выделенная теоретическими средствами, расчетами, умозаключениями.

В. МЕЗЕНЦЕВ: В чем же тогда проявляется борьба мировоззрений — религиозного и научного? Вы уже сказали, что современные богословы не очень-то склонны выступать в открытую против научных выводов, утверждений, теорий. Что же тогда остается? Идейное примирение?

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Если бы! Конечно, в наш век адвокаты религиозного мировоззрения не продают анафеме ученых-материалистов (хотя порой бывает и такое!), не спорят они и о том, как устроена Вселенная и какие процессы в ней происходят, более того, они даже соглашаются со всеми выводами науки о Вселенной, но...

В. МЕЗЕНЦЕВ: Но при этом говорят: «Все это относится к миру материальному. И пусть изучением его занимается наука. Есть, однако, и другой мир — духовный. Тот, который выше мира материального...»

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Вот-вот! В этом суть современной религиозной «педагогике». Когда-то церковь контролировала всю духовную жизнь человека. Командовали церковники и наукой, решали, что для них приемлемо, а что нет. Теперь все это в прошлом. Вместо запрета научного исследования мира — примирение с наукой. Но какое примирение? Просто богословы взяли на вооружение иную тактику. Они говорят теперь о разделении сфер влияния науки и религии: материальный мир — для науки, а духовный — это уже область религии. При этом обязательно подчеркивается примат духа над материей. Мир духовный, дескать, мир высший, идеальный. Вот исходя из этого наши идейные противники и стараются любыми средствами отвлечь прежде всего молодежь от, если можно так сказать, ясного понимания материальности мира. И для этого пускают в ход любые средства, любые приемы. Главное — заронить в молодом, неокрепшем сознании сомнение в материалистической сущности бытия, окружающего нас мира, оторвать человека от реальной действительности и заставить поверить во что-то мистическое, в ирреальное. А от мистики до религиозного мировоззрения, как известно, один шаг. Религия и мистика — суть их одна. Учитывая стремление молодых к знаниям, к поискам истины в последней инстанции, церковники стремятся не только заронить сомнение в истинности научного познания, но и доказать существование бога. Им не столь уж важно,

каким будет представлять человек бога — будет ли это «всемирный разум», вездесущий дух-созидатель или сама природа, главное достигнуто: начинающие жизнь парень или девушка уже заинтересовались тем, другим, «божественным» и непознанным миром, о котором толкует религия.

В. МЕЗЕНЦЕВ: Да, молодежь наша очень любознательна. Многих интересуют вопросы мироздания. Вот богословы и спекулируют на нерешенных вопросах познания мира. Однако мы ведь живем в XX веке, когда наука создала стройную и убедительную картину материального мира, не оставляя, по словам Энгельса, камня на камне от библейского объяснения мироздания. И все-таки мы не можем утверждать, что воспроизводства верующих за счет молодого поколения уже нет. Оно есть, и, значит, нам, атеистам, следует серьезно подумать о том, каковы психологические корни религиозных устремлений. Скажем, как объяснить такое, например, явление молодого человека: «Я знаю и приемлю все, что говорит наука о Вселенной. Но разве это исключает то, что она создана богом? И почему я не могу этому верить? Именно верить, то есть принимать что-то без всяких доказательств». Почему человек хочет верить в то, что отвергает наука?

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Владимир Андреевич, когда вы приходите в театр, обращаете ли вы внимание на декорации? Обязательно. А приятно было бы вам, если бы их вдруг вывернули наизнанку и показали: смотрите, это совсем не парк, не квартира, где живут герои пьесы, а всего лишь раскрашенная фанера. Доставило бы вам это удовольствие? Думаю, что нет. Мы приходим в театр и хотим увидеть на сцене как бы реальную жизнь. Значит, у человека — у вас, у меня, у многих других людей — есть потребность в каких-то иллюзиях! И нам не хочется, чтобы наши иллюзии кем-то разрушались. Человек так устроен. Конечно, все люди разные — есть здравомыслящие, их называют рационалистами, другие в своей оценке жизненных явлений более романтики, чем реалисты, у них нередко преобладают эмоции и, если хотите, даже фантазия. Такому человеку скучно иметь дело с тем, что уже всем известно. Ему хочется, чтобы в мире и русалочка существовала и другие персонажи, рожденные народной фантазией. Но еще больше в обществе тех, кто часто задает сам себе, может быть, даже подсознательно, вопрос: а что стоит за тем или иным природным явлением?

В. МЕЗЕНЦЕВ: Действительно, сталкивается человек с каким-нибудь загадочным случаем и задумывается: а, может, это происходит по воле каких-то высших сил? И попробуйте его переубедить!

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Я однажды был свидетелем такого разговора. Один парень рассказывал другому о том, что влюбился в девушку. «И что ты в ней особенного нашел? — удивился его приятель. — Знаю я ее: нос курносый, глаза маленькие, и вообще... Не вижу в ней ничего красивого». «А ты посмотри на нее моими глазами!» — ответил ему влюбленный. — Ты не видишь в ней того, что вижу я». Вот и баптисты говорят неверующим: «Вы не верите в бога, а мы его видим, чувствуем, он для нас реальность».

В. МЕЗЕНЦЕВ: То есть, идейный спор переносится в область человеческих чувств. И тут уже необходимы совсем другие методы переубеждения...

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Конечно, пересказами того, что узнали ученые о происхождении Вселенной, ничего не добьешься. Тем более что церковники-то как раз пытаются спекулировать именно на неясных вопросах познания. В частности, на загадке НЛО. И тут пропагандисты религиозного мировоззрения находят свой ход. Я встречался с людьми, которые с полным убеждением говорили: все мы, живущие на Земле, были когда-то запрограммированы, и сейчас НЛО изучают, как человечество развивается в соответствии с «первоначальным планом». «Кто же нас запрограммировал?» — спрашиваю. «Бог», — отвечают.

В. МЕЗЕНЦЕВ: Константин Алексеевич, а как вы сами относитесь к предположениям о посещении Земли в далеком прошлом представителями других цивилизаций? Я вспоминаю, как еще студентом, в 30-е годы, прочел Энциклопедию межпланетных полетов профессора Рынина. Автор, уважаемый ученый, собрал в ней много легенд разных народов, в которых рассказывается о прилете на Землю инопланетян. Профессор не навязывал читателям никаких своих заключений, выводов, он лишь обращал внимание на то, что все эти легенды очень сходны, хотя сочиняли их народы, жившие на разных континентах Земли. Или взять те же «посадочные знаки» в пустыне Наска. Что вы думаете по этому поводу?

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Ответу. Могли ли прилетать на Землю, назовем их по-современному, космонавты или астронавты? Могли. Но есть ли факты, которые научно могли бы подтвердить это? Таких фактов нет. Вот почему ученые активно не приемлют гипотезу о когда-то прилетавших на Землю астронавтах, тем более что высказывают ее люди, которые к науке имеют, мягко говоря, весьма отдаленное отношение. Можно понять, когда о прилетах на Землю инопланетян пишут фантасты. Фантазия порой даже помогает исследователям. Великим провидцем был Жюль Верн, многие его фантазии — теперь действительность. Академик В. А. Обручев написал фантастический роман «Плутония», и никто из ученых не говорил, что это была бесполезная затея ученого. Ни Обручев, ни Жюль Верн не выдавали свои фантазии за действительность. Но когда дилетанты выступают с чаще всего безграмотными суждениями по вопросам научного познания, такие люди не помогают науке, а вредят ей.

Теперь о легендах. Сколько мы знаем сказок о том, как люди поднимаются в воздух и улетают за тридевять земель? Летали и на метле, и на ковре-самолете, и на Коньке-Горбунке, и даже на черте. На Луну тоже летали герои народных сказок. И в легендах многих народов рассказывается о том же — о полетах. Но о чем все это свидетельствует? Да только о том, что человечество с незапамятных времен мечтало получить желанную сказочную возможность преодолевать по воздуху огромные расстояния за считанные минуты. Разве не ясно, что такие легенды — не более чем сказки? Красочные, волнующие воображение, но сказки!

В. МЕЗЕНЦЕВ: Еще один вопрос, Константин Алексеевич. Каково, на ваш взгляд, мировоззренческое, атеистическое значение освоения человеком космоса? Спрашиваю об этом неспроста: некоторые атеисты слишком уж примитивно отвечают на этот вопрос. Знают, что наши первые космонавты, когда их спросили, видели ли они в небесах бога, дали, естественно, отрицательный ответ, и говорят верующим: «Вот видите, значит, бога нет».

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Ну, такая пропаганда научного атеизма, конечно, примитивна. Возьмем Библию. Бог в ней представляется именно в человеческом облике. Богословы утверждают, что Библия — это откровение самого бога, каждое слово в ней от бога.

В. МЕЗЕНЦЕВ: А другие богословы говорят, что библейские писания можно понимать и так: бог, дескать, излагал свои «откровения» на уровне понимания и взглядов людей, живших тысячи лет назад...

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Мне однажды довелось беседовать с одним зарубежным гостем. Задает он вопрос: «Почему вы не верите в бога?» Отвечаю: «Я астроном. Читая Библию, я увидел, что она дает совершенно ложное, антинаучное представление о мире, который я изучал. Как специалист я вижу: ни одно из положений, изложенных в «священной» книге, не соответствует действительности. Вот почему я не верю в истинность Библии, не верю тому, что все, написанное в ней, диктовал людям бог». «Но ведь бог диктовал для людей того времени!» — возразил мой собеседник. «Хорошо, пусть Библия была истиной для людей далекого прошлого», — сказал я ему, — но зачем верить написанному в ней нам, людям XX века, если наука аргументированно опровергает библейскую картину мира?»

Ну, а если говорить о том, что дал для науки выход в космос, можно ответить так: небо для верующего человека всегда было местом, куда он направлял взор, обращаясь к богу. И вдруг отправился туда человек! Это означало величайший полет человеческого духа. Как тут не вспомнить, чему всегда учила религия и что она неизменно подчеркивала: гордыня человеческая противна богу, то есть это означает, что в него вселился дьявол. Человек должен смиряться перед всевышним. А он, человек, взял и полетел в небо. Значит, он может не только преобразовывать природу на Земле, но и подняться в «царство божие». Вот в чем самый важный атеистический смысл выхода человека в космос.

В. МЕЗЕНЦЕВ: Константин Алексеевич, а что знает современная наука о влиянии небесных тел на Землю и особенно на ее живую природу? Наконец, чем можно объяснить, что сейчас, как и в эпоху средневековья, не забыта астрология? Может быть, одна из причин в том, что исследования последних десятилетий обнаруживают все более тесные связи космоса с жизнью на Земле?

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Космос, конечно, воздействует на Землю, нельзя отделять нашу планету от звездного мира. Во Вселенной, как и у нас на Земле, все взаимосвязано. Кому не

знакомы явления, прямо связанные с космосом? Те же приливы. И не только в океане. Например, под влиянием Луны наша Москва каждые сутки поднимается и опускается на полметра. Возможно, такие приливы как-то сказываются и на живых существах... Воздействует на нас и магнитное поле Земли, которое, в свою очередь, испытывает большое влияние со стороны космических излучений. Короче говоря, было бы удивительно, если бы планета Земля не была как-то взаимосвязана с окружающим ее материальным миром.

А вот астрологи ведут речь совсем о другом! Им хочется уверить нас в том, что звезды заранее, уже в первый час появления человека на свет, определяют его судьбу. Только вдумайтесь в это! Получается, что человек не в состоянии отвечать за свои поступки, за свою судьбу. Ему, видите ли, так на роду предопределено!

В. МЕЗЕНЦЕВ: И таким образом как бы снимают с него и ответственность за свои поступки и обязанности перед обществом.

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Да, есть и такие люди. Они говорят: я и хотел бы изменить свою жизнь, но мне на роду написано то, что со мной происходит. После лекции в планетарии к нам нередко обращаются молодые люди, чаще девушки, с вопросами о влиянии небесных тел на человека. Спрашиваем: почему это вас интересует? Да как же, отвечает та или иная девушка, я замуж собралась. Я родилась в таком месяце, а жених мой — в другом. Подходим ли мы друг другу? На такой вопрос, бывает, и специалист по вопросам семьи и брака не даст ответа, а астрологи берутся предсказывать судьбу кого угодно. Не имея никаких знаний, они изображают из себя неких мудрецов, которым будто бы ведомы самые сокровенные тайны Вселенной. Шарлатанство чистой воды!

Что касается наших познаний связей «Космос — Земля», то, наверное, науке еще предстоит открыть тут много такого, о чем мы не знаем сейчас и что, возможно, позволит в будущем видеть, какое влияние могут оказывать на человека различные космические явления. Не исключено, что будут открыты какие-то новые материальные поля, которые объяснят многие загадочные, необыкновенные явления, на которых сейчас спекулируют мистики.

В. МЕЗЕНЦЕВ: Выражение «необыкновенное явление» звучит для материалистически мыслящего человека несколько странно; разве может происходить в природе что-либо необыкновенное?

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Говоря о явлениях «необыкновенных», мы подразумеваем исключительное, редкое явление, которое правильно назвать «необычным». Согласитесь, что в природе, в обыденной жизни, даже в научных исследованиях мы нередко сталкиваемся с явлениями, причину которых пока не в состоянии объяснить. Убедительное свидетельство тому — вся история науки. Уже в наш век мы не только изучили естественные причины многих «необыкновенных» явлений, но и научились активно воздействовать на многие природные процессы, которые еще недавно представлялись таинственными. Только время нужно, чтобы познать материальные причины тех природных процессов, которые пока еще представляются нам непонятными, загадочными.

В. МЕЗЕНЦЕВ: Знаменитый математик и философ древности Пифагор говорил своим ученикам: «Ничему не удивляйтесь!» Согласитесь, что он неплохо знал природу человеческого восприятия. У каждого из нас в сознании закреплены определенные представления об окружающем. Любое знакомое явление воспринимается обычно. Но вот человек сталки-

вается с фактом, который нарушает его представления. Причем этот факт столь необычен, что кажется ему необъяснимым. А между тем все кроется во внешней загадочности явления, в его редкой форме.

Например: над городом идет красный дождь. Высоко в воздухе появляются танцующие фигуры неведомых зверей. Рядом с солнцем возникают два его близнеца... Каждое из таких «видений» способно и утратить человека и направить его мысли к «всвышнему», если он не знает естественных причин феномена и склонен к тому, чтобы воспринимать все неизвестное в мистическом духе, с суеверным страхом.

Но можно поступить и иначе — поискать «необыкновенному» явлению природы научное объяснение, узнать, какие естественные причины его вызвали. Скажем, тот же «кровавый» дождь. В прошлом такие осадки вызывали ужас суеверных людей. «Небо плачет кровавыми слезами за наши грехи!» — с полным убеждением говорили они и устремлялись в церковь. Для мистически настроенного человека природа всегда держит в запасе что-нибудь удивительное, поражающее. Как, например, случай, который произошел летом 1940 года в деревне Мещеры Горьковской области. Стоял жаркий день, разразилась сильная гроза. И с первыми каплями дождя на землю посыпались... серебряные монеты времен Ивана IV! Когда дождь прошел, колхозники собрали около тысячи старинных монет, упавших с неба. Удивительно? Конечно. Необъяснимо? Нет. Мы знаем, что «чудотворцем» тут был смерч. Прошедшие ливни размывли грунт, и на поверхности оказался зарытый в землю сосуд с монетами. Возникший при грозе смерч, проходя над этим местом, поднял их высоко в воздух. Позднее, когда воздушный поток потерял свою силу, они вместе с каплями дождя упали на землю.

Столь же просто объясняются и цветные осадки. Ветер поднимает иногда в воздух пыль различной окраски. Смешавшись с дождевыми каплями, она порождает «чудо» — с неба вдруг выпадает оранжевый, желтый, а иногда и «страшный», красный дождь. Много красноватой пыли поднимают в воздух ураганные ветры, пронсящие над пустынями Северной Африки, — они и доносят «чудесные» дожди до Европы...

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Не менее поражают суеверных людей различные оптические явления, происходящие в атмосфере Земли. Скажем, те же миражи. Вы привели известный пример, когда у берегов Сицилии на восходе солнца над морем нередко появляются в воздухе люди-великаны, гигантские деревья и животные. Жители тех мест уже привыкли к таким картинам. Но в других местах такие «видения» вызывают вспышки суеверия. Вот что, например, произошло однажды в США. В 1878 году из форта Авраам-Линкольн вышел отряд солдат. А затем оставшиеся увидели его... марширующим по небу! Все заговорили о том, что отряд погиб, они видят души солдат. Через несколько дней этот отряд и в самом деле был уничтожен в одном из военных столкновений с индейцами. Случайное совпадение двух эпизодов надолго запомнилось людям и укрепило их веру в потусторонние силы, в небесные предзнаменования грядущих событий.

В. МЕЗЕНЦЕВ: Теперь-то мы хорошо знаем, что картина, подобная той, что увидели солдаты из форта Авраам-Линкольн, — не что иное, как обыкновенный мираж, но разве миражи не могут и в наши дни питать религиозные взгляды и чувства у иных людей?

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Разумеется, могут. Особенно сильно поражают воображение человека такие явления. в основе

которых лежат еще неизвестные ему формы движения материи. Электрические и магнитные поля, радиоволны, космические частицы, радиоактивные излучения существовали в природе и до того, как человек открыл их и исследовал. Они не только существовали, но и вызывали ряд явлений, которые человек мог наблюдать непосредственно. Вспомним хотя бы огни Эльма на мачтах кораблей, поражавшие воображение моряков, а в действительности представляющие собой безобидный электрический разряд, проявление атмосферного электричества. Суеверные люди искренно верили, что причины непонятных явлений лежат вне материи.

В. МЕЗЕНЦЕВ: У Маркса есть мудрые слова о том, что слабость всегда спасалась верой в чудеса. Проще согласиться с мыслью о чудесном, чем найти научное объяснение явлению, которое поражает человеческое воображение своей кажущейся необычностью. Многие непонятные явления природы при желании всегда можно объяснить с позиций мистики, суеверия, религиозной веры. А если человек заранее готов встретиться со сверхъестественным, верит в него, то каждое неизвестное явление природы предстает перед ним чудесным, «потусторонним». И тогда он падает в объятия религиозного мировоззрения.

К. ПОРЦЕВСКИЙ: По существу, вся история религии — это история чудес. Недаром Ватиканский собор 1870 года постановил: «Тот, кто утверждает, будто чудес не может быть и, следовательно, все рассказы о чудесах, даже те, что содержатся в священном писании, должно рассматривать как басни и мифы; что в подлинности чудес нельзя с уверенностью убедиться и происхождение христианской религии не может быть достаточно убедительно доказано, — да будет предан анафеме!»

В. МЕЗЕНЦЕВ: В те далекие времена религиозные вожди еще могли предавать анафеме всех, кто отказывался верить в библейские чудеса. Ныне это уже делать бессмысленно. Но я хочу подчеркнуть вот что: весь путь человеческого познания отмечен одной особенностью — от незнания к знанию мы идем через загадочное, кажущееся порой даже непостижимым разуму. Давно прошли времена младенчества человеческого общества. Мы знаем несравненно больше наших предков. Многие из того, что удивляло людей в прошлом, казалось бесспорно чудесным, стало обычным, естественным. Даже суеверного человека сегодня не пугает затмение солнца; он уже знает причину этого явления. Но природа неисчерпаема! Соприкасаясь с ее бесконечным многообразием, наши недостаточные знания, а еще чаще чувства нередко уводят нас в мир «необъяснимого». Нельзя забывать о том, что все «чудесное» в природе имеет отношение не только к уровню наших знаний, но и в немалой степени к области психики, наших восприятий. Французский философ Дидро резонно сказал: «Чудеса — там, где в них верят, и чем больше верят, тем чаще они встречаются».

К. ПОРЦЕВСКИЙ: Что ж, при желании любой из загадочных, непонятных случаев можно записать в разряд чудесных, содеянных не без помощи небесных сил. Но ведь этому верят без всяких доказательств. Между тем стоит внимательно исследовать редкостный, необычный случай или явление — и прояснится их земная природа, причем, может быть, даже откроется нечто новое, до того неизвестное науке. И «чудо» исчезнет!

Так пожелаем же, чтобы каждый молодой человек, вступающий в жизнь, именно так относился к любому «чуду». И обогащал свой разум научными познаниями.

ШАХМАТЫШАШКИШАХМАТЫШАШКИШАХМАТ

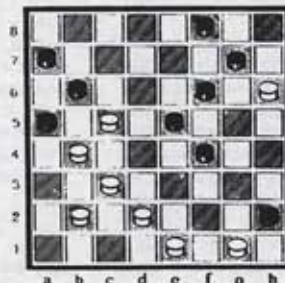

Под редакцией
мастера
Виктора
КРАМАРЕНКО

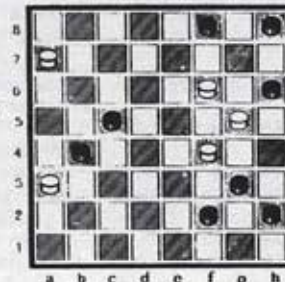
Если предложение ничьей не будет принято (ответный ход равносильно отказу от ничьей), тот же участник может вторично предложить ничью лишь после того, как другой участник использует это свое право.

Четвертый тур

1. В. Зиновьев (п. Ола Магаданской области)

2. В. Муляр (с. Авратин Хмельницкой области)

Обе задачи публикуются впервые

В обеих позициях белые начинают и выигрывают.

Последний срок отправления ответов на задания четвертого тура — 15 ноября (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку «Шашечный конкурс-83. 4-й тур».

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора
ЧЕПИКОВО

В четвертом туре нашего шахматного конкурса предлагаем читателям решить задачу и этюд. В начальной позиции трехходовой задачи обращает на себя внимание связка черного ферзя и три пешки черных, готовые развязать свою сильнейшую фигуру. Может быть, на этом и построен авторский замысел?

В этюдной позиции у черных достаточная компенсация за ферзя. Кроме того, не видно, как воспрепятствовать превращению черной пешки b2. А нельзя ли использовать стесненное положение черного короля?

Четвертый тур

Белые: Kрb7, Фh5, Ca7, Cc6, Kd3, п. e4 (6).
Черные: Кра5, Фg5, Cc7, Kg1, пп. a2, d6, e6, f3, f6 (9).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Kрd1, Фd6, Kd3 (3).
Черные: Кра2, Ла7, Ca1, пп. b2, b3, c7 (6).
Белые начинают и выигрывают (2 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «Шахматный конкурс-83. 4-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 ноября (по почтовому штемпелю).

АНОНИМНЫЕ ЗАКАЗЧИК

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

Месяца через три в их детдоме снова появился дядя Коля. Привез очередную партию ребятшек. Наткнувшись в коридоре на Корнилова, он круто развернулся и хотел было улизнуть, боялся, наверное, что Игорь спросит его про аккордеон. Но Корнилова интересовало совсем другое. Набравшись смелости, он окликнул дядю Колю, и тот нехотя остановился.

— Новеньких привезли?— как ни в чем не бывало спросил Корнилов.— Ленинградцы есть?

— Есть. Трое.

— А те? Что по дороге прошлый раз сбежали?

Эвакуатор усмехнулся, обнажив свой золотой зуб.

— Вон тебя кто интересуется... Кентора блатная. Взяли их на станции с ворованными вещами. Теперь уж их не детский дом ожидает. Другой дом, паря.

— Всех троих взяли?— спросил Корнилов, и этим выдал себя дяде Коле с головой. Тот внимательно, словно впервые увидел, оглядел Корнилова злыми, с прищуром глазами и подмигнул по привычке.

— Здоровычком, значит, ихним интересуешься? Ну, смотри, паря, смотри. Не столкнись с ними где-нибудь нос к носу.— Он, не прощаясь, повернулся спиной и пошел по своим делам.

...Через два дня, когда дядя Коля уже уехал, в детский дом пришел милиционер и долго сидел в кабинете у директора. Потом туда вызвали Корнилова.

Директриса Викторина Ивановна молча показала ему на стул. Корнилов сел.

— Этот, что ли?— спросил милиционер.

Викторина Ивановна кивнула.

— Мальчик, у тебя оружие есть?— спросил милиционер.

— Какое оружие?— глядя в пол, ответил Корнилов.

— Огнестрельное,— рассудительно сказал милиционер.

— Из которого стрелять можно. Наган, например. Или обрез. А может, мелкокалиберка.

— Нету у меня ничего.

— А говорят, есть.

— Кто говорит?— тихо спросил Корнилов, холодея от мысли о том, что могла проговориться Зоя.

— Люди говорят. Письмо написали в милицию; что ты пистолет прячешь. Зачем он тебе, мальчик? Фашист от наших мест далеко, это в Ленинграде мог бы пригодиться, а здесь ни к чему.— Милиционер говорил рассудительно, по-доброму, словно угадывая мысли Корнилова. Слезы против воли вдруг закапали у него из глаз, и он уже хотел все рассказать, но испугался: а вдруг дядя Коля соврал ему и он все-таки не промахнулся?

— Ну ладно, ладно,— ласково сказал милиционер,— не плачь. Все вы, дистрофики, такие чувствительные...

Он, как и тот подонок, назвал Корнилова дистрофиком, но столько сочувствия было в его словах, что теперь уже Игорь разревелся по-настоящему.

— Ну ладно, ладно.— Милиционер встал, положил ему на плечо тяжелую руку.— Не реви, не реви. Отдохнешь у нас на свежем воздухе, на шанежках, да на молочке и повеселеешь. А обыск я все же сделать должен,— обернулся он к директрисе.— Пускай мальчик покажет, где постель и вещи.

— Вещи в бельевой хранятся,— сказала Викторина Ивановна.

— Ну, вот и хорошо.

Они пошли вместе, и милиционер дотошно прощупал матрац и подушку на койке Корнилова, заглянул под кровать, в тумбочку.

В бельевую позвали и Зою—вещи-то были их общие. Викторина Ивановна сама открыла чемоданы, разворачивала перед милиционером каждую вещичку. Его внимание привлек набор десертных серебряных ножей. Ручки у них были расписаны черной, да и вообще ножи походили на маленькие кинжалы.

— Это уже не порядок,— сказал милиционер.— Это холодное оружие.

— Для фруктов ножички,— Викторина Ивановна взяла один, любовно провела по рисунку длинными

пальцами, потом легко согнула лезвие.— Видите? Им и курицу не зарежешь. Серебро. Гнется.

— Под вашу личную ответственность,— насупившись, сказал милиционер и ушел, на прощание взъерошив еще только начавшие отрастать после стрижки в санпропускнике Игоревы волосы.

Они хотели укладывать все вещи назад, в чемодан и узлы, когда Зоя вдруг сказала:

— Давай разложим отдельно. Твои и мои. Так проще.

Корнилов даже не нашелся, что ответить. Стоял соляным столбом и смотрел то на Зою, то на Викторину Ивановну. Ему казалось, что раздели они сейчас весь свой багаж и жизнь пойдет совсем по-другому. Тоже разделится, разбежится по сторонам. И дружба разделится.

— А надо ли, Зочка?— спросила директриса.

— Так удобнее,— сказала Зоя.— Игорева мама обещала разыскать моего дедушку. А может, папа найдется. Вдруг срочно придется уезжать?

Викторина Ивановна сердито передернула плечами.

— Ну, делитесь, делитесь.— И, вынимая из узла пальто или платье, спрашивала:— Это чье?

— Мое,— говорила Зоя. И правда, почти все вещи были из имущества ее тетки.

— Мое. Мое. Мое,— монотонно звучал Зоин мягкий голосок.

— Да твоего-то здесь есть что-нибудь?— рассердилась Викторина Ивановна на Корнилова.— Стоишь, как истукан. Язык проглотил?

— У меня в том чемодане коллекция марок,— показал Корнилов на большой коричневый чемодан.— И чемодан мамин.

— Чьей мамы?— горестно спросила директриса.— Она ведь теперь у вас общая. Она ведь и Зочку удочерила.

— Моей мамы,— ожесточился Корнилов. И вспомнил еще про большой микроскоп, лежащий в одном из тюков. Микроскоп, правда, был из Зоинной комнаты, но уж очень ему нравился. Он и заснул-то его тайком от матери.— Микроскоп еще мой! И мамин платок пуховый.— Больше вспомнить он ничего не мог и так и остался бы со своими марками и микроскопом, завязанными в материнский пуховый платок, если бы Викторина Ивановна не ожесточилась и, уже не спрашивая Зою, не покидала на его сторону кое-что из вещей. Потом, когда Зоя через три месяца действительно уехала, разысканная дедом, эти тряпки Корнилову сильно пригодились — весной было очень голодно, и он время от времени ходил с кем-нибудь из своих новых друзей-детдомовцев в соседнюю деревню, выменивая вещи на теплые караваи хлеба, на большие замороженные круги молока — самого вкусного лакомства детдомовской поры.

Уехала Зоя, и распалась их временная семья. Осталась только до сих пор хранимая Корниловым справка: такие-то имярек, брат и сестра, направляются в эвакуацию из города Ленинграда...

И на всю жизнь запомнил еще Игорь Васильевич урок с маленьким револьвером в замшевом футляре. «Маленькая красивая игрушка, а ведь на волосок, на волосок я был от того, чтобы совершить непоправимое»,— часто думал он, особенно остро переживая эту давнюю историю, когда приходилось брать какого-нибудь молодого преступника, имевшего при себе оружие...

...Приехав домой, Корнилов сразу же позвонил в управление. Белянчиков дождался его звонка.

— С Колокольниковым ничего не прояснилось?— спросил Игорь Васильевич.

— Ничего. Провели работу на трассе, на Финляндском. Никаких чепе.

— А как с поисками автомашины?— вздохнув, поинтересовался Корнилов.

— Есть идеи, Игорь Васильевич. Завтра доложу.

— Хорошо бы вместо идей была машина,— грустно пошутил полковник.— Ты, Юра, валяй домой. Отдыхай. Завтра жду тебя к половине девятого...

Белянчиков позвонил Корнилову в первом часу ночи. На Васильевском острове, в подъезде одного из

старых домов, нашли тяжелораненого Колокольникова. Состояние у Леонида Ивановича было критическое — кирпичом разбита голова. Большая потеря крови.

— Сколько же он там пролежал, в этом подъезде?— сердито спросил Игорь Васильевич.

— Врачи говорят, не менее шести часов. Подъезд темный. На эту лестницу всего две квартиры выходят. Один из жильцов поздно вечером собаку прогуливал, она и привела его к потерпевшему.

— И никаких следов?— спросил полковник, понимая, что за шесть часов там все затоптали.

— Пока никаких. Служебную собаку пустили, да какое там...

«Эх, Леонид Иваныч!— с горечью подумал Корнилов, вешая трубку.— Не послушал ты моего совета...»

12

Поиски автомобилиста, сбившего человека, Корнилов назвал «операцией просеивания», а Белянчиков окрестил ее «испытанием на выживание»; кроме станций технического обслуживания, «левым» ремонтом автомашин занимались в таксомоторных парках, в больших кооперативных гаражах, и сотни «умельцев» в городе и области работали у себя дома.

— Если не попаду в больницу после этой проверки,— мрачно сказал Юрий Евгеньевич Бугаеву, с силой хлопнув ладонью по огромной кипе бумаг, висевших на его столе,— значит, я еще здоровенький!

— Чего это ты расхныкался?— без особого сочувствия к жалобе своего товарища спросил Бугаев. Он заскочил в отдел всего на полчаса — справиться, нет ли каких-нибудь новых данных об известных угрозыску взломщиках. Никаких особых силовиков ему не преподнесли. Добавили только к трем «специалистам» по сейфам, которых он сейчас разрабатывал, еще одного — три месяца назад вышедшего из заключения Евгения Афанасьевича Жогина, пятьдесят второго года рождения, бывшего слесаря-инструментальщика судостроительного завода. Жогин получил срок за то, что участвовал в ограблении заводской кассы. Собственно, участие его заключалось только в том, что он изготовил первоклассные инструменты для вскрытия сейфа. Но эта деталь больше всего и заинтересовала Семена. И сейчас он сидел за своим свободным от бумаг стареньким письменным столом и, рассеянно слушая жалобы Белянчикова, ожидал звонка из управления исправительно-трудовыми учреждениями. Ему не терпелось узнать, в какой колонии отбывает срок заключения этот Жогин. А вдруг вместе с Лёвой Буром?

— Пришлось поднять всех участковых инспекторов,— продолжал жаловаться на свою судьбу Белянчиков.— Сотни по две дружинников в каждом районе привлекли. Я уж не говорю о том, что сам объехал станции обслуживания и крупные гаражи...

— Какая самоотверженность,— притворно вздохнул Семен.— Ты, наверное, не высыпался?

Юрий Евгеньевич, привыкший за долгие годы к иронии Семена, никак не реагировал на его замечание.

— На станцию техобслуживания преступник, конечно, не явился?— поинтересовался Бугаев.— И в другие государственные учреждения, где могут отремонтировать машину, тоже не заглядывал?

— Зря ехидничаешь,— спокойно отозвался Белянчиков.— В государственном автохозяйстве всегда найдется любитель «левых» заработков и отремонтирует машину частнику где-нибудь в укромном уголке или прямо за оградой. И поставит ему украденные у государства запчасти.

— Логично, логично,— сказал Бугаев и, вздохнув, покосился на молчавший телефон. Времени у него, так же как и у Белянчикова, было в обрез: Корнилов дал им обоим на поиски трое суток.

— Кстати, Женя,— вдруг оживился он,— а ты проверял конторы Госстраха?

Белянчиков рассмеялся.

— Ты считаешь, что, угробив человека, водитель

Продолжение. Начало в №№ 14—17.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

поедет в Госстрах требовать компенсации за помятый бампер?

— А что? Оказался какой-нибудь жлоб. Я, например, знаю такой случай...

Что это за случай, Бугаев не успел рассказать. Зазвонил телефон. Он схватил трубку. Сказал, сдерживая нетерпение:

— Майор Бугаев.

Это был звонок, которого он ожидал.

— Беру бумагу.— Бугаев вытащил из кармана блокнот.— Записываю.— Он писал быстро, блокнот скользил по полированной поверхности стола, и Семен прижал его локтем. Время от времени он подавал реплики:— Так, так, так. Очень интересно...— Наконец, сказав свое любимое «Спасибочки, девонька, дай бог тебе хорошего жениха», он положил трубку и посмотрел на Белянчикова повеселевшими глазами.

— Имейте шанс, Юра! Этот Жогин рубил лес в Архангельской области вместе с Лёвой Буром.— Он стремительно поднялся со стула, засунул блокнот в карман.— Привет труженикам застоя!— Он помахал Белянчикову рукой.— Ищите да обрящете! А я поехал на Васильевский. Милый моему сердцу Евгений Афанасьевич обитает на Пятнадцатой линии...— Около дверей Бугаев остановился.— А ведь Колокольникова тоже на Васильевском обнаружили...— От Соловьёвского переулочка до Пятнадцатой линии...— начал Юрий Евгеньевич.

— Не так уж и далеко.— прервал его Бугаев.— Уж не думаешь ли ты, что преступники выжили из ума и прячут жертвы у себя под кроватями?— Он усмехнулся.— Да, длительное чтение докладных, написанных инспекторами ГАИ и участковыми, губило и не таких, как ты, титанов мысли.

Белянчиков погрозил ему кулаком.

...Из сотен рапортов и справок Белянчиков отобрал прежде всего те, где речь шла о ремонте белых «Жигулей». Таких случаев оказалось несколько, но ни на одном автомобиле не обнаружили повреждений, характерных при наезде на человека.

Белянчиков не исключал и того, что человек, совершивший наезд, просто поставил свои «Жигули» в гараж или накрыл брезентом и ждет, когда улягутся страсти. Тут-то и оказали неоценимую помощь привлеченные к операции дружинники — вместе с милицией они в присутствии владельцев проверили все индивидуальные гаражи, все открытые и закрытые автостоянки, попросили владельцев показать машины, укрытые брезентом или пленкой. В двух гаражах-сарайчиках давно не заглядывавшие туда владельцы с изумлением обнаружили отсутствие своих автомобилей. В районных управлениях завели уголовные

дела об угоне. Но украдены были «Запорожец» и «Волга»...

Вскоре после ухода Бугаева в кабинет заглянул Корнилов.

— Ну что, оперативные данные не радуют?— спросил он, увидев скучное лицо Белянчикова. Они работали вместе почти двадцать лет и вне служебной обстановки да и в управлении, оставаясь наедине, всегда переходили на «ты».

— Не радуют,— кивнул Юрий Евгеньевич.— Кажется, все лазейки перекрыли...— Он показал на стул:— Может, присядешь?

Но Корнилов не сел. Вынул из кармана сигареты, закурил и прислонился к столу, за которым только что сидел Бугаев.

— Все лазейки не перекроешь. У нас не хватает милиционеров к каждой лазейке приставить.

— Мы дружинников привлекли.

— И дружинников не хватит,— грустно сказал Корнилов.— Какие же у тебя идеи?

— У Бугаева идея. На первый взгляд боевая,— проворчал Белянчиков.— А я подумал: стоит использовать.

— Что же за идея у нашего Сенечки?

— Поработать с Госстрахом. С теми инженерами, которые делают калькуляцию повреждений, прежде чем страховку выплачивать... Корнилов засмеялся.

— Бугаев всерьез считает, что есть люди, предпочитающие сесть на скамью подсудимых, чем лишиться страховой премии за вмятину на радиаторе?

— У него даже есть на этот случай какая-то байка. Только он не успел мне ее рассказать. Выяснил, что вместе с Лёвой Буром отбывал наказание некто Жогин. Помнишь, года три назад на судостроительном кассу брали?

— Корнилов кивнул.

— В тот раз этот Жогин весь инструмент изготовил. Вот Семен и рванул по адресу. Справки наводит...

— Посмотрим, чем он нас порадует,— сказал Корнилов.— Значит, Госстрах?— Теперь уже в его словах не было иронии.— Госстрах...— повторил он.— Можно и проверить. И с их специалистами посоветоваться. Через их руки столько битых машин проходит.

— А если предположить...— начал Белянчиков, но полковник не дал ему закончить фразу.

— А если предположить, что мы имеем дело с умным...— Корнилов поправился,— с хитрым человеком? Он вместо того, чтобы где-то тайком отремонтировать машину, разобьет ее еще сильнее?

— Да, я об этом же и хотел сказать!

Корнилов поднял руку:

— Тихо, Юра!— И продолжал, не замечая ставшего обиженным лица майора:— Но разобьет он ее, конечно, не особо рискуя. Тихонько наскочит на дерево. Или на фонарный столб... Вызовет инспектора ГАИ. Составят они акт. Потом и в Госстрах можно ехать.

— Не на дерево! Не на дерево!— запальчиво сказал Белянчиков.— Там свидетелей не будет, а ему лучше со свидетелями! Трудно, что ли, в городе в какой-нибудь грузовик воткнуться?

— Моя идея плодотворна?— спросил строго Корнилов, но глаза у него смеялись. Теперь он заметил, что Белянчиков обиженно хмурится.— Наша идея, Юра. Наша идея плодотворна?

— Плодотворна,— все еще хмурясь, ответил майор, но голос у него отмяк, потеплел.— А Бугаев узнает— скажет, что это его идея. Дескать, я про Госстрах подсказал, вы от Госстраха танцевать начали и наткнулись на плодотворную идею.

— И еще назовет это по-научному — ассоциативное мышление,— улыбнулся Игорь Васильевич.

Когда полковник ушел, Белянчиков позвонил в ГАИ и попросил дать ему подробную сводку об автоавариях в городе и области за третье, четвертое и пятое августа. «Тут подстраховаться нелишне,— подумал он.— Этот деятель мог и переждать день-два».

Потом он попросил дежурного по угрозыску обзвонить межрайонные конторы Госстраха, запросить сведения от них.

«Даст ли улов новая сеточка?— подумал он.— Может, еще раз перечитать все эти справки?— Белянчиков неприязненно посмотрел на ворох бумаг.— Я в них искал одно, а другое мог и пропустить!» Он взялся за верхний листок и тут же бросил его. Подумал о конторах Госстраха. Не раз приходилось ему слышать сетования авто владельцев на то, как долго иногда приходится дожидаться результатов оформления аварии в этих конторах.

«Надо послать туда людей,— решил Белянчиков.— Обзвонить управления УВД, где расположены эти конторы, и чтобы завтра до двенадцати все сведения были у меня».

Юрий Евгеньевич взялся за телефонную трубку и поморщился, подумав о том, сколько новых бумаг прибавится на его столе. И, как окажется, совсем ненужных. Но не мог же Белянчиков знать, что сводка из ГАИ, которую положит перед ним секретарь управления уголовного розыска Варя Алабина, едва он закончит последний разговор, сразу выведет его на след преступника...

Еще несколько дней тому назад, когда Колокольников рассказал Корнилову о происшествии на пятьдесят пятом километре и события не приобрели такой

драматической окраски, Юрий Евгеньевич, просматривая сводку происшествий за третье августа, был приятно удивлен, что на дорогах города и области произошло так мало аварий. Всего три. В Киришах пьяный водитель на самосвале сломал забор у собственного дома, на Московском проспекте государственная «Волга» сбита женщиной. Женщина была доставлена в больницу «с легкими телесными повреждениями». И на Светлановской площади столкнулись у светофора три легковых автомобиля. Никто из водителей не пострадал. Ни одно из происшествий не заинтересовало тогда ни Белянчикова, ни Корнилова: их внимание было приковано к Приморскому шоссе. Теперь Белянчикова сразу привлекла авария на Светлановской площади.

Три автомашины. Государственная «Волга», «Жигули» третьей модели и «Жигули» первой модели... Белянчиков выписал все данные. Номера машин, фамилии водителей: Кадымов, Осокин и Вязигин. Аварии оформил автоинспектор лейтенант Волков из Выборгского ГАИ.

«Интересно, разбор происшествия в ГАИ уже провели? — подумал Белянчиков. — Если провели, так можно уже сегодня кое-что выяснить...»

Он снова взялся за телефон. Позвонил дежурному ГАИ Выборгского района. Номер был занят. Он, раздражаясь, набирал снова и снова. «Что у них там за болтун дежурный?» Белянчиков уже хотел звонить начальнику, когда наконец в трубке раздались длинные гудки.

— Дежурный Выборгского ГАИ, — доложил спокойный баритон.

— Майор Белянчиков из ГУВД беспокоит, — сказал Юрий Евгеньевич, сдерживаясь, чтобы не сделать замечание. — Вы не могли бы сказать, где сейчас лейтенант Волков?

— Волков у телефона, — доложил баритон.

«Значит, все будет в порядке», — подумал Белянчиков. Он верил в удачу и в хорошее предзнаменование.

— Лейтенант, шестнадцатого на Светлановской площади не вы оформляли столкновение трех машин?

— Так точно. Я оформлял.

— А разбор проводили?

— Проводили. Капитан Ивакин с ними разбирался.

— А вы присутствовали на разборе?

— Был, товарищ майор. — В голосе Волкова теперь явно чувствовались недовольные нотки. — Один из нарушителей пожаловался на мою необъективность. Теперь, значит, и к вам обратился! Только чего же он в уголовный розыск?

— Вот что, Волков, — сказал Белянчиков, — сейчас я позвоню вашему начальству, попрошу, чтобы вас подменили на дежурстве, а вы заберите все документы по аварии и пулей ко мне. Триста тридцать восьмая комната. Майор Белянчиков. Запомнили?

— Запомнил, — хмуро отозвался Волков. — Только начальник уже домой уехал. Комната разборов опечатана... — Он явно волновался, не понимая, что еще мог написать на него молодой усатый пижон. А в том, что это были его происки, лейтенант не сомневался.

Белянчиков почувствовал состояние инспектора и сказал, произвольно переходя на «ты»:

— Да не паникуй ты, не паникуй. Никто на тебя не жаловался. У нас тут свой интерес, мы на твою помощь надеемся...

Минут через сорок инспектор Волков уже предстал перед Юрием Евгеньевичем. Это был высокий, широкий в плечах лейтенант с красивой копной русых волос.

— Ну, здравствуйте, Волков! — улыбаясь, поднялся навстречу инспектору Белянчиков. — А я по телефону разговариваю и думаю: какой баритон красивый.

— Да что вы, товарищ майор... — смутился Волков. — Напугали вы меня. Я чуть было не осип.

— Все протоколы с вами? — переходя на деловой тон, спросил Белянчиков.

Лейтенант кивнул.

Они сели. Волков достал из «дипломата» тоненькую серую папку, положил на стол.

«Вот как мы теперь живем, даже инспектора ГАИ у нас с «дипломатами» щеголяют», — подумал Юрий Евгеньевич. — Хорошо, хоть во время дежурства на перекрестках без них обходятся».

Волков докладывал обстоятельно, с подробностями. Юрий Евгеньевич лишь изредка перебивал его, уточняя детали.

...Все три машины ехали по проспекту Энгельса, в направлении к центру города. Черная «Волга», белые «Жигули» и «Жигули» темно-синие.

— Больше всего, товарищ майор, белый «Жигуленок» пострадал. Тот, что в «коробочку» попал. Он и виноват больше — надо дистанцию соблюдать. Тем более когда к перекрестку подъезжаешь...

Белые «Жигули», отметил Белянчиков. Еще одна ниточка.

— Дождя не было?

— Нет. Дождь ночью прошел. А с утра солнышко припекало... Асфальт сухой.

— Как вели себя водители?

— Один горлопан попался. На синих «Жигулях». Вязигин. И пострадал не меньше всех.

— А этак... — Белянчиков пробежал глазами протокол. — Осокин? С белых «Жигулей»?

— Расстроился очень. Лица на нем не было. В металлолом, сказал, мою карету теперь. Да это с пылу с жару, как говорится... Я осматрел: у него сзади лонжероны даже не пошли. Поменяет левое крыло, крышку багажника...

— А спереди?

— Спереди посылнее досталось. Своим ходом он уже уехать не смог. Его водитель «Волги» на буксир взял.

Белянчиков внимательно перечитывал список поврежденных белых «Жигулей» и «Волги». Как будто все совпадало. «Но точно скажет экспертиза, — подумал он. — Если только машины уже не отремонтировали. «Жигули» — то вряд ли, а вот государственную «Волгу» могли починить».

— Все произошло у вас на глазах?

Волков огорченно развел руками:

— Я одного нарушителя воспитывал в это время. Тут же, на перекрестке. Сначала услышал, а уж потом увидел, товарищ майор. А в чем дело, если не секрет?

— Не секрет. Ищем белые «Жигули», сбившие человека на Приморском шоссе.

Волков кивнул:

— Слышал. Была такая ориентировка.

— Ничего не показалось вам странным в этой аварии?

— Да нет. Чего ж тут странного? В нашем деле каких только аварий не насмотришься, — ответил инспектор и задумался, припоминая тот яркий солнечный день и гулкий удар от столкновения автомашин.

— А на что жаловался этот Вязигин? Какие у него претензии?

— Все шумел: «Так резко только пьяные тормозят!»

— Значит, он на Осокина жаловался?

— Я ж вам докладываю, товарищ майор, он на всех жаловался. И на меня тоже, — сердито сказал инспектор. Видимо, это последнее обстоятельство казалось ему особенно несправедливым.

— Ну, а водитель «Волги»?

— Кадымов? Его вины нет. Спокойно остановился у светофора. Резкого скрипа тормозов я не слышал.

— Но он-то что-нибудь говорил на разборе?

Инспектор снова задумался.

— А ведь знаете, товарищ майор, Кадымов очень важную фразу сказал. — Волков пристально смотрел на Белянчикова. — Очень важную. — И Юрий Евгеньевич почувствовал, что инспектор начал о чем-то догадываться. — Он сказал, что, увидев желтый, начал тормозить еще издалека. И несколько секунд стоял у светофора. А белый «Жигуленок» ехал далеко сзади. Кадымов в зеркало его видел. И видел, что он скорость скинул, притормозил. И все-таки стукнул! «Деликатно врезался», — сказал Кадымов.

— Насколько я понимаю, если бы Осокин перед светофором скорость не сбавил, он бы сильно разбился? И «Волга» больше пострадала? Правильно ли я излагаю? — спросил Белянчиков.

— Все правильно, — согласился инспектор. — А если он хотел скрыть старые повреждения, то ему достаточно было и слегка тукнуться. Только если серьезную экспертизу провести...

— Вот об этом я сейчас и думаю, — сказал Белянчиков; он опять взялся за протокол. — Значит, Осокин Борис Дмитриевич, — записал он в блокнот, — проживает по улице Чайковского, дом одиннадцать, квартира тридцать четыре, преподает в институте. — Белянчиков задумался, вспомнив про Лёву Бура, про покушение на Колокольникова. «Что-то не очень пишывается кандидат наук в эту компанию».

...Когда утром следующего дня невыспавшийся, но, как всегда, прекрасно выбритый майор Белянчиков шел на доклад к своему шефу полковнику Корнилову, в его записной книжке имелась масса информации о Борисе Дмитриевиче Осокине. Информации самой разной — и непосредственно относящейся к событиям последних дней, и просто характеризующей с разных сторон кандидата, и даже вовсе не относящейся к делу. Например, сведения о том, что Осокин — хорошо известный в городе коллекционер значков.

Юрий Евгеньевич Белянчиков был человеком педантичным, о чем знал каждый его сослуживец по Главному управлению. И даже кое-кто из начальства в министерстве. Одни начальники считали его педантизм достоинством, другие — недостатком. И каждый в зависимости от этого и оценивал его. Кстате сказать, у самого Белянчикова мало было свободного времени, чтобы задумываться над такими сложными проблемами, как отношение начальства к его персоне. Да и педантом он себя не считал. И когда кто-нибудь из товарищей отпускаял по этому поводу очередную шутку, Юрий Евгеньевич огрызался. «У нас в управлении только один педант, — говорил он, — Сеня Бугаев. Каждую неделю в парикмахерской свою причёску подправляет». В одном Юрий Евгеньевич был уверен непоколебимо: люди, чье

плечо, а не локоть он чувствовал рядом постоянно, его сослуживцы, были одновременно и его друзьями. В том числе Сеня Бугаев, лелеющий свою красивую причёску, и полковник Корнилов, с которым Белянчиков спешил поделиться сейчас важной и даже не слишком важной информацией.

Самым серьезным фактом, установленным майором, было то, что гражданин Осокин имел дачу на Карельском перешейке, на берегу Финского залива. И ездил он всегда на свою дачу по Приморскому шоссе. Через Репино и Зеленогорск. На беленьких «Жигулях», попавших третьего августа в аварию на «чертовом пятачке» Светлановской площади. Юрий Евгеньевич не забыл рассказать Корнилову и о том, что поздно вечером прогулялся по улице Чайковского и заглянул под брезент, укрывавший одну из автомашин у дома одиннадцать, где проживал Осокин. Этой автомашиной, судя по номерному знаку, и оказались его «Жигули».

— В ГАИ, Игорь Васильевич, он все оформил, получил две справки: для ремонта и для Госстраха. И даже послал в Госстрах телеграмму с извещением об аварии, но оценщика еще не приглашал... Я, может, и поторопился, но попросил установить на улице Чайковского наблюдение. За машиной, конечно. Неровен час, приедет «техничка», увезет в ремонт.

— Не поторопился, — сказал Корнилов. — Но все, что ты узнал об этом Осокине... — Он в сомнении покачал головой.

— Да, в затылок не выстраивается...

— В затылок? — удивился полковник. — В какой затылок?

— В затылок к Лёве Буру и его компании. Не из той колоды этот Осокин.

Корнилов покачал головой:

— Скажешь тоже! А ведь и правда не выстраивается. Хотя с кем только возиться не приходится! Помнишь дело с литературным архивом? Тоже ведь ученый попался! Человек образованный — не всегда человек честный. Знаешь, кто это сказал?

— Не знаю кто, но правильно подметил.

— Достоевский. И еще сказал: «Наука не гарантирует в человеке доблести». Но тут я с ним, пожалуй, не соглашусь. Настоящая наука и доблесть — понятия неразделимые. Посмотреть бы на этого Осокина. Ты случайно фотокарточки его не достал?

Не то, чтобы полковник всерьез считал, что можно определить порочные наклонности человека, разглядывая его лицо, запечатленное на фотографии. Он не был последователем Ламброзо, хотя и разделял некоторые моменты его теории. Фотография помогла Корнилову понять человека, почувствовать какие-то черты его характера, представить, как он будет вести себя на допросе. И всегда, если к тому представлялась возможность, Игорь Васильевич перед тем, как встретиться с человеком лицом к лицу, старался повнимательнее присмотреться к его фотографии.

— Фотокарточки я его не достал. Но если тебе так хочется, можешь послать кого-нибудь в институт — он красуется на Доске почета. Важнее другое. — Белянчиков был явно доволен собой. — «Волга», в которую воткнулся Осокин, еще не ремонтировалась. Я позвонил в «Ленавоттранс» — это их машина — и все выяснил. И предупредил, чтобы они хранили ее как зеницу ока. В смятом виде. Так что экспертизу можно провести на высшем уровне.

— Человек на Доске почета, а мы экспертизу проводить будем, дознание. А если иметь в виду покушение на Колокольникова, то и санкцию на арест просить придется, — задумчиво сказал Корнилов.

— Ничего страшного.

Заметив недоуменный взгляд полковника, Белянчиков нахмурился.

— Я про экспертизу говорю. И про дознание. А там видно будет.

— Можно создать вокруг человека такой барьер подозрительности, что он не скоро очухается.

— Что ты предлагаешь?

— Начать со встречи. — Корнилов подумал и уточнил: — Начать с допроса. Я попрошу разрешение у следователя и допрошу Осокина. Кое-что, конечно, выясним предварительно. Но незаметно.

Белянчиков посмотрел на полковника и вопросительно.

— Ты займись «Волгой». Потолкуй еще с водителем. Попроси в научно-техническом отделе изучить характер повреждений, сделать снимки. Когда дойдешь до белых «Жигулей», то забот у нас уже будет меньше. А некоторые детали об Осокине я поручу выяснить Володе Лебедеву.

13

Судя по вывеске, в жэке был неприемный день. «Кто-нибудь да отыщется», — подумал Бугаев, открывая обитую светлыми рейками скрипучую дверь. В коридоре тускло горела единственная лампочка. Семен с трудом разбирал таблички, прибитые на кабинетах. Подергал закрытую дверь управляющего, потом бухгалтерии. Постоял, прислушался. За

дверью без таблички гулкие капли шлепали по воде. Семен дернул на всякий случай и эту дверь. Она тоже была на замке. «Вот люди,— рассердился он.— Даже на уборную зазор приделали». Он уже хотел уходить, когда услышал веселые женские голоса. Они раздавались из той части коридора, куда не доставал скулой свет лампочки. Бугаев осторожно двинулся по темному коридору, ориентируясь на голоса. Насупал ручку двери и вошел в большую светлую комнату. Около зеркала, висевшего на стене, темноволосая девушка примеряла красивый кружевной лифчик. Другая, стоявшая спиной к Семену, помогала застегнуть его.

— Здравствуйте, гражданки!— весело сказал Бугаев.

Темноволосая испуганно ойкнула и скрестила на груди руки. Вторая, повернувшись к Бугаеву, сердито сказала:

— Куда вы лезете! Не видите, что у нас обед?

— Не вижу.

— Маргарита, дай кофточку,— раздраженно попросила темноволосая.— Что же ты дверь не закрыла? Та, которую назвали Маргаритой, сдернула со спинки стула голубую трикотажную кофточку, протянула подруге. И обернулась к Бугаеву:

— Что вы стоите?! Раздетых баб не видели?

Она была постарше темноволосой. Крашеная блондинка лет тридцати, с бесцветным усталым лицом.

— А я по делу,— нахально сказал Бугаев.

Темноволосая уже натянула кофточку и застегивала пуговицы.

— У нас же обед,— сказала она примирительно и, заметив висевший на стуле лифчик, наверное, ее старик, схватила, спрятала за спиной и показала майору язык.

Бугаев подмигнул ей и озабоченно посмотрел на часы.

— Обед ваш давно кончился, уважаемые гражданки.— Он сказал это наобум, потому что, заходя в контору, не обратил внимания на часы обеда.

— Ну и что же, что кончился?— сказала Маргарита, усаживаясь за один из письменных столов.— Сегодня неприятный день.

— А у меня дело срочное. Вы кем, девоньки, тут служите?

— Вы скажите, что вам нужно?— скучным голосом спросила темноволосая.

— Справку получить. Устную,— сказал Бугаев.— От паспортистки или от управляющего. Я из милиции.

— Управляющего нет. А паспортистка— это я.

Бугаев прошел на середину комнаты. Показал на второй, пустовавший стол.

— Ваш?

Темноволосая кивнула. На столе лежало несколько полиэтиленовых пакетов не то с колготками, не то с чулками. Бугаев сел на стоявший у стола стул и показал паспортистке на ее место за столом:

— Присаживайтесь, не стесняйтесь, Галочка.

— Вот какие нынче милиционеры ловкие,— сказала Маргарита.— Не успел войти— уже «девоньки», «Галочка». Смотри, Галина, справка-то ему, наверное, только одна нужна— твой адрес и телефон.

— Какая догадливая,— продолжая разговор в том же шутилом тоне, так часто вырвавшимся у него, сказал Бугаев.— А разрешите поинтересоваться, кем вы здесь числитесь?

— Это моя подруга,— ответила за блондинку паспортистка.— Позвонила из «Пассажа»: французские лифчики дают. Взяла на мою долю.

— Прекрасное качество— дружба. Но дружба дружбой, а служба... Товарищ Маргарита, вам придется на время покинуть нас,— обратился он к блондинке.

Когда она ушла, Бугаев протянул паспортистке удостоверение. Галина мельком взглянула на него, спросила:

— Чего же вы хотите?

— В доме семнадцать, в сороковой квартире, живет Евгений Афанасьевич Жогин...

Паспортистка открыла сейф, достала большую потрепанную книгу. Молча полистала.

— Вот.— Она подвинула раскрытую книгу Бугаеву.— Жогин Евгений Афанасьевич, его жена Любовь

Андреевна... Жогин недавно вышел из заключения.

— Где они работают?

— Там написано.— Она показала на книгу глазами.

— У вас это получится быстрее,— попросил Бугаев.

Паспортистка, чуть хмуря брови, снова взялась за книгу.

— Жогин работает на судостроительном заводе. Слесарь. А жена— на фабрике Урицкого. На табачной.— добавила она.

— Участковый инспектор сейчас в отпуске,— сказал Бугаев, задумчиво разглядывая красивое лицо девушки. Она не выдержала его взгляда, опустила глаза, и губы у нее чуть шевельнулись, затаив удовлетворенную улыбку.— Порасспросите мне некоего. А вы, Галя, ничего о Жогинных сказать не можете?

— Любу я хорошо знаю. Она несколько лет у нас лифтером работала. А как мужа посадили— перешла на табачную фабрику. Чтобы зарабатывать побольше. Душевная женщина.— По-видимому, ей показалось, что одной душевности для Бугаева маловато, и она добавила:— Очень порядочный человек.

— Ну, а в последнее время как? После возвращения мужа?

— А что «как»?— Галя пожала плечами.— Я не знаю. Видела однажды Любу— по-моему, она счастлива.

— Жогин не пьет?

— Не знаю. К нам никаких сигналов не поступало. Не знаю, как вы считаете...— она подняла, наконец, глаза и посмотрела на Семена,— у себя в милиции, а Евгений— человек неплохой. Другого бы Люба ждать не стала.

— Аргумент серьезный,— согласился Бугаев.— Интересно, сейчас кто-нибудь из них дома?

— Вот уж не знаю. А вы позвоните.— Паспортистка показала на телефон.

— Нет, не буду их пугать звонками. Неожиданно интересней.— Он улыбнулся, и Галина покраснела. Наверное, вспомнила про свое переодвание.

...Блондинка Рита с независимым видом прогуливалась у входа в жэк. Увидев Семена, она проворчала:

— Наконец-то!— и ринулась в дверь.

«Никакая она не подруга,— подумал Бугаев,— обыкновенная спекулянтка. Имеет своих клиентов и приносит им дефицитное барахло. Кому домой, кому на службу. И обирает таких девах, как Галя».

...Жогин был дома. Когда Бугаев позвонил в квартиру, то услышал, как женский голос крикнул: «Женя, открой, звонят!» Неторопливые мужские шаги протопали в прихожей.

— Кто здесь?— Голос был не слишком ласковым.

— Майор Бугаев из милиции,— сказал Семен будничным тоном.

Дверь открылась. Хозяин хмуро смотрел на Семена, ожидая, что он еще скажет.

— Евгений Афанасьевич— это вы?

— Я.— Жогин был крупным мужчиной. На большой, с зальсинями голове пробивались блестящие седины. Он выглядел явно старше своих тридцати лет.

— Если у вас нет возражений, мне хотелось бы с вами поговорить...

— Это что-то новое в работе милиции,— сказал Жогин и посторонился, впуская Семена в прихожую.— Раньше меня не спрашивали...

— Кто там, Женя?— спросил из ванной женский голос.

— Из милиции.

По тому, как в ванной стало тихо, было понятно, что там насторожились.

— Проходите в комнату,— пригласил Жогин.

Комната была небольшой, метров шестнадцать, просто обставленной— трехстворчатый шкаф для одежды, большая тахта, круглый стол, накрытый бархатной скатертью.

Жогин молча показал Бугаеву на один из стульев и сел сам. Стул под ним жалостно скрипнул.

— Слушаю вас.— Он рассматривал Бугаева хмуро, исподлобья, словно пытался дознаться, с чем пожаловал сотрудник милиции.

— Вот мои документы.— Бугаев протянул Жогину удостоверение. Тот взял красную книжечку, внимательно прочитал все, что было там написано. Молча вернул назад.

— А вопрос у меня, Евгений Афанасьевич, один:

мне известно, что в колонии вы находились вместе с Львом Котлуковым...

Дверь в комнату осторожно открылась, и вошла невысокая худенькая женщина. Семену бросились в глаза ее красные руки— видно было, что она стирала.

— Здравствуйте,— сказала женщина. Семен встал, поклонился слегка.

— Здравствуйте.

— Люба, нам поговорить надо. Товарищ интересуется кое-чем...— сказал Жогин.

— Вот и поговорим.— Люба села на тахту и строго посмотрела на мужа.— Вы не стесняйтесь, разговаривайте. У нас с Женей секретов нет. Я про него все-все знаю.

— Да вопрос-то всего один у меня, Любовь...— Бугаев вопросительно взглянул на Любу.

— Любовь Андреевна.— подсказала она.

— А меня— Семен Иванович. Один вопрос, Любовь Андреевна. Несколько месяцев назад вышел из заключения Лев Котлуков по кличке Бур...

— Ах, этот...— сердито сказала Люба.

— И не прибыл, куда ему было предписано.— продолжал Бугаев.— Вернее, сбежал. Непорядок. Вот мы и пустились в розыски. Родственников у Котлукова нет. Решили спрашивать у тех, кто отбывал вместе с ним заключение. Евгений Афанасьевич, не давал о себе знать Лёва?

— Нет, не давал,— тихо ответил Жогин и посмотрел на жену.

— Ты, Женя, скажи, раз уж товарищ сам пришел,— попросила Люба и, повернувшись к Бугаеву, пояснила:— Сам-то он не появлялся, Котлуков. А дружок какой-то от него звонил.

— Не знаю, чего и делать,— вздохнул Жогин.— Мы уж с Любой решили уехать. На Север, что ли, завербоваться года на три. А там, может, отстанут.

— А кто же звонил?— осторожно, стараясь не выдать своего волнения, спросил Бугаев.

— Кто ж его знает? Мужик какой-то. По голосу— молодой. Привет от Лёвы передал...

— Чего хотел?

— Известно чего. Опять та же волюнка— инструмент, доля...— Почувствовав, что Бугаев ждет подробностей, Жогин продолжал:— Я отказался...

— Семен Иванович, соврал Женя им,— перебила Люба мужа.— Сказал, что взял уже один заказ.

— Иначе бы не отвязались. Да и так!— Евгений Афанасьевич махнул рукой.— Вчера снова звонили. Тот же голос. Уже грозить стал. Да я чувствую, товарищ начальник,— неожиданно всплыл Жогин,— звонит-то какой-то фригер. Который тюрьмы не нюхал. По телефону грозит. Посмотрел бы я на него, когда носом к носу бы встретились.

— Опять о том же просил?

— Ну да! Не решился я сразу отказать. Сказал— подумаю. А чего думать? Может быть, вы помогли бы нам завербоваться?!— Он с надеждой посмотрел на Семена.

— Когда он будет еще звонить?

— На субботу встречу назначил.

«Суббота, суббота... Послезавтра вечером... А сегодняшней день уже кончается,— лихорадочно думал Бугаев.— Позвонить Корнилову? По телефону всего не скажешь. Сюда ему приходит нельзя: вдруг они квартиру под наблюдением держат. Да вряд ли! Меня в случае чего еще можно будет отмазать».

— Семен Иванович,— спросила Люба,— ну как, можете вы нам?

— Конечно, поможем. Подумать только надо, как... Подумать... Он вам где встречу назначил?

— В ресторане «Адмиралтейский»,— хмуро сказал Жогин.

— Ну и хорошо...— рассеянно ответил Бугаев, думая о том, согласится ли Корнилов с его внезапно родившимся планом.— Давайте я для начала позвоню одному хорошему человеку.

— Пожалуйста.— Жогин встал.— Телефон у нас в прихожей.

Показав Бугаеву, где телефон, Евгений Афанасьевич вернулся в комнату и плотно затворил за собой дверь. Семен набрал номер Корнилова. И, на счастье, полковник оказался у себя...

Продолжение следует.

СМЕНА-84
ПОДПИСКА ПРОВОДИТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
ПОДПИСКА НА «СМЕНУ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ЕЕ ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ДО 31 ОКТЯБРЯ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО ВО ВСЕХ АГЕНТСТВАХ СОЮЗПЕЧАТИ И ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ, У НАШИХ ДРУЗЕЙ— ОБЩЕСТВЕННЫХ РАСПРОСТРАНТЕЛЕЙ. ПОДПИСАТЬСЯ МОЖНО ИНДИВИДУАЛЬНО И КОЛЛЕКТИВНО, С ПЕРЕРЫВОМ ДОСТАВКИ ЖУРНАЛА НА ВРЕМЯ ОТПУСКА, КАНИКУЛ ИЛИ ДЛИТЕЛЬНОЙ КОМАНДИРОВКИ.
Подписка проводится без ограничений. Подписная цена на год— 8 рублей 40 копеек. На полгода— 4 рубля 20 копеек.
В случае возникновения сложностей с оформлением подписки просьба обращаться в журнал «Смена». Пишите нам по адресу: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон 212-11-27.

Светлана ГЛАДЫШ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Что же это вы, сударыня, рычите? Сами виноваты. Придется потерпеть.

Человек в белом халате добродушно улыбается, выговаривая строптивой пациентке, а его руки тем временем осторожно ощупывают ребра собаки. В полумраке рентгеновского кабинета поблескивают зрачки, подрагивают ушки и недовольно морщится седая морда — все-таки больно.

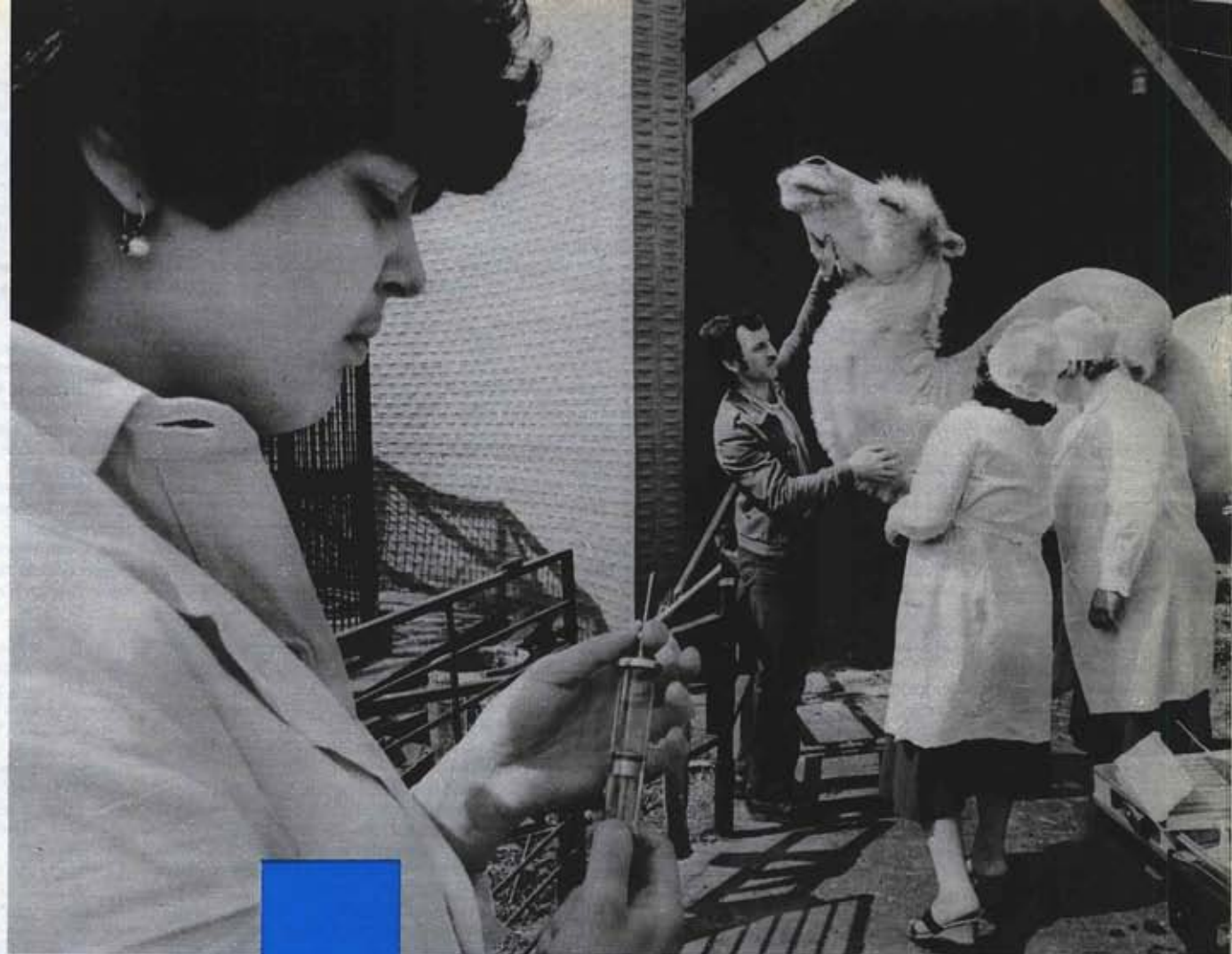
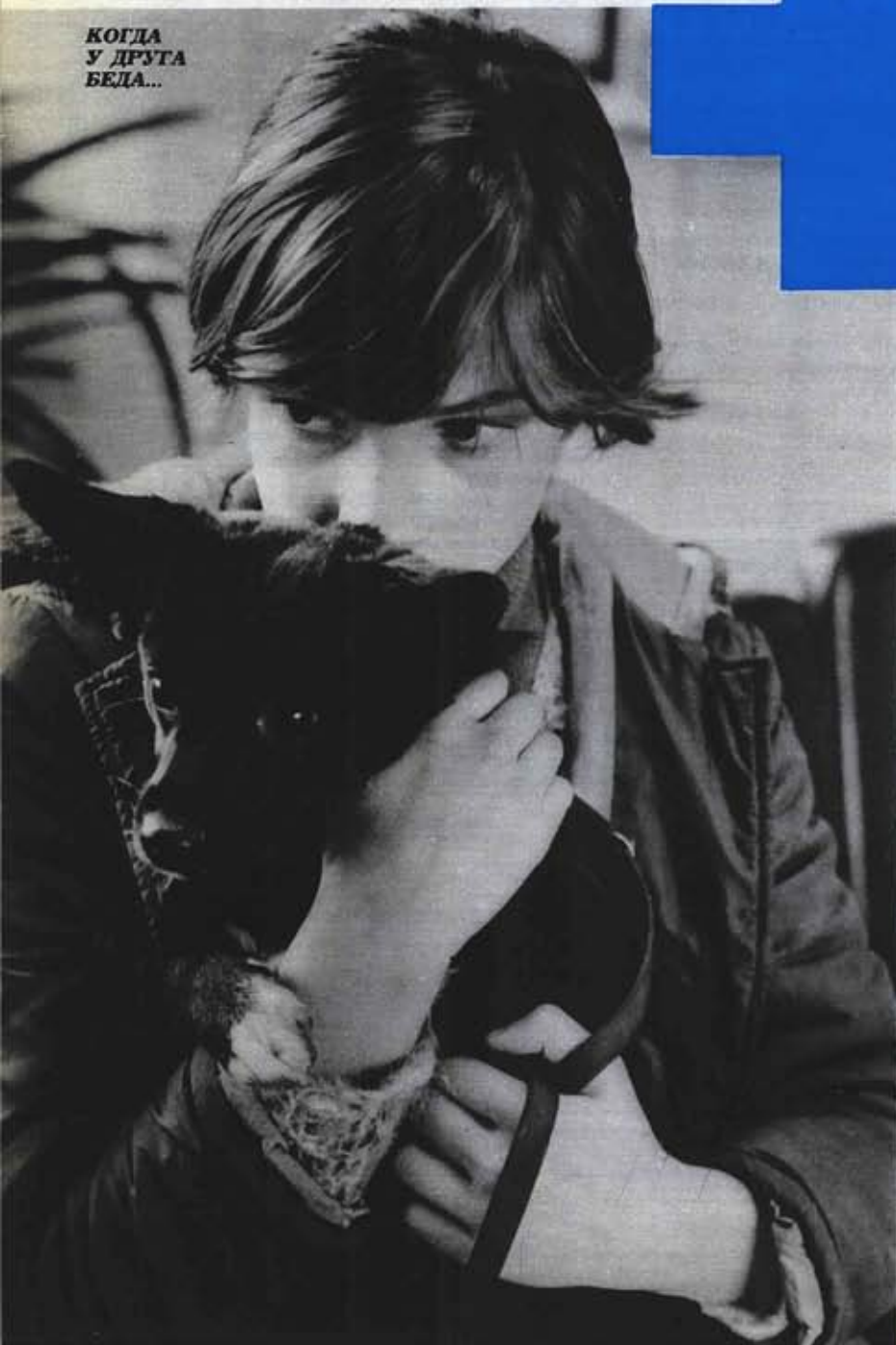
— Так, давайте ее сюда, на этот стол, и чтобы не двигалась, пока я буду снимать... Все.

НА ЭТОТ РАЗ «СКОРАЯ ПОМОЩЬ» С СИНИМ КРЕСТОМ ПРИЕХАЛА К ВЕРБЛЮДУ.

ЭТОМУ ПАЦИЕНТУ ПРОПИСАЛИ ПРОГРЕВАНИЕ УШЕЙ.

**КОГДА
У ДРУГА
БЕДА...**

УКОЛОЛ КО

У ПОПУГАЙЧИКА РАСПУХЛА ЛАПКА. В ВЕТЕРИНАРНОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ ПОСТАВИЛИ ДИАГНОЗ — ПОДАГРА.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ АРТИСТЫ УТОЛКА ИМЕНИ ДУРОВА НАХОДЯТСЯ ПОД ПОСТОЯННЫМ КОНТРОЛЕМ АЙБОЛИТОВ.

Веру собаку на руки и выхожу в приемную, где уже испереживалась ее хозяйка, моя соседка Анна Ивановна. Утром она пришла ко мне в слезах: Капелька вязалась в драку с боксершей... Мне тут же стало ясно — прощай свободный день: надо везти Анну Ивановну и Капельку в лечебницу на улице Юннатов. И вот мы здесь.

Тенюк даду...

К Капельке заинтересованно тянется лобастая морда сенбернара.

— А у вас что? — с сочувствием спрашивает Анна Ивановна.

— Какой-то тип «Жигуленком» двинул в бок Граю и удрал. — Голос пожилого человека дрожит от возмущения.

— Номер, номер надо было записать, — всколыхнулась очередь.

— У меня в глазах все потемнело, а вы говорите — номер, — вздыхает хозяин Грая. — Хорошо, если сломанными ребрами отделаемся.

Рядом со мной притихла девочка. У нее на коленях — полосатый кот, правая лапка его безжизненно свисает.

— Соседский Жорка грозился: выпустишь своего поганого кота в коридор, изувечу. Вот и...

Говорить она больше не в силах, мешают слезы. От отчаянного детского горя нам делается как-то не по себе: словно все мы в чем-то виноваты.

— Кто с Капелькой, зайдите, — приглашают в кабинет.

Сколько я знаю Петра Петровича Отто, он не меняется. Ветеран ветеринарной службы столицы, справившей в этом году полувековой юбилей, Отто по-прежнему молод и энергичен. Блестящий диагност, он не любит лишних слов.

— Перелом у вашей, надо оперировать. Да не бледнейте вы заранее, — ворчит он теперь на хозяйку. — Езжайте в Нагатино и не переживайте — хирурги там отличные.

Пробираемся к выходу по узенькому

коридору. Тесновато на улице Юнатов; лечебница одна из старейших в Москве, когда-то она казалась просторной, а теперь едва вмещает самые необходимые кабинеты, сложные операции делать негде. Но скоро она поменяет адрес: у метро «Речной вокзал» выстроена прекрасная, отвечающая всем современным требованиям клиника. А пока мы едем в Нагатино.

Ветеринарная клиника Пролетарского и Москворецкого районов Москвы, в просторечии Нагатинская клиника, — хирургический ветеринарный центр столицы. Каждый год здесь делается полторы тысячи полостных операций. Есть стационар на двадцать четыре места: шесть палат-боксов, на четырех больших каждая.

К вечеру Капельку благополучно доставили домой. Ей было обещано, что недельки через три она сможет вернуться к прежней жизни.

— Врач звонить велел, телефон вот оставил. Ну днем, понятно, а ну как вечером или ночью что случится, — не успокаивается Анна Ивановна.

Помогут. Помогут в любое время суток. Круглосуточно дежурит «Скорая помощь» с синим крестом на борту. Помогая попавшим в беду животным, врачи ветеринарной службы помогают людям.

Люди... Почему же мы постоянно говорим о них, хотя речь идет о помощи заболевшим животным? Вероятно, потому, что сегодня человека и животного связывают определенные отношения, не укладывающиеся в рамки схемы: владелец — принадлежащее ему существо. Первая международная конференция по изучению взаимоотношений между людьми и домашними животными, состоявшаяся не так давно, пришла к выводу, что контакт с последними необходим современному человеку для сохранения душевного и физического здоровья. Например, установлено, что общение с животными способствует снижению артериального давления. Люди, у которых есть птицы, кошки, собаки, вряд ли об этом думают. Они просто любят своих друзей. А ветеринарные врачи помнят об этом всегда. И порой им приходится решать совсем неврачебные проблемы.

Я слышала такой диалог:

— Доктор, прошу вас, поговорите с моей женой! — умолял врача пожилой мужчина. — Супруга хочет выбросить пса — он болен. Сын ночи не спит второй месяц. Грозится: сделаете что с собакой — уйду из дома! Доктор, вы же знаете наши обстоятельства, помогите.

Джой, немецкая овчарка, болен чумкой. Болеет тяжело, и хозяевам приходится трудно. А Петька, который «ночи не спит», парень восемнадцати лет. В свое время он успел приобрести некоторую сомнительную славу, и в шестнадцать лет был своим человеком в детской комнате милиции. Появление в доме собаки все изменило. Старые дружки оказались забыты. Петр ходил с Джоном на дрессировочную площадку, мечтал попасть служить на границу. Школу окончил неплохо и работает на заводе. Нельзя выбрасывать Джоя! И врач вечером отправляется в эту семью, уговаривает, убеждает. «Дорог ли вам сын? Если дорог — оставьте собаку». Вот как ставит вопрос ветеринарный врач.

Можно было, конечно, рассказать и о научной работе московских ветеринаров, о десятках разработанных ими методик операций и новых методов лечения различных заболеваний. Все это делается, и на очень высоком уровне. Но мне хотелось поговорить о самом главном, без чего невозможно работать в этой области. О доброте, о понимании той роли, какую играют животные в нашей жизни. И, разумеется, о прекрасной, настоящей и по-настоящему любви к животным.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

На 60-м году ушел из жизни Анатолий Васильевич Никонов, главный редактор журнала «Вокруг света».

Несколько лет он работал в «Смене» — ответственным секретарем, затем главным редактором, — и не просто работал, а стоял у истоков преобразования «Смены», когда наш журнал резко возрастал в объеме, тираже, качестве полиграфического исполнения. Нужно было глубоко и четко понимать задачи, встававшие перед журналом, чтобы всей своей незаурядной деловитостью и энергией зажечь и увлечь коллектив, сделать его работу целеустремленной, надежной, творческой. Этого всегда добивался Анатолий Васильевич.

С одинаковой серьезностью он мог выслушать молодого, начинающего сотрудника и крупного писателя, публициста. Равно внимателен был ко всему, что способствовало успеху «Смены». Плоды его усилий остаются с нами.

Сменовцы знали А. В. Никонова как талантливого организатора и редактора, как человека доброго и отзывчивого. До конца своих дней он был предан Ленинскому комсомолу, комсомольской печати. Этим он нам и дорог.

Группа товарищей

КРОССВОРД

Составил С. МАЛАХОВСКИЙ, Томск

По горизонтали:

- Ювелирный камень, разновидность граната.
- Муза, покровительница поэзии.
- Крупное африканское животное.
- Лекарственное растение.
- Русский поэт и переводчик XIX века.
- Короткий скифский меч.
- Деталь прядильной машины.
- Советская гимнастка, олимпийская чемпионка.
- Архитектурный элемент, поддерживающий балкон или карниз.
- Корпус летательного аппарата.
- Повесть Л. Сейфуллиной.
- Ряд книжных полок.
- Специальность строителя.
- Толстая книга большого формата.
- Ответвление от русла реки.
- Экваториальное созвездие.
- Декоративный цветок.
- Столица автономной республики.
- Азовская и черноморская рыба.
- Коллекционирование марок.
- Гибкая резиновая трубка.
- Удача, достижение.
- Советский композитор.

По вертикали:

- Совокупность мелких организмов, живущих в реках и морях.
- Приспособление, на которое наматывается пряжа.
- Персонаж оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила».
- Премированный сборник стихотворений Э. Межелайтиса.
- Художественная эмаль.
- Народ, живущий на севере СССР.
- Советский селекционер, Герой Социалистического Труда.
- Персонаж оперы Г. Майбороды «Арсенал».
- Советский поэт.
- Областной центр РСФСР.
- Минерал, сурьмяная руда.
- Вещество, замедляющее химическую реакцию.
- Музыкальное произведение.
- Жительница европейского государства.
- Роман Ю. Тынянова.
- Серия советских орбитальных станций.
- Черный дятел.
- Дощечка, на которой живописец смешивает краски.
- Город в Ленинградской области.
- Плодовый кустарник.
- Художник-передвижник.
- Часть конской упряжки.
- Химический элемент.
- Легкая хлопчатобумажная ткань.
- Резной камень.

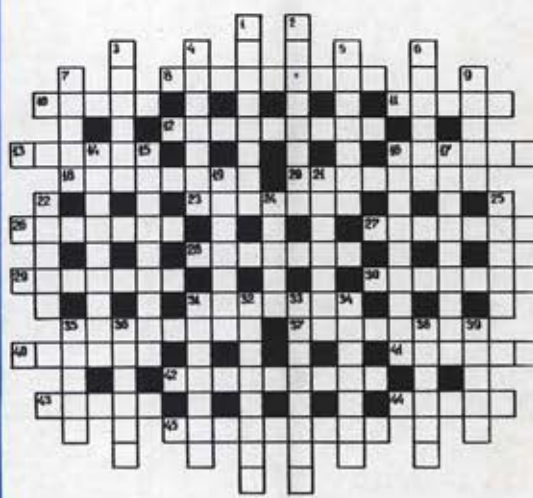
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

- Иларий.
- Хронометраж.
- Кожедуб.
- Рефлекс.
- Хабез.
- Шахта.
- Фокус.
- Консилиум.
- Устав.
- «Война».
- Парламент.
- Овраг.
- Баржа.
- Явина.
- Вольера.
- Третник.
- «Псковитянка».
- Филенка.

По вертикали:

- Клинтух.
- Брамс.
- Портшез.
- Орфей.
- Цапля.
- Контрафогот.
- Аккомодация.
- Барселона.
- Регламент.
- Царство.
- Куинджи.
- Могар.
- Зурна.
- Пьеса.
- Ярнович.
- Армянка.
- Этика.
- Минер.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.08.83. Подписано к печати 17.08.83. А 02761. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1170000 экз. Изд. № 2181. Заказ № 1205. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Четверть века назад в живописную лесную долину между подмосковными реками Клязьмой и Сходней пришли строители. В четырех километрах от железнодорожной станции Крюково и в тридцати семи километрах к северо-западу от Москвы был заложен первый город-спутник столицы.

Зеленоград. Архитекторы, работники лесного хозяйства, специалисты коммунальных служб вместе со строителями впервые приступили тогда к решению сложнейшей задачи: как сохранить лес, одновременно построив — в нем или на его месте — десятки многоэтажных домов? До сего времени решение в таких случаях принималось чаще однозначное — город строился **вместо** леса, а затем новоселы принимались озеленять свои дворы.

В нынешнем году Зеленоград отметил двадцатипятилетие. И поскольку каждый может убедиться в том, что лесные массивы в черте города явно старше своих каменных многоэтажных соседей, можно сказать: эксперимент удался. Город построен, и лес остался жить. Или, как любит при случае пошутить директор леспаркхоза «Зеленоградский» Кузьма Васильевич Белоусов, «у нас не город расположился в лесу, а лес остался в городе». И в этой шутке — крупная доля правды.

Кузьма Васильевич сообщил:

— Мы уже построили в лесу, за основной чертой города и внутри нее восемнадцать детских площадок. И теперь наш цех резчиков по дереву осваивает, так сказать, новый вид продукции — набор предметов для спортивных площадок, рассчитанных как на старший школьный возраст, так и на взрослых. Ибо горожанам, придя в лес, неминуемо ищет еще и возможность где-нибудь приложить свои неистраченные физические силы: рубануть топориком, подтянуться на ближайшей ветке...

Леспаркхоз «Зеленоградский» выбрал единственно правильный путь: не запрета, а помощи желающим поразмяться.

Для детей здесь строятся горки, качели-карусели — тематические площадки с одновременным

напоминанием о прочитанных сказках. Сейчас ребяташки могут поиграть среди «Бременских музыкантов», персонажей «Сказки о попе и о работнике его Балде», потянуть «Репку»... А высокое качество исполнения персонажей мастерами-резчиками Николаем Дерябиным, Александром Тарасовым и другими (всего в цехе мастеров — две бригады, около двадцати человек) запомнит нашим детям о великой силе искусства.

Одновременно у взрослых есть возможность покрутиться на перекладине, посоревноваться в жиме одной (и двумя) руками специально принесенного на площадку пенька, потешить себя и другими всем знакомыми старинными русскими утехами. Судьба леса навеки связана с судьбой города. А посредник между ними, как сказал директор, «нынешняя красивая и оригинальная зеленая архитектура».

Петр НОВИКОВ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

КТО В ТЕРЕМЕ ЖИВЕТ?

ТАК РОЖДАЕТСЯ СКАЗКА...

В ГОСТЯХ У БАБЫ-ЯГИ.